

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№1•Том 78•2023•ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Рудakov В.Н. События на реке Сити (1238) в контексте поведения правителей Русских земель в годы нашествия Батыя	3
Круглова Т.А. Императорские грамоты на Дон (1735–1739 гг.): к вопросу о статусе Войска Донского.	27
Цыганков Д.А. Семинар как новое явление на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е — начале 1870-х гг.	47
Милевский О.А. Буревестники политического террора: Валериан Осинский и Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии.	63
Суплопова Е.А. Дискуссия «О социализме» в палате лордов Великобритании в 1935 г.	89
Простакова Ю.С. Формирование образа Запада как союзника в советской центральной периодической печати в годы Великой Отечественной войны	109
Полынов М.Ф. «Если мы потеряем Чехословакию, я уйду с поста Генерального секретаря». Л.И. Брежнев и чехословацкий кризис 1968 г.	121
Бондаренко Д.М. Память о Гражданской войне, борьба с расизмом и американская нация: конец 2010-х — начало 2020-х гг.	138
Орлов С.В. Исторические аспекты информатизации Контрольно-счетной палаты Москвы (1994–2014 гг.)	165
Сычева Ю.А. Два листа с ветхозаветными композициями в контексте проблемы образца и копирования в искусстве рейнско-маасского региона в XII в.	178

CONTENTS

R u d a k o v V.N. Events on the River Sit' (1238) in the Context of the Russian Rulers' Behavior during the Invasion of Batu Khan.....	3
K r u g l o v a T.A. Imperial Letters to the Don (1735–1739): on the Status of the Don Cossack Host.....	27
T s y g a n k o v D.A. The Seminar as a New Phenomenon at the Faculty of History and Philology of Moscow University in the 1860s — Early 1870s.....	47
M i l e v s k y O.A. The Heralds of Political Terror: Valerian Osinsky and the Executive Committee of the Russian Social-Revolutionary Party.....	63
S u s l o p a r o v a E.A. Debate “On Socialism” in the House of Lords of the United Kingdom in 1935.....	89
P r o s t a k o v a Yu.S. The Shaping of the Image of the West as an Ally in the Soviet Central Periodicals during the Great Patriotic War.....	109
P o l y n o v M.F. “If We Lose Czechoslovakia, I Will Step Down from the Post of General Secretary”. L.I. Brezhnev and the Czechoslovak Crisis of 1968.....	121
B o n d a r e n k o D.M. Civil War Memory, Anti-Racism, and the American Nation: Late 2010s — Early 2020s.....	138
O r l o v S.V. Historical Aspects of the Informatization of the Control and Accounting Chamber of Moscow (1994–2014).....	165
S y c h e v a Yu.A. Two Leaves with the Old Testament Scenes in the Context of Current Studies of models and Copying Processes in Rheno-Mosan Art of the 12th Century.....	178

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-3-26

В.Н. Рудаков

**СОБЫТИЯ НА РЕКЕ СИТИ (1238) В КОНТЕКСТЕ
ПОВЕДЕНИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
В ГОДЫ НАШЕСТВИЯ БАТЬЯ**

V.N. Rudakov

**EVENTS ON THE RIVER SIT' (1238) IN THE CONTEXT
OF THE RUSSIAN RULERS' BEHAVIOR DURING THE
INVASION OF BATU KHAN**

Аннотация. Предметом исследования являются действия великого князя владимирского Юрия Всеволодовича на реке Сити и их отображение в ранних летописных рассказах о нашествии Батые. Цель исследования — реконструировать исторический контекст, в котором действовали князь Юрий и другие правители русских земель во время событий 1237–1241 гг., а также определить отношение авторов летописных и агиографических произведений конца XIII — начала XIV в. к бегству князей от татар. Научная новизна исследования состоит в комплексном использовании статистического и аксиологического методов. Автор пришел к выводу, что из общего числа русских князей (37), упомянутых в ранних летописных рассказах о нашествии, почти половина (18) либо точно бежали от татар, либо поступили так с большой долей вероятности. Это позволяет с доверием относиться к дошедшей в рассказе Новгородской первой летописи старшего извода трактовке, согласно которой Юрий Всеволодович также бежал от татар и таким образом оказался на реке Сити, где и был убит. Вероятнее всего, само по себе бегство князей не было компрометирующим обстоятельством в глазах их ближайших потомков. Наоборот, успешное бегство воспринималось как результат Божьего заступничества и всячески превозносилось. Однако случай с Юрием был особым: в отличие от подавляющего большинства спасавшихся бегством князей, он погиб. В результате автору рассказа Лаврентьевской летописи, поставившему себе задачей написать панегирик великому князю, пришлось создавать достаточно противоречивую картину событий, согласно которой Юрий Всеволодович

Рудаков Владимир Николаевич, кандидат филологических наук, главный редактор журнала «Историк»

Rudakov Vladimir Nikolaevich, PhD Candidate in Philology, Editor-in-Chief, Istorik (journal)

ps-rudakov@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7907-7446

якобы не собирался бежать, а, напротив, готовился дать отпор врагу на реке Сити. Однако там он проявил себя отнюдь не как опытный и отважный воин, а как человек, который подобно святым Борису и Глебу готов был на жертвенное заклание и, как «новый Иов», — смиренно встретить ниспосланные ему испытания.

Ключевые слова: монголо-татарское нашествие, бегство князей, мировоззрение летописцев, Суздальская земля, Юрий Всеволодович Владимирский, Михаил Всеволодович Черниговский, Даниил Романович Галицкий.

Abstract. The article examines the actions of grand prince Yuri Vsevolodovich of Vladimir on the river Sit' and their descriptions in the early narrative of the chronicles about the invasion of Batu Khan. The aim of the study is to reconstruct the historical context in which prince Yuri and other rulers of Russian lands acted during the events of 1237–1241, and to reveal the attitude of the authors of chronicles and hagiographic works of the late 13th and early 14th centuries to the princes' flight from the Tartars. The scholarly novelty of the research consists in the complex use of statistical and axiological methods. The author concludes that almost half of total number of Russian princes (18 out of 37) mentioned in the early narrative of the chronicles about the invasion either definitely escaped from the Tatars, or did so with a high probability. This allows us to believe the interpretation in the older version of the *Novgorod First Chronicle*, according to which Yuri Vsevolodovich also escaped from the Tatars and thus ended up on the River Sit', where he was killed. Most likely, the princes' flight itself was not a compromising circumstance in the eyes of their nearest descendants. Quite the contrary, the successful escape was perceived as God's intercession and was extolled in every possible way. However, Yuri's case was special: unlike the overwhelming majority of princes who fled, he perished. As a result, the author of the *Laurentian Chronicle*, who set out to write a eulogy to the grand prince, had to create a rather contradictory picture of events, according to which Yuri Vsevolodovich allegedly was not going to escape, but, on the contrary, he was preparing to withstand the enemy on the river Sit'. And he revealed himself not as an experienced and courageous warrior, but as a martyr who, like saints Boris and Gleb, was ready for sacrificial slaughter and, like “new Job”, to meekly face the trials that came upon him.

Keywords: Mongol-Tatar invasion, princes' flight, worldview of chroniclers, Suzdal' land, Yuri Vsevolodovich of Vladimir, Mikhail Vsevolodovich of Chernigov, Daniil Romanovich of Galich.

* * *

В настоящей статье рассматриваются действия великого князя владимирского Юрия Всеволодовича в 1238 г. при нашествии Батыея — его отъезд из Владимира, последующее «кружение» по окраинам своих владений, приход на реку Сить, где и произошла гибель правителя Суздальской земли. Смысл его действий позволяет уточнить реконструкция исторического контекста, в основе которого — анализ довольно противоречивых летописных сообщений об указанных событиях.

Рассказ Лаврентьевской летописи (далее — Лавр.) о действиях Юрия Всеволодовича не дает ответа на вопрос, почему тот оказался на реке Сити в марте 1238 г.: «Тое же зимы выѣха Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ, урядивъ сыны своя в себе мѣсто Всеволода и Мстислава. И ѣха на Волгу с сыновци своими с Васильком, и со Всеволодом, и с Володимером, и ста на Сити станом, а ждучи к собѣ брата своего Ярослава с полки и Святослава с дружиною своею. И нача Юрьи князь великий совкупляти воѣ противу татаром, а Жирославу Михайловичю приказа воеводство в дружинѣ своей»¹. Прежде всего, не понятно, зачем для сбора войск великим князем было выбрано одно из самых глухих мест его княжества, находившееся, по выражению В.А. Кучкина, «на самом краю владений суздальских Рюриковичей»². Попытки рационально объяснить действия великого князя предпринимались неоднократно, начиная со времен Екатерины Великой³, однако, не привели к сколько-нибудь удовлетворительному результату⁴.

Лавр. не позволяет судить даже о том, готовился ли Юрий Всеволодович оказать сопротивление татарам, очутившись на реке Сити. Если не брать в расчет молитвы, которые, согласно Лавр., перед боем произносил великий князь (к их анализу мы еще вернемся), то в сухом остатке картина «битвы» даже в комплиментарном по отношению к Юрию источнике выглядит весьма странно. «Внезапу <...> поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю. *Слышав же* (об этом) князь Юрги с бротом своимъ Святославом, и с сыновци своими Василком, и Всеволодом, и Володимером, и с мужи своими, *поидоша противу поганым. И сступишася обои, и бысть стѣча зла, и побѣгоша наши пред иноплеменники. И ту убьень бысть князь Юрьи, а Василка яша руками безбожнии и поведоша в станы своѣ*»⁵. Между тем, если доверять сообщениям Лавр. до конца (а другие источники такой информации не содержат), следует признать: времени на подготовку к бою у Юрия было предостаточно.

¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 461.

² Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 14.

³ См.: *Екатерина II*. Записки касательно российской истории. Ч. 6. СПб., 1801. С. 70–71. Ср.: Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793. СПб., 1874. С. 368. Подробнее см.: Рудаков В.Н. Екатерина Великая против хана Батыея // Родина. 2022. № 7. С. 102–105.

⁴ Из новейших работ, ставящих под сомнение традиционную, опирающуюся на рассказ Лавр., версию событий на реке Сити, стоит отметить: Комаров К.И. О нашествии Батыея на Северо-Восточную Русь в 1237–1238 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 87–96; Майоров А.В. Завоевание русских земель в 1237–1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 23–35; Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем... С. 3–30.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465.

Татары оказались у стен Владимира 3 февраля — к этому времени великий князь уже покинул столицу своих владений. События на реке Сити Лавр. датирует 4 марта 1238 г.⁶ Значит, в общей сложности Юрий Всеволодович перемещался по заснеженным лесам и равнинам самого глухого угла Суздальской земли больше месяца. За это время, согласно Лавр., татары «взяша городовъ 14, опрочъ свободъ и погостовъ»⁷, однако Юрий к сражению оказался совершенно не готов.

Более правдоподобно объясняет произошедшее Новгородская первая летопись (далее — НПЛ), согласно которой Юрий Всеволодович изначально не собирался драться с врагом: «князь же Юрьи выступи изъ Володимиря и бѣжа на Ярославль»⁸. Автор рассказа НПЛ отметил, что татары «погнашася по Юрьи князи», и только тогда, узнав об этом, тот «начал полкъ ставити около себе». Но было поздно: «не успѣвъ ничтоже», он опять «побѣже», в результате чего оказался на реке Сити. Здесь татары и настигли Юрия, «и животъ свои сконча ту». «Богъ же вѣсть, како скончася: много бо глаголють о немъ инии»⁹, — отметил новгородец.

Нет никаких сколько-нибудь серьезных причин считать, что рассказ новгородской летописи менее достоверен, чем рассказ владимирской (Лавр.). Скорее, наоборот. Во-первых, есть основания полагать, что составитель рассказа НПЛ (Тимофей пономарь, который, как установил А.А. Гишпиус, был автором текста за 1228–1274 гг.¹⁰) опирался на рассказы участников событий. В.А. Кучкин считает, что «создававший в XIII в. источник этой летописи пономарь Тимофей специально интересовался судьбой Юрия Всеволодовича и расспрашивал о нем многих людей», тем более что «после боя на р. Сити многие воины Юрия, скорее всего, бежали в лежавшие рядом новгородские земли и вскоре оказались в самом Новгороде»¹¹. При этом сообщение НПЛ корреспондирует с известием персидского историка Рашид-ад-Дина, работавшего над своим сочинением в начале

⁶ Подробнее об этих датах см.: Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем... С. 8–9.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

⁸ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 75.

⁹ Там же. С. 76. Ничего не было известно о сражении на реке Сити и современнику событий — сплитскому архидиакону Фоме. «Сначала они окружили и осадили один очень большой город христиан по имени Суздаль и после долгой осады не столько силой, сколько коварством взяли его и разрушили, а самого короля по имени Георгий они предали смерти (курсив мой. — В.Р.) вместе с огромным множеством его народа» (Фома Сплитский. История архиепископов Салона и Сплита. М., 1997. С. 104).

¹⁰ Гишпиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 8–12.

¹¹ См. подробнее: Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем... С. 7–8, 14–15.

XIV в., о том, что «эмир этой области Ванке Юрку (Юрий) бежал и ушел в лес: его также поймали и убили» (курсив мой. — В.Р.)¹².

Во-вторых, в пользу версии НПЛ говорят также косвенные данные. Учитывая расположение реки Сити, можно утверждать, что непроходимая местность на севере подконтрольных Юрию территорий в гораздо большей степени была удобна для того, чтобы скрываться от неприятелей, нежели для того, чтобы собирать силы, готовясь к нанесению ответного удара. Здесь не было укрепленных пунктов, здесь невозможно было пополнить те скудные ресурсы, которые «малая дружина» Юрия захватила с собой из Владимира, — ни фуража лошадям, ни питания воинам, ни подкреплений за счет жителей окрестных селений. Скорее всего, в оперативном и тактическом смысле движение великого князя в этот район было лишено всякого смысла¹³. А, значит, как полагают исследователи, вполне вероятно, что «в дальнейшие планы Юрия вовсе не входило давать врагу генеральное сражение, во всяком случае, таким сражением нельзя считать стычку с одним из татарских отрядов на р. Сити, в которой Юрий бесславно погиб»¹⁴.

В свое время Дж. Феннел писал, что «новгородский летописец, который в своем рассказе о событиях 1237–1238 гг. относится к Юрию непочтительно, бросал тень сомнения на обстоятельства его смерти. Такого рода догадок об исходе битвы на р. Сити трудно избежать, когда собственный летописец Юрия (имеется в виду рассказ Лавр. — В.Р.) столь поразительно избегает подробностей: легко предположить, что он пытался скрыть какие-то, возможно неприятные, обстоятельства того, что в действительности произошло»¹⁵. Если с выводом Дж. Феннела о позитивном отношении к Юрию автора

---

¹² Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 407. Некоторое время назад Р.А. Беспалов выдвинул гипотезу о том, что свои сведения Рашид ад-Дин мог позаимствовать из летописного памятника, восходящего к Новгородско-Софийскому своду, отразившемуся, в свою очередь, в Новгородской IV, Новгородской Карамзинской и Софийской I летописи. А потому его данные вторичны и не могут использоваться для реконструкции событий 1237–1238 гг. В части, касающейся бегства великого князя, с этим трудно согласиться, равно как и с мнением о том, что сообщение о бегстве Юрия появилось у Рашид ад-Дина в результате «недостаточно квалифицированного прочтения» рассказа Новгородско-Софийского свода. В летописных источниках, восходящих к этому своду, версия бегства Юрия Всеволодовича изложена по Лавр., тогда как Рашид ад-Дин в точности подтверждает версию НПЛ. См.: Беспалов Р.А. К истории создания повестей о Батыевом нашествии в части событий 1237–1238 годов // Летописи и хроники. Новые исследования. 2017–2018. М., СПб., 2019. С. 53–58.

¹³ Комаров К.И. Указ. соч. С. 91–92.

¹⁴ Майоров А.В. Завоевание русских земель... С. 91. Ср.: Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем... С. 8–9.

¹⁵ См.: Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 120–121.

рассказа Лавр. можно согласиться, то в какой мере справедливо суждение о непочтительной позиции автора рассказа НПЛ? И можно ли в этой связи доверять словам новгородского летописца о бегстве великого князя?

«Множество бѣжащих от безбожных татаръ»

Большое значение для ответов на эти вопросы имеет восстановление исторического контекста, внутри которого рассказывается о поведении Юрия Всеволодовича. В этой связи необходимо прояснение двух обстоятельств. Во-первых, выходил ли факт возможного бегства великого князя от татар за рамки общепринятого на тот момент поведения правителей русских земель? И, во-вторых, в какой мере такое поведение воспринималось книжниками как предосудительное?

Что касается ответа на первый вопрос, то приходится констатировать: бегство великого князя владимирского от наступающих татар вполне вписывалось в норму поведения значительной (если не большей) части известных нам правителей русских земель того нелегкого времени.

Обратимся к данным трех ранних летописных рассказов о нашествии — Лавр., НПЛ, Ипатьевской летописи (далее — Ипат.). В общей сложности за период с декабря 1236 по 1241 г. (включительно) в них так или иначе поименно упомянуты 37¹⁶ русских князей, включая названных только «по отчеству» князя Кюр Михайловича¹⁷ и некоего «сына Ярослава»¹⁸ (одного из сыновей великого князя Ярослава Всеволодовича), погибших от рук татар. Некоторые князья упомянуты во всех трех источниках (например, тот же Юрий Всеволодович и его сын Всеволод Юрьевич), некоторые — лишь в двух из них (например, рязанский князь Юрий — в НПЛ и Ипат., а также Ярослав Всеволодович и его сын Александр Ярославич — в НПЛ и Лавр.), большинство же правителей (32 из 37) упомянуты только одним источником.

Из общего числа упомянутых в летописных рассказах о нашествии князей погибло 10 человек (включая Юрия Всеволодовича, обстоятельства гибели которого и составляют предмет настоящей статьи). Судьба еще троих — племянника Юрия князя Всеволода Константиновича (упомянут только в Лавр. в контексте событий

---

¹⁶ Не считая только родившегося в 1241 г. князя Василия Ярославича — сына великого князя Ярослава Всеволодовича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470).

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 779.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 76.

Судьба русских князей, упомянутых в ранних летописных источниках о нашествии Батгя (в период с декабря 1236 по 1241 г. включительно)

	Лавр.	НПЛ	Ипат.	Всего
Убиты*	6	3	1	10
Скорее всего, убиты (о гибели не сообщается, но имя больше не упоминается)	1	–	2	3
Попал в плен	–	1	–	1
Остались живы, находясь в безопасном месте	3	1	1	5
Скорее всего, спаслись бегством	12	–	1	13
Спаслись бегством	–	–	5	5
Всего упомянуто князей (без повторов)	22	5	10	37

* с учетом вел. кн. Юрия Всеволодовича

на р. Сити¹⁹), уже упомянутого кюр Михайловича (о нем говорится только в Ипат. как об участнике сражения под Коломной²⁰) и князя Мстислава Глебовича (согласно Ипат., оказавшего сопротивление татарам у стен Чернигова²¹) неизвестна: сообщений об их гибели летописи не содержат, однако в дальнейшем повествовании они более не упоминаются. Можно с большой долей вероятности предположить, что они также погибли. В итоге погибшими можно считать 13 человек. Один рязанский князь, Олег Ингваревич, оказался в плену, из которого возвратился лишь пятнадцать лет спустя в 1252 г.²²

Как вели себя остальные 23 спасшихся князя?

О бегстве пяти из них мы можем однозначно судить на основании прямых указаний летописных источников. Так, бегством спаслись великие князья Михаил Всеволодович Черниговский и его сын Ростислав²³. Кроме них от татар бежал великий князь Даниил Романович Галицкий вместе с братом Василько Романовичем и сыном Львом Даниловичем²⁴. Высока также вероятность спасения бегством еще одного правителя русских земель — смоленского князя

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461, 465.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778–779.

²¹ Там же. Стб. 782.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473, 475; Т. 3. С. 74.

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782–784. Подробнее см.: Димник М. Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг. // Русин. 2014. № 1. С. 18–19; Майоров А.В. Михаил Черниговский в Силезии и битва при Легнице // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60) (июнь). С. 23.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

Ростислава Мстиславича, ненадолго севшего на княжеский стол в Киеве после бегства оттуда Михаила Всеволодовича Черниговского, но впоследствии изгнанного оттуда Даниилом Романовичем перед самым нашествием²⁵.

Еще пять — князь Всеволод Мстиславич, которого Ярослав Всеволодович, согласно Лавр., посадил на княжении в Смоленске²⁶; упомянутый в Ипат. князь Ростислав Владимирович²⁷ (сын смоленского и киевского князя Владимира Рюриковича) и полоцкий князь Брючислав, на дочери которого, согласно НПЛ, женился Александр Ярославич²⁸, судя по всему, в момент нашествия изначально находились в безопасном месте — за пределами территорий, подвергшихся нападению татар. Великий князь Ярослав Всеволодович²⁹ и его сын князь Александр Ярославич (Невский) также находились вдалеке от районов, куда вторглись отряды Батыя³⁰.

И Ярослав Всеволодович, и Александр Ярославич упомянуты, наряду с еще 12 правителями Северо-Восточной Руси, в помещенном в рассказ Лавр. списке князей, спасшихся от нашествия³¹. О том, как спаслись еще двое из этого списка, мы можем судить вполне определенно. Если верить сообщению Лавр. (другие источники об этом ничего не сообщают), брат погибшего Юрия Всеволодовича — князь Святослав Всеволодович, а также их племянник князь Владимир Константинович — оказались в зоне боевых действий, придя вместе с великим князем Юрием на р. Сить³². Согласно Лавр., Святослав Всеволодович (он княжил в расположенном в 60 километрах от Владимира Юрьеве-Польском), в отличие от Ярослава Всеволодовича, успел примкнуть к «малой дружине» Юрия. При этом, в отличие от старшего брата, он не погиб на р. Сити³³. После смерти Ярослава в 1246 г. Святослав Всеволодович занял владимирский великокняжеский стол и уже в качестве великого князя в 1250 г. ездил «в Та-

---

²⁵ Там же. Стб 782. См.: *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. СПб., 2016. С. 34.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 788.

²⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 77.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461. См.: *Горский А.А.* Проблемы изучения Слова о погибели Русская земли» (к 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л, 1990. С 30–32; *Рудаков В.Н.* Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 412.

³⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 76.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

³² Там же. Стб. 465.

³³ Там же. Стб. 467. См. подробнее: *Рудаков В.Н.* Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича на Каменец (1239 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89) (сентябрь). С. 24–27.

тары» и, благополучно вернувшись оттуда, умер только в 1252 г.³⁴ То есть Святослав не просто спасся во время событий на р. Сити: на протяжении целого ряда лет у татарских правителей не возникало претензий к князю в связи с его участием в последнем сражении Юрия Всеволодовича. Возможно, это было связано с тем, что Святославу удалось бежать, так и не приняв участия в боевых действиях с татарами, которые иначе вряд ли простили бы князю факт вооруженной борьбы с ними. Не погиб в сражении на Сити и князь Владимир Константинович: он упомянут в числе других князей, ездивших спустя шесть лет, в 1244 г., к хану Батыю³⁵.

Еще пять чудесным образом спасшихся князей — это брат убитого на Сити великого князя Юрия, стародубский князь Иван Всеволодович, а также дети правителей княжеств Суздальской земли — сын князя Святослава Всеволодовича Дмитрий, дети убитого татарами после событий на р. Сити ростовского князя Василька Константиновича — Борис и Глеб, а также сын упомянутого участника событий князя Всеволода Константиновича — Василий. Судя по тому, что все они имели владения на территории, подвергшейся татарскому нашествию, единственная возможность спастись у них также могла быть связана с бегством из родных мест — куда-то, куда татары так и не дошли.

Наконец, еще пять спасшихся князей — это младшие дети великого князя Ярослава Всеволодовича: Андрей, Константин, Афанасий, Даниил и Михаил. Если место нахождения самого Ярослава Всеволодовича во время нашествия на северо-восточную Русь с большой степенью вероятности может быть установлено (это Киевская земля³⁶), то в отношении его детей такой ясности нет. Вполне возможно, что они находились с отцом в южной Руси и вернулись в Суздальскую землю вместе с ним (не ранее середины 1238 г., но, вполне вероятно, в конце 1239 г.³⁷). Однако не исключен вариант, что они могли жить всё это время в Новгороде вместе со старшим братом Александром (и, возможно, со своей матерью). Также нельзя исключать и того, что вплоть до нашествия младшие дети Ярослава Всеволодовича могли оставаться в родовом гнезде отца — Переяславле-Залесском и, только узнав о приближении татар, двинуться вместе с матерью на север (в тот же Новгород или куда-то еще). В пользу последнего варианта

---

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471-473.

³⁵ Владимир Константинович умер в 1249 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470, 472).

³⁶ Горский А.А. Проблемы изучения Слова о погибели Русская земли» ... С 30–32.

³⁷ Рудаков В.Н. Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича ... С. 17–20.

говорит то, что, согласно НПЛ, один неназванный по имени «сынъ Ярославль» был убит, причем, произошло это, по всей видимости, либо в Суздальской земле, либо недалеко от нее («Оканънии же они оттолъ пришедше, взяша Москву, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тфъръ; ту же и сынъ Ярославль убиша»³⁸). Если интерпретировать летописный текст таким образом, что убийство произошло вслед за взятием татарами Твери, вполне можно допустить, что сын Ярослава Всеволодовича погиб как раз во время бегства семьи из Переяславля в направлении Новгорода.

Приведенный в Лавр. под 6747 (1239) г. список правителей Суздальской земли, спасшихся от нашествия Батыя, позволяет утверждать, что значительная часть князей предпочла спастись бегством. В общей сложности в списке упомянуты 14 правителей северо-восточной Руси, которых, по выражению летописца, Господь «*избавилъ есть от враг наших*». Помимо «благочестиваго и правовѣрнаго великого князя Ярослава» с шестью «благородными своими сыны» — Александром, Андреем, Константином, Афанасием, Данилой и Михайлом, это также братья Ярослава — князь Святослав Всеволодович с сыном Дмитрием и Иван Всеволодович, а также племянник Ярослава князь Владимир Константинович и трое его внучатых племянников — Борис и Глеб Васильковичи, а также Василий Всеволодович. «*Си вси сохранени быша Божьею благодатью*», — специально отметил составитель рассказа Лавр.³⁹ Сообщая о спасении князей, он уточнил, каким образом произошло это спасение: «*гоняша по них татарове и не обрътоша. Яко же и Сауль гоняше Давида, но Богъ избави от руку его, тако и сих Богъ избави от руки иноплеменник*»⁴⁰. Сравнение правителей русских княжеств с Давидом, за которым гнался царь Саул, указывает на то, что «избавление от рук иноплеменников» произошло благодаря бегству князей от преследовавших их татар. Согласно библейской 1-й Книге Царств (на тот момент юноша, а в будущем — царь Израиля) Давид неоднократно именно бегством спасался от гнева царя Саула, в которого вселился злой дух («*нападаше духъ лукавый от Бога на Саула*»⁴¹).

Таким образом, из 37 князей, которых мы знаем по именам, примерно треть погибла (10, в том числе и бежавший, согласно НПЛ, Юрий Всеволодович) или, скорее всего, погибли (3), один князь попал в плен, незначительное число (5) в момент нашествия находились на безопасном расстоянии от татар, остальные же (почти

---

³⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 76.

³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ 1 Цар. гл. 18–31.

половина от общего числа!) либо точно бежали (5), либо сделали это с большой долей вероятности (13).

«Гониша по них и не обрътоша»

Как воспринималось книжниками бегство князей? В этой связи первым делом вспоминается летописная статья «Повести временных лет», датированная 971 (6479) г. и рассказывающая о походе князя Святослава на «греки». Летописец сообщает, что, увидев войско противника, «Русь убояшася зъло». В этой ситуации князь призывает войско «не посрамить Русской земли»: «Аще ли побъземъ, срамъ имамъ. Не имамъ убъжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». Речь Святослава возымела действие: воины решили биться до конца, в итоге бежать пришлось «грекам»⁴². Таким образом, мы имеем весьма красноречивое свидетельство, что, по крайней мере, начиная с X в., бегство с поля боя приравнивалось к «сраму» — поведению постыдному и недостойному. Наоборот, отвага и сопротивление врагу входили в число воинских добродетелей, причем как самого князя, так и его воинов: «любить князь воина, стояштя и борющагося съ врагы, и овогда убо уязвяюштя, овогда же уязвяема, паче *бъгаюштяго* и оружие помештшюштааго»⁴³.

Между тем использованное в рассказе Лавр. сравнение с Давидом и Саулом позволяет не только реконструировать *способ избавления* русских князей от татар, но и понять, каким было *отношение автора* рассказа Лавр. к бегству правителей Суздальской земли. Среди прочего книжник неоднократно цитировал летописные сообщения самой Лавр. о походе князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г., на что в свое время обратил внимание Г.М. Прохоров⁴⁴. Но им были обнаружены не все цитаты, взятые из рассказа об этом походе. Так, незамеченной исследователем осталась финальная фраза летописной статьи 6694 (1185) г., повествующая о бегстве князя Игоря из половецкого плена. Именно она почти дословно воспроизведена в рассказе об избавлении русских князей от нашествия Батгя под 6747 (1239) г.: «И по малых днѣхъ ускочи Игорьъ князь у половець — не оставить бо Господь праведнаго в руку грѣшничю: очи бо Господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ! *Гониша бо по нем и не обрътоша, якоже и Саулъ гони Давыда, но Богъ избави ѱ, тако и сего*

⁴² Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 33.

⁴³ Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2009. С. 587–588 (Л. 216–216 об.).

⁴⁴ Прохоров Г. М. Повесть о нашествии Батгя в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1973. С. 78, 82.

Богъ избави из руку поганых»⁴⁵. При этом бегство князя Игоря связывалось с Божьей помощью не только в рассказе Лавр. — точно так же его действия трактовались и в «Слове о полку Игореве»: «Игореву князю *Богъ путь кажетъ* изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу»⁴⁶. Всё это позволяет утверждать, что, с точки зрения книжника, бегство правителей Суздальской земли было обусловлено Божьим промыслом в той же мере, что и бегство Давида от Саула, и князя Игоря Святославича от половцев.

Однако помимо книжного, отсылающего читателей к библейским сюжетам, вероятно, был и другой контекст, в рамках которого, воспринималось бегство князей, — контекст поведенческий. В Лавр. рассказ о событиях 1239 г. завершается упоминанием про «злой пополох» (т.е. тревогу, смятение, переполох⁴⁷), который был «по всей земле»: «тогда же бѣ *пополохъ золь* по всей земли, и сами не вѣдяху и *гдѣ хто бѣжитъ*»⁴⁸. На первый взгляд, это сообщение могло относиться исключительно к последствиям произведенного в тот год набега татар на Муром и Гороховец. Но, вполне возможно, что летописец имел в виду не только ситуацию 1239 г., но и в целом обстоятельства, возникшие в период нашествия Батыя. Про «множество бѣжащих от безбожных татаръ», встреченных по дороге из Венгрии князем Даниилом Романовичем Галицким, сообщала Ипат.⁴⁹ Косвенно о бегстве паствы в годы нашествия (как о «рассеянии людей по земле») упоминается и в «Правиле Кюрила, митрополита роуськаго» 1274 г.⁵⁰ Про бегство князей (и не только) перед лицом татар говорилось и в Поучениях владимирского епископа Серапиона (1270-е гг. XIII в.), который точно указывал причину такого поведения: «князии нашихъ, воеводъ *крѣпость ищезе*, храбрии наша, *страха наполньншеся, бѣжаша*»⁵¹. Впрочем, речь шла не о

---

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 399. Интересно, что в поздних летописных редакциях, например, в более поздних летописях (Новгородская IV, Софийская I, Никоновская и ряд других), создававшихся в XV–XVI вв., в истории с бегством из плена Игоря параллель с бегством Давида от Саула была убрана, точно так же как была убрана эта параллель из рассказа о князьях, спасшихся от Батыя. См.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 220; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 298; Т. 10. М., 2000. С. 14, 113.

⁴⁶ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 384.

⁴⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 94.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469–470.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

⁵⁰ Правило Кюрила, митрополита роуськаго, сошедшихся епископов: Далмата новгородского, Игнатия ростовского, Феогноста переяславского, Симеона полотского, на поставление епископа Серапиона володимирского // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1908. Стб. 86. См. подробнее: *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. Т. 10. М., 2002. С. 211–224.

⁵¹ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 448.

страхе перед татарами как таковыми (хотя и он, разумеется, имел место): Серапион имел в виду страх перед карой Господней, ниспосланной во исправление человеческих грехов⁵². Точно так вели себя, судя по всему, москвичи, о действиях которых в момент нашествия Батья есть краткое упоминание в новгородской летописи: «Москвичи же *побѣгоша*, ничего же не видѣвше»⁵³.

Так что указание Лавр. на то, что люди «сами не вѣдяху и *гдѣ хто бѣжитъ*», могло относиться в целом к жителям русских княжеств в период нашествия. В этом контексте действия бежавших от татар князей могли выглядеть лишь как частный случай общего, весьма распространенного в то страшное время поведенческого выбора. Об этом свидетельствует житийное Сказание о гибели в Орде Михаила Черниговского и его боярина Феодора (далее — Сказание) в «редакции, приписываемой отцу Андрею»⁵⁴. В тексте описываются три варианта поведения людей во время «нахождения поганых татаръ на землю христьянскую». Одни — «затворяхуся въ градѣхъ». О них сказано, что «иже въ градѣхъ затворишася, ти исповѣданиемъ и со слезами Богу молящеся, тако от поганыхъ немилостивно избѣени быша». Вторые — бежали в дальние страны. Среди них и главный герой житийной повести князь Михаил Всеволодович: «Михаилу же *бѣжавишу* во Угры, инии же *бѣжаша* в земли дальни». Наконец, третьи скрывались в труднодоступных местах: «инии же *крыяхуся* в пещерахъ и в пропаstech земныхъ <...>, в горахъ и в пещерах и в пропаstechъ и в лѣсѣхъ». Как отмечает книжник, «мало от тѣхъ остана». Согласно повести, впоследствии те, кто убежали в дальние страны, решили вернуться. Были среди них и *князья* (именно так — во множественном числе!): «Слышавше же се иже бяху ся *разбѣгли на чюжи земли*, и взвратишася князи и вси людие на свои земли, что ихъ избыло ся»⁵⁵.

«Не добро нам стоять близ воюющих нас»

Доброжелательное отношение составителя Лавр. к князьям, которые, как Давид от Саула, спаслись от татар, позволяет сделать вывод о том, что бегство правителей русских земель оценивалось

⁵² См.: Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2017. С. 86–88.

⁵³ Текст восстанавливается на основе НПЛ младшего извода, однако в НПЛ старшего извода он тоже был, но там слово «*побѣгоша*» было выскоблено. См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 287.

⁵⁴ Ее составление датируется периодом до 1270 г. См.: Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X — начала XX вв. Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990. С. 30.

⁵⁵ *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 55.

книжниками по какой-то иной шкале, нежели это делал в «Повести временных лет» князь Святослав Игоревич, а также составитель Изборника 1076 г. Это может объясняться тем, что летописные рассказы о нашествии создавались в среде князей или духовных лиц, ближайšie предки которых (а, возможно, и они сами) спасались бегством. Исследователи неоднократно высказывали предположения о возможном использовании в соответствующей части Лавр. материалов ростовского и владимирского происхождения⁵⁶. Между тем ростовский епископ Кирилл как раз был в числе тех, кто спасался от нашествия бегством на Белоозеро⁵⁷. Скорее всего, бегством (может быть, тоже на Белоозеро) спасалась и семья погибшего в районе р. Сити ростовского князя Василька Константиновича — его сыновья Борис и Глеб и жена Мария Михайловна (дочь бежавшего от татар великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского). Как следует из списка князей, помещенного в Лавр., с большой долей вероятности точно также поступили и другие правители Суздальской земли, а, значит, и они, и их потомки, при которых текст рассказа о нашествии подвергался серьезной редакции, вряд ли имели желание обличать подобное поведение.

Отношение к бегству «своего» князя вообще было либо позитивным (как в Лавр.), либо нейтральным. Это прослеживается даже на терминологическом уровне. Важным маркером восприятия поступков князей является то, какие эпитеты использовали книжники для обозначения действий покинувших свои земли правителей. Так, составитель рассказа Лавр. вообще не описывал действия князей в категориях бегства. Их поведение раскрывалось через поступки завоевателей («*гонишиа по них татарове и не обрѣтоша*»). Сравнивая князей с Давидом, а их преследователей с Саулом, книжник маркировал способ спасения князей не просто в качестве приемлемого с этической точки зрения, но даже богоугодного поступка, поскольку «*сих Богъ избави от руки иноплеменникъ*», «*избавиль есть от враг наших*». Точно так же составитель рассказа, дошедшего в составе Лавр., описывал и действия других героев своего повествования, спасавшихся от татар: ростовского епископа Кирилла, про отъезд

---

⁵⁶ Ср.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 142–144; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 280–288; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 193–195; *Кучкин В. А.* Завоевание Руси Батыем... С. 7.

⁵⁷ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465. От татар удалось бежать не только ростовскому, но и безымянному рязанскому владыке: «а епископа ублюде богъ: *отъѣха проче во ть годъ, егда рать оступи градъ*». См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 75. О поведении высшего духовенства в годы нашествия см.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1900. С. 14–15.

которого на Белоозере составитель Лавр. вообще не сообщал, зато сообщал о его возвращении («блаженъи же епископъ Кирилъ <...> *иды* из Бѣлаозера»), а также черниговских князей, покинувших город накануне его штурма татарами. «Взяша Татарове Черниговъ, князи ихъ *въѣхаша* въ Оугры», — повествует Лавр., даже не уточняя, кто именно из членов правившей в Чернигове княжеской династии имеется в виду. Хотя имя черниговского князя Михаила Всеволодовича, бежавшего, согласно Ипат., как раз «въ Оугры», конечно, было известно в Суздальской земле, где создавался этот рассказ и где жили его дочь и внуки⁵⁸. Характерно, что оставление Владимира великим князем Юрием Всеволодовичем в Лавр. описано по той же схеме: «*въѣх*а Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ», «*ѣх*а на Волъгу с сыновци своими»⁵⁹ (так же нейтрально сообщала об отъезде Юрия и Ипат.: «Юрьи же князь <...> *изииде* изъ града»⁶⁰).

Не менее показательное описание бегства великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Если «чужая» по отношению к нему галицко-волынская летопись, рассказывая о действиях князя, оперировала исключительно понятием «бегство»⁶¹, то в тех текстах, авторы, которые так или иначе благоволили Михаилу, присутствует гораздо большее терминологическое разнообразие. Весьма любопытная характеристика бегства черниговского князя дается в так называемой «ростовской редакции» (далее — ред. Р.) Сказания о гибели в Орде Михаила Черниговского и его боярина Феодора, которое, по мнению исследователей, могло быть создано в 1270-е гг. в Ростове еще при жизни князей Бориса и Глеба Васильковичей — внуков Михаила Всеволодовича⁶².

Не исключено, что именно с этим связана попытка составителя ред. Р. (причем, как на уровне терминов, так и на смысловом уровне) смягчить впечатление о поведении Михаила Всеволодовича. По крайней мере, только в этой редакции Сказания поездка великого князя в Венгрию не названа «бегством»: отмечалось лишь, что князь «*отѣѣх*а въ Оугры» (что вполне корреспондируется с рассказом Лавр. о черниговских князьях, которые «*въѣхаша* въ Оугры»)⁶³. При этом в ред. Р. со ссылкой на библейский текст (Пс. 22:4) подчеркивалось, что отъезд Михаила «в Угры» не был проявлением его

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

⁵⁹ Там же. Стб. 461.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

⁶¹ Там же. Стб. 782–783.

⁶² Кучкин В.А. Монголо-татарское иго.... С. 27; Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. СПб., 2003. С. 208.

⁶³ Ср.: Серебрянский Н.И. Указ. соч. С. 55; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

страха. Скорее, наоборот. «Егда же быс нахождение иноплеменникъ на землю русьскую гнѣвомъ Божиимъ за оумножение грѣх наших, избыща многи князи — сродники его, а Михайло *отѣха* въ Оугры, якоже пророкъ глаголетъ, *не оубоюся* злая, яко ты со мною еси»⁶⁴. Иными словами, в ред. Р. отъезд (а по факту — бегство) Михаила объяснялось заступничеством Божиим: именно оно стало ему защитой в ситуации, когда многие его «сродники» оказались убиты татарами, а он при этом уцелел. Получается, что он тоже спасся, подобно Давиду, бежавшему от Саула. В остальных же редакциях житийных произведений о гибели Михаила его действия во время нашествия названы «бегством». Тем самым в них подтверждалась версия рассказа Ипат., прямота оценок которого, видимо, объяснялась тем, что текст был создан в интересах враждебной по отношению к черниговскому князю галицко-волынкой династии. Значит, упоминание в остальных редакциях Сказания о бегстве князя отнюдь не мешало достижению главной цели житийных произведений — прославлению христианского подвига Михаила, который спустя несколько лет после нашествия Батыея принял мученическую смерть в Орде.

При этом, описывая бегство «своего» князя — Даниила Романовича, также спасавшегося в «чужой земле», составитель галицко-волынкой летописи всячески избегал называть его отъезд бегством⁶⁵. Создается впечатление, что книжник был солидарен со своим князем в том, что спасение правителя, а также его семьи — главное, о чем стоило заботиться и о чем стоило писать⁶⁶. При этом то, что за это время случилось с княжескими владениями («Русской землей», как формулировал это галицко-волынкой летописец), — дело хоть и печальное, но все-таки второстепенное: *«иде изо Угоръ во Ляхы на Бардуевъ и приде во Судомиръ. Слыша о братѣ си и о дѣтех и о княгини*

⁶⁴ *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 55.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784–788.

⁶⁶ Некоторое время назад венгерский исследователь И. Долманьош выдвинул гипотезу, согласно которой отъезды русских князей из столиц являлись проявлением особой воинской тактики — так называемых «регифугий» (от лат. «*regifugia*» — букв. «бегство царя»). Согласно законам этой «тактики», монарх в случае возможной осады столицы якобы просто обязан был совершить «регифугию» и уехать собирать войска вне досягаемости врага. Как полагает И. Долманьош, это было продиктовано тем, что «личная безопасность князя являлась главным залогом безопасности государства». В результате, как писал исследователь, «наступило время великих побегов» и даже «возник обычай нахождения князя в бегах». См.: *Долманьош И.* Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье: Русские аналогии некоторым европейским «регифугиям» // *Etudes historiques hongroises 1985 publiées à l'occasion du XVI Congrès international des Sciences Historiques par le Comité National des Historiens Hongrois.* Bd. 1. Budapest, 1985. С. 152–172; *Рудаков В.Н.* Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2012 № 1 (47) (март). С. 55.

своей, яко вышли суть из Руское земля в Ляхы предъ безбожными татары, и потосьнуса взискати ихъ, и обръте ихъ на рѣцѣ рекомѣй Полцѣ, и возрадовашия о совокупленьи своемъ, и жалишаси о побѣдѣ земля Руское и о взятъи град от иноплемьникъ множества»⁶⁷.

Таким образом, в дошедших до нас произведениях книжности, посвященных событиям периода нашествия Батыя, нет и намек на осуждение князей за бегство от врага. Есть нюансы, которые отличают описание действий «своих» и «чужих» правителей, но и эти нюансы не позволяют допускать, что бегство могло быть поставлено князьям в упрек. В этом контексте новгородская версия событий на р. Сити может считаться вполне нейтральной по отношению к памяти Юрия Всеволодовича, поскольку составитель рассказа НПЛ не написал о великом князе ничего такого, что выходило бы за рамки распространенного в годы нашествия поведения правителей Русской земли и могло бы бросить на них тень. По крайней мере — в глазах читателей летописных и агиографических произведений, составленных в конце XIII — начале XIV в. в среде ближайших потомков тех, кто жил в грозную годину Батыева нашествия.

«Новый Иов терпением и верою»

Возникает закономерный вопрос: если с точки зрения книжников того времени в бегстве «своего» князя не было ничего зазорного и можно было даже в житии святого писать об этом прямым текстом, почему составитель рассказа Лавр. все-таки не стал упоминать о бегстве Юрия Всеволодовича (использовав более нейтральные формулировки — «отѣха» или «выѣхаша»), а представил дело так, будто князь готовился дать татарам вооруженный отпор и именно потому очутился на севере своих владений?

В контексте вышеизложенного причина такого решения книжника могла быть связана с тем, что возможное бегство Юрия, в отличие от аналогичных поступков других правителей русских земель, завершилось *не спасением* великого князя от татар, а его гибелью. А значит, параллель с бегством Давида от Саула, и шире — с бегством, являющимся дарованным Господом способом спасения, в данном случае явно не срабатывала. Поэтому автору рассказа Лавр. пришлось существенно скорректировать «новгородскую» версию событий (она могла бытовать и в виде текста, и в устной форме), поскольку она, с его точки зрения, как раз бросала тень на погибшего правителя Суздальской земли. Но не потому, что в результате он выглядел как человек, который предпочел борьбе бегство (таких князей

---

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

в то время было много), а потому, что замысел Юрия не удался, а значит, Промысел Божий был не на его стороне.

Нельзя исключать, что дополнительным стимулом к работе книжника могли стать бытовавшие в то время суждения о том, что Юрий пострадал не просто так, что он стал жертвой собственных ошибок и грехов. Отголоски подобных суждений сохранились в рассказе НПЛ о том, что Юрий не откликнулся на просьбы рязанских князей о помощи («просяче помочи, или самому пойти»): «Юрь же самъ не поиде, ни послуша князии рязаньскихъ молбы, но самъ хотѣ особъ брань створити»⁶⁸. Та же Лавр., видимо, в результате долгих переделок сохранила весьма противоречивую характеристику «дипломатического стиля» Юрия Всеволодовича, из которой невозможно сделать вывод, как именно великий князь обошелся с приходившими к нему татарскими послами. С одной стороны, он их отпускал, одаривая и «помяная слово Господнее <...> Не токмо же друга, но и врагы ваша любите и добро творите ненавидящим вас». С другой стороны, он давал понять, что «мириться» с ним не намерен, «яко же пророкъ глаголет: Брань славна луче есть мира студна»⁶⁹.

Наконец, отголоски критического отношения к Юрию дошли в произведении более позднего времени — так называемой «чудовской редакции» Сказания о гибели в Орде Михаила Черниговского и его боярина Феодора. «Чудовская редакция» представлена единственным списком, датируемым второй половиной XVI в.⁷⁰ Как отмечал еще Н.И. Серебрянский, отличительной особенностью этой редакции жития Михаила Черниговского является включение в ее текст рассказов, не имеющих «прямого отношения к биографии святого»⁷¹. Один из таких рассказов, «вкрапленных» в текст жития, посвящен великому князю Юрию Всеволодовичу, который показан весьма недостойным человеком: «бе бо живущему свиньскы, въ мнозе кале греховнем и скверне, в гордыни и властолюбии и в пиянстве и в зависти и в любодеении и в скупости и в немилосердии, воистинну скотско житие живый, и обеща покаяться, но токмо словом единым». Известие о нашествии татар отвергает великого князя в «недоумение»: «смятесе оумом и страхом великым объят быс и омервевъ сердцемъ», поскольку, отмечает книжник, «обычаи бо есть съгрешающим оумертвевати и немужьственно сердце имети». Благо-

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 74–75.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 468. См. подробнее: *Прохоров Г.М.* Указ. соч. С. 87.

⁷⁰ ГИМ. Чудовское собр. № 251/49. Л. 422–429. См.: Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 140–141.

⁷¹ *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 49.

честивый старец предсказывает князю гибель от рук завоевателей в качестве кары за грехи, и это предсказание сбывается⁷².

Трудно судить о том, когда возник этот рассказ и почему он попал в начальную часть житийного рассказа о совершенно другом человеке. Первый публикатор «чудовской редакции» Н.И. Серебрянский полагал, что «в основе рассказа лежит народное предание о событиях завоевания северо-восточной Руси татарами, быть может, очень древнее», однако какими-либо более точными сведениями о происхождении этого сообщения он не располагал⁷³. Тем не менее, приходится констатировать, что даже спустя три столетия после гибели Юрия Всеволодовича его поступки, совершенные накануне нашествия, продолжали вызывать интерес. Можно предположить, что и сразу после смерти Юрия разное «глаголили о нем иныи». А это значит, что составителю рассказа Лавр. необходимо было приложить определенные усилия, чтобы скорректировать образ погибшего князя.

В отличие от автора рассказа НПЛ, судя по всему, безразличного к посмертной славе великого князя, составитель Лавр. явно стремился создать панегирик погибшему правителю Суздальской земли. При этом ему неизбежно приходилось считаться с тем, что рассказ о полководческих талантах Юрия Всеволодовича по определению не мог лечь в основу такого панегирика, ведь эти таланты князь как раз и не проявил. Именно с данным обстоятельством связано стремление составителя рассказа Лавр. преподнести историю гибели Юрия в ином смысловом контексте — не как бегство, а как неудавшееся военное приготовление (частью которого и был отъезд из столицы) князя, изначально готового к предстоящей искупительной жертве.

Для прояснения замысла летописца большое значение имеет анализ деталей описания поступков великого князя, а также «молитв», вложенных составителем Лавр. в уста Юрия Всеволодовича, в частности, «молитвы», которую он произносил в тот момент, когда, будучи на Сити, получил известие о взятии татарами оставленного им Владимира. Исследователи давно обратили внимание на то, что «молитвы» Юрия Всеволодовича сконструированы летописцем из цитат, взятых им из предшествующего летописного повествования⁷⁴. При создании этой «молитвы» великого князя редактором летописной статьи были привлечены цитаты из предсмертной «молитвы» святых страстотерпцев князей Бориса и Глеба. Сделать летописцу это

⁷² Там же. С. 81–82.

⁷³ Там же. С. 51, 54.

⁷⁴ Комарович В.Л. Лаврентьевская летопись // История русской литературы. Т. II. Ч. 1. М., Л., 1945. С. 90–96; Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 77–98.

тем более просто, что «молитвы» братьев находились на страницах той же Лавр. под 1015 годом.

Лавр. 1015 г.	Лавр. 1238 г.
<p>(Борис) «паки глаголаше: <i>«Господи! Услыши молитву мою, и не вниди в судъ с рабомъ твоимъ, яко не оправдиться предъ тобою всякъ живой, яко погна врагъ душу мою. <...> Господи, Боже мой, на тя уповахъ, и спаси мя, и от всихъ гонящихъ избави мя»</i>⁷⁵ <...></p> <p>Глѣбъ же, всѣдъ на конь, поиде с маломъ дружины, бѣ бо послушавъ отцу. И пришедшио ему на Волгу, на полѣ потъчеса конь въ рѣвѣ, и наломи ему ногу мало. И приде ко Смоленску, и поиде от Смоленска, яко зрѣима, и ста на Смядинѣ в корабли. В се же время пришла бѣ вѣсть от Передьславы къ Ярославу о огни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: «Не ходи, отецъ ти умерлъ, а братъ ти убить от Святополка». И се слышавъ, Глѣбъ вѣспи велми съ слезами и плачася по отци, паче же и по братѣ, и нача молитися со слезами, глаголя: «Увы мнѣ, Господи! Луче бы мнѣ умерети с братомъ, нежели жити въ свѣтѣ семь. Аще бо быхъ, брате, видилъ лице твое ангелское, умерлъ быхъ с тобою. Нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? Кде суть словеса твоя, яже глаголаше ко мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышу тихаго твоего наказания. Да аще еси получилъ дерзновение у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же приялъ страсть. Луче бы ми с тобою умерети, нежели въ свѣтѣ семь прельстнемъ жити». И сице ему молящюся съ слезами, и внезапно придоша послани от Святополка на погубление Глѣба»⁷⁷.</p>	<p>(Юрий) «отложивъ всю печаль, глаголя: <i>«Господи, услыши молитву мою и не вниди в судъ с рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живой, яко погна врагъ душу мою»</i>. И паки второе помолися: <i>«Господи Боже мой, на тя уповахъ, и спас мя и от всѣхъ гонящихъ избави мя»</i>⁷⁶. <...></p> <p>Тое же зимы выѣха Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ, урядивъ сыны своя в собе мѣсто Всеволода и Мстислава. И ѣха на Волгу с сыновци своими с Василькомъ, и со Всеволодом, и с Володимеромъ, и ста на Сити (...)</p> <p>«Приде вѣсть к великому князю Юрию: «Володимеръ взятъ, и церкви зборъная, и епископъ, и княгини з дѣтми, и со снохами, и со внучаты огнемъ скончашася, а старѣйшая сына Всеволодъ с братомъ внѣ града убита, люди избиты, а к тобѣ идут». Он же, се слышавъ, възъти гласомъ великимъ со слезами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ христьянствѣй, преже и наипаче о церкви, и епископа ради, и о людехъ (бѣше бо милосивъ), нежели себе, и жены, и дѣтий. И въздохнувъ из глубины сердца, рекъ: «Господи, се ли бы годъ твоему милосердью?» Новый Иовъ бысть терпѣнъемъ и вѣрою яже к Богу. И нача молитися, глаголя: «Увы мнѣ, Господи, луче бы ми умерети, нежели жити на свѣтѣ семь. Нынѣ же что ради остахъ азъ единъ?» И сице ему молящюся со слезами, и се внезапно поидоша татарове»⁷⁸.</p>

Составитель Лавр. даже в описании гибели двух князей — Юрия и Василька — стремился провести параллель с их святыми «сродниками» Борисом и Глебом, заодно подчеркивая еще одну сквозную

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 133.

⁷⁶ Там же. Стб. 465.

⁷⁷ Там же. Стб. 135–136.

⁷⁸ Там же. Стб. 442, 452.

тему своего рассказа: тему братской любви князей. В итоге князь Юрий оказался назван «*братом и отцом*» Василька Константиновича: «Сего бо блаженнаго князя Василка спричте Богъ смерти подобно Андрѣвъѣ; *кровью мученичьскою омывъся прегрѣшений своих с братом* и отцомъ Георгием с великим князем»⁷⁹. В реальности будучи дядей Василька, Юрий в качестве великого князя и старшего в роду несколько раз в Лавр. назывался «отцом» ростовским князя⁸⁰, однако братом — только в этом отрывке.

Появление «братской» степени родства могло быть связано еще и с тем, что вслед за упоминанием имени Андрея (Боголюбского), почитавшегося во Суздальской земле, равно как Борис и Глеб, в качестве князя-страстотерпца⁸¹, составитель Лавр. использовал цитату из панегирика этому князю, помещенного в Лавр. под 1175 г.: «(Андрей Боголюбский) *кровью мученичьскою омывъся прегрѣшении своих с братама с Романом и с Давидом...*». Речь в панегирике князю Андрею шла о сравнении его все с теми же князьями Борисом и Глебом, названными в этом месте Лавр. своими крестильными именами — Роман и Давид⁸². Возможно, в спешке не заметив этого, а, может быть, и вполне сознательно, составитель Лавр. дважды прибегнул к этому образу — сначала, рассказывая о гибели Василька, а затем (допуская явную ошибку в этимологии имени князя) о гибели Юрия: «Георгие, мужество тезоимените, *кровью омывъся страданья ти!*»⁸³ Интересно, что для описания гибели князя Василька Ростовского составитель Лавр., как и в случае с «молитвами» Юрия, также воспользовался цитатой из летописного рассказа о смерти святого князя-страстотерпца Глеба⁸⁴:

Лавр. 1015 г.	Лавр. 1238 г.
Глѣбу же убьену бывшию и повержену на брезъ ⁸⁵	И се рек абье без милости безъ милости убьень бысть. И повержену на лъсть ⁸⁶

⁷⁹ Там же. Стб. 467.

⁸⁰ Там же. Стб. 442, 452.

⁸¹ Ранчин А.М. Вертоград златословный. М., 2007. С. 113.

⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 371. См.: Прохоров Г.М. Повесть о нашествии Батгья ... С. 81.

⁸³ Если в похвале князю Андрею эта фраза смотрелась на своем месте («Андрѣю, мужеству тезоимените»), поскольку «Андрей» с древнегреческого и есть «мужественный», «храбрый», то применимо к Юрию во фразе «Георгие, мужество тезоимените» такая характеристика выглядит полной бессмыслицей (Георгий по-гречески — «земледелец»), на что составитель Лавр. почему-то не обратил внимания. См.: Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 95–96.

⁸⁴ Там же. С. 80.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 137.

⁸⁶ Там же. Стб. 466.

Из подвоя подвига князей Юрия и Василько подвигу святых Бориса и Глеба происходило указание летописца на то, что и после смерти тела обоих погибших от рук татар князей, как и тела Бориса и Глеба, оказались вместе⁸⁷. Получалось, что погибшие на р. Сити князья не только искупили свои земные грехи, смыв их «кровью мученичскою», но и совершили духовный подвиг, напоминающий подвиг князей-страстотерпцев, мучеников за Христа⁸⁸.

Именно такой образ владимирского князя и старался создать составитель Лавр. Для усиления эффекта летописец сравнил Юрия Всеволодовича с многострадальным Иовом («новый Иовъ терпением и верою»), кстати, также заимствовав соответствующую цитату из предшествующего летописного массива⁸⁹. В свое время это дало основание Г. Подскальски сделать весьма точный вывод, что именно «новый Иов», а не «князь-защитник» являлся «идеалом человека в понимании автора Лавр.»⁹⁰.

В итоге автор летописного рассказа создал весьма противоречивую историю: отъезд великого князя из Владимира был преподнесен им как часть военных приготовлений Юрия Всеволодовича, который при этом (прежде всего, благодаря вложенным в его уста молитвам) всячески демонстрировал не просто подлинное христианское смирение и покорность судьбе, но и желание пролить кровь и погибнуть, а вовсе не победить. Немудрено, что внутренне противоречивый (по крайней мере, с позиций нового времени) образ великого князя плохо поддавался рациональной трактовке исследователей.

References

Bespalov R.A. *K istorii sozdaniya povestey o Batyyevom nashestvii v chasti sobytiiy 1237–1238 godov* [On the History of the Narratives of the Batu Khan's Invasion in Part of the Events of 1237–1238] // *Letopisi i khroniki. Novyye issledovaniya* [Chronicles. New Studies]. 2017–2018. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2019. P. 21–58.

⁸⁷ Ср.: Там же. Стб. 137, 461.

⁸⁸ См. подробнее: Горский А.А. Георгий (Юрий) Всеволодович // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 88–97.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425. См. подробнее: Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 80.

⁹⁰ См.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 142–143. Кстати, стремление уподобиться князьям-мученикам в полной мере относилось и к великокняжеским сыновьям — Всеволоду и Мстиславу, которые, согласно Лавр., мечтали погибнуть, чтобы принести себя в жертву, и тем самым вслед за своим святым «сродником» князем Глебом снискать себе «венец». См. подробнее: Рудаков В.Н. Сыновья великого князя во время осады Владимира: к проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1998. С. 191–193.

Dimnik M. *Daniil Galitskiy, Mikhail Chernigovskiy i tatory: bor'ba za Galitskuyu zemlyu v 1239–1245 gg.* [Daniil of Galich, Mikhail of Chernigov and the Tatars: the Struggle for the Galician Land in 1239–1245] // *Rusin*. 2014. N 1. P. 17–35.

Dolmányos I. *Politika lichnoy bezopasnosti i voyennoy zashchity velikikh russkikh knyazey v srednevekov'ye: russkiye analogii nekotorym yevropeyskim "regifugiyam"* [Politics of Personal Security and Military Protection of Grand Russian Princes in the Middle Ages: Russian Analogies to Some European "Regifugia"] // *Études historiques Hongroises 1985 publiées à l'occasion du XVI Congrès international des Sciences Historiques par le Comité National des Historiens Hongrois*. Bd. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985. P. 151–177.

Gippius A.A. *K istorii slozheniya teksta Novgorodskoy pervoy letopisi* [On the History of the Composition of the Text of the *Novgorod First Chronicle*] // *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik* [Novgorod Historical Collection]. Issue 6 (16). Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1997. P. 3–72.

Golubinskiy E.E. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Vol. 2. The first half of the volume. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1900. 919 p.

Gorskiy A.A. *Georgiy (Yuriy) Vsevolodovich* [George (Yuri) Vsevolodovich] // *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia] / Ed. by Patriarch Aleksiy II of Moscow and All Russia. Vol. 11. Moscow: Pravoslavnyaya entsiklopediya, 2006. P. 88–97.

Gorskiy A.A. *Problemy izucheniya "Slova o pogibeli Russkyya zemli" (k 750-letiyu so vremeni napisaniya)* [Issues of Studying the *Tale of the Ruin of the Russian Land* (to the 750th Anniversary of Its Writing)] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 43. Leningrad: Nauka, 1990. P. 18–38.

Gorskiy A.A. *Russkiye zemli v XIII–XIV vekakh. Puti politicheskogo razvitiya* [Russian Lands through 13th and 14th Centuries. Ways of Political Development]. Saint Petersburg: Nauka, 2016. 185 p.

Komarov K.I. *O nashestvii Batyya na Severo-Vostochnuyu Rus' v 1237–1238 gg.* [On the Invasion of Batu Khan to North-Eastern Russia in 1237–1238] // *Voprosy istorii*. 2012. N 10. P. 87–96.

Komarovich V.L. *Lavrent'yevskaya letopis'* [Laurentian Chronicle] // *Istoriya russkoy literatury* [History of Russian Literature]. Vol. II. Part 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1945. P. 90–96.

Kuchkin V.A. *Mongolo-tatarskoye igo v osveshchenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII — pervaya chetvert' XIV v.)* [The Mongol-Tatar Yoke in Coverage of Old Russian Authors (the 13th and First Quarter of the 14th Centuries)] // *Russkaya kul'tura v usloviyakh inozemnykh nashestviy i voyn X — nachalo XX vv.: sbornik nauchnykh trudov* [Russian Culture during Foreign Invasions and Wars from the 10th through the Early 20th Century: Collection of Scholarly Articles] / Ed. by A.N. Kopylov. Issue 1. Moscow: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1990. P. 15–69.

Kuchkin V.A. *Zavoyevaniye Rusi Batyyem* [Conquest of Russia by Batu] // *Rossiyskaya istoriya*. 2020. N 4. P. 3–30.

Laushkin A.V. *Mitropolit Kirill II i osmysleniye ordynskogo iga vo vtoroy polovine XIII veka* [Metropolitan Kirill II and the Comprehension of the Horde Yoke in the Second Half of the 13th Century] // *Bogoslovskiy sbornik* [Theological Collection]. Vol. 10. Moscow: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2002. P. 211–223.

Likhachev D.S. *Russkiye letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoye znachenie* [Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Significance]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1947. 499 p.

Mayorov A.V. *Mikhail Chernigovskiy v Silezii i bitva pri Legnitse* [Mikhail of Chernigov in Silesia and the Battle of Legnica] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2015. N 2 (60). P. 23–35.

Mayorov A.V. *Zavoyevaniye russkikh zemel' v 1237–1240 godakh* [Conquest of Russian Lands in 1237–1240] // *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN RT, 2016. P. 89–113.

Nasonov A.N. *Istoriya russkogo letopisaniya XI — nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya* [History of Russian Chronicles from the 11th through the Early 18th Century. Essays and Studies]. Moscow: Nauka, 1969. 555 p.

Podskalsky G. *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kiyevskoy Rusi (988–1237 gg.)* [Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237)]. 2nd ed., revised and supplemented. Saint Petersburg: Vizantinorossika, 1996. 572 p.

Priselkov M.D. *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv.* [History of Russian Chronicles from the 11th through the 15th Century]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1996. 326 p.

Prokhorov G.M. *Povest' o nashestvii Batyya v Lavrent'yevskoy letopisi* [The Tale of Batu's Invasion in the Laurentian Chronicle] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 28. Leningrad: Nauka, 1974. P. 77–98.

Ranchin A.M. *Vertograd zlatoslovnnyy* [A Garden of Golden Words]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2007. 576 p.

Rudakov V.N. *Drevnerusskiye knizhniki o begstve knyazey ot tatar* [Ancient Russian Authors on the Flight of Princes from the Tatars] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2012. N 1 (47). P. 52–61.

Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII – XV vv.* [Mongol-Tatars through the Eyes of Old Russian Authors from the Mid-13th through 15th Century]. 3rd ed., revised and suppl. Moscow: Kvadriga, 2017. 272 p.

Rudakov V.N. *Synov'ya velikogo knyazya vo vremya osady Vladimira: k probleme vospriyatiya bor'by s mongolo-tatarami v letopisanii* [Sons of the Grand Duke during the Siege of Vladimir: On the Problem of Perception of the Struggle against the Mongol-Tatars in Chronicles] // *Istoricheskaya antropologiya: mesto v sisteme sotsial'nykh nauk, istochniki i metody interpretatsii. Tezisy dokladov i soobshcheniy nauchnoy konferentsii* [Historical Anthropology: Its Place in the System of Social Sciences, Sources and Methods of Interpretation. Abstracts of Reports and Communications of the Scientific Conference]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr RGGU, 1998. P. 191–193.

Rudakov V.N. *Velikiy knyaz' Yaroslav Vsevolodovich v gody nashestviya Batyya* [Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich during Batu's Invasion] // *Tetradi po konservativizmu*. 2020. N 3. P. 411–436.

Rudakov V.N. *Yekaterina Velikaya protiv khana Batyya* [Catherine the Great against Batu Khan] // *Rodina*. 2022. N 7. P. 102–105.

Rudakov V.N. *Zagadochnyy pokhod velikogo knyazya Yaroslava Vsevolodovicha na Kamenets (1239 g.)* [The Mysterious Campaign of Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich to Kamyenyets (1239)] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. N 3 (89). P. 15–33.

Serebryanskiy N.I. *Drevnerusskiye knyazheskiye zhitiya. Obzor redaktsiy i teksty* [Old Russian Princely Hagiographies. An Overview of Versions and Texts]. Moscow: Obshchestvo istorii i drevnostey rossyiskikh pri Moskovskom universitete, 1915. 494 p.

Поступила в редакцию
22 октября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-27-46

Т.А. Круглова

**ИМПЕРАТОРСКИЕ ГРАМОТЫ НА ДОН (1735–1739 гг.):
К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ВОЙСКА ДОНСКОГО**

Т.А. Kruglova

**IMPERIAL LETTERS TO THE DON (1735–1739):
ON THE STATUS OF THE DON COSSACK HOST**

Аннотация. В современной историографии общим местом является утверждение, что Войско Донское после его перевода в 1721 г. из ведения Посольского приказа под начало Военной коллегии полностью утратило свою независимость. В последние годы, однако, такая оценка влияния именного указа от 3 марта 1721 г. на положение донских казаков пересматривается. Статус Войска Донского в послепетровский период может быть уточнен благодаря изучению личных посланий российских самодержцев на Дон. Цель данного исследования — показать отношение императрицы Анны Иоанновны к Войску Донскому на основе грамот, отправленных в период русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Грамоты как форма переписки верховной власти с донским казачьим сообществом изучаются в русле историко-типологического подхода к анализу исторических источников с применением формулярного анализа. В статье рассмотрены следующие вопросы: место грамот в системе законодательных и делопроизводственных материалов Русского государства и Российской империи; требования к грамотам, установленные Петром I в ходе реформы государственного управления; порядок создания грамот в личной канцелярии императрицы (Кабинете министров) и Сенате; особенности грамот, посылаемых на Дон. Исследование императорских грамот 1735–1739 гг. позволяет сделать вывод, что в этот период Войско Донское пребывало в состоянии «особого подданства»: с одной стороны, оно, как и в годы правления Петра Великого, напрямую было подчинено самодержице, обладая в то же время

Круглова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Kruglova Tatiana Aleksandrovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
kruglova008@list.ru
ORCID: 0000-0002-3532-4924

определенной степенью самостоятельности, с другой — Войско Донское получало от Анны Иоанновны грамоты, имевшие черты дипломатических посланий. Грамоты 1735–1739 гг. позволили выявить принцип взаимной выгоды как основу отношений между российской верховной властью и Войском Донским. Этот принцип провозглашался не только в императорских грамотах Анны Иоанновны, но и ранее, в царских грамотах XVI–XVII вв. Радикальные преобразования во взаимоотношениях российских властей и Войска Донского стали осуществляться в 1770-х гг.

Ключевые слова: реформы Петра I, именной указ от 3 марта 1721 г., коллежское делопроизводство, императорские грамоты как источник, русско-турецкая война 1735–1739 гг., императрица Анна Иоанновна, Войско Донское.

Abstract. It is a commonplace statement of modern historiography that after the transfer of the Don Cossack Host from the jurisdiction of the Ambassadorial Prikaz to the Military Collegium in 1721 it completely lost its autonomy. In recent years, however, such an assessment of the influence of the Emperor's Edict of 3 March 1721 on the position of the Don Cossacks is reconsidered. Their status in the post-Petrine period can be clarified through the study of personal letters of the Russian autocrats to the Don. The research aims to show Empress Anna Ioannovna's attitude to the Don Cossacks on the basis of the letters she sent during the Russian-Turkish war (1735–1739). The letters as a form of correspondence between the supreme power and the Don Cossacks' community are examined in the context of the historical-typological approach to the study of historical sources, which involves the formulaic analysis. The article deals with the following topics: the place of letters in the system of legislative and clerical materials of the Russian state and the Russian Empire, the requirements to the letters, established by Peter I in the course of his reforms of state administration, the procedure of creation of letters in the personal office of the Empress (Cabinet of Ministers) and the Senate, and peculiarities of letters, sent to the Don. The research of the imperial letters of 1735–1739 leads to the conclusion that during this period the Don Cossack Host was in a state of "special subjection": on the one hand, like during the rule of Peter the Great, it was directly subordinated to the autocrat, while enjoying at the same time a certain degree of independence, on the other hand, it received letters of diplomatic character from Anna Ioannovna. The letters of 1735–1739 reveal the principle of mutual benefit as the basis of relations between the Russian supreme power and the Don Cossack Host. This principle was declared inviolable not only in Anna Ioannovna's correspondence, but also earlier, in the Tsar's letters in the sixteenth and seventeenth centuries. Radical changes in relations between Russian authorities and the Don Cossack Host started in the 1770s.

Keywords: reforms of Peter I, Imperial Edict of 3 March 1721, collegiate record keeping, imperial letters as a historical source, Russian-Turkish war of 1735–1739, Empress Anna Ioannovna, Don Cossack Host.

Воплощение в жизнь замыслов Петра Великого по реформированию государства и общества сопровождалось интенсивным законодательством. Одним из многочисленных законов о перестройке военной сферы стал именной указ от 3 марта 1721 г., который предписывал «донским, и яицким, и гребенским казакам во всех управлениях быть в ведении в Военной коллегии»¹.

Военная коллегия, созданная также в ходе реформы, предназначалась для централизованного управления сухопутными войсками Российского государства². Что касается донского казачества, переданного в компетенцию этой коллегии именованным указом от 3 марта 1721 г., то на протяжении XVII — начала XVIII в. оно находилось в ведении Посольского приказа. Взаимодействие верховной власти и Войска Донского через Посольский приказ олицетворяет, по мнению исследователей, почти полную самостоятельность казачьего сообщества: «Слабая зависимость донских казаков от Москвы подчеркивалась тем, что в XVII в. ими ведало внешнеполитическое ведомство (Посольский приказ) ..., но не органы внутреннего управления»³. По этой логике, передача казачьих дел в учреждение, занимавшееся российскими внутренними вопросами, должна приобрести соответствующую коннотацию, и, действительно, смысл царского распоряжения трактуется в исторической и историко-правовой литературе как разрушительный удар по «вольностям» и суверенитету Войска Донского и, следовательно, как судьбоносный поворот во взаимоотношениях российских властей и казаков⁴. Вот пример подобных рассуждений:

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. 6. № 3750 (далее — ПСЗ).

² *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 116–122.

³ *Каптелер А.* Казачество. История и легенды. Ростов-на-Дону, 2014. С. 34. О том же см.: *Дулимов Е.И.* Государство и казачество: проблемы взаимодействия. Ростов-на-Дону, 2003. С. 82.

⁴ *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII в. Ростов-на-Дону, 1961. С. 226, 227; *Тикиджьян Р.Г., Скорик А.П., Кочегаров А.В., Трут В.П.* Донское казачество и Российское государство: исторический опыт взаимоотношений // *Казачий Дон: Очерки истории*: в 2 ч. Ч. I. Ростов-на-Дону, 1995. С. 87; *Маркедонов С.М.* Государевы слуги или бунтари-разрушители? (К вопросу о политических отношениях донского казачества и Российского государства) // *Южнороссийское обозрение*. Вып. 9: Консерватизм и традиционализм на юге России. Сб. научных статей / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов-на-Дону, 2002. С. 144; *Дулимов Е.И.* Государство и казачество: проблемы взаимодействия. Ростов-на-Дону, 2003. С. 82; *Фалалеев А.В.* Государственно-правовое положение Земли войска Донского: конец XV — первая четверть XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2006. С. 11, 20; *Мининков Н.А.* Сыскные начальства на Дону XVIII в. и начало формирования донского войскового административного деления // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной науч. конф. / Ред. колл.: В.Л. Янин (председатель), Н.С. Борисов, Л.Н. Вдовина и др. М., 2017. С. 151; и др.

«В 1721 г. Войску Донскому было повелено быть в непосредственном ведении Военной коллегии, а не Посольского приказа, то есть оно окончательно было подчинено государству. Этот факт принципиально важен»⁵. В еще большей степени последствия указа драматизируются в таком утверждении: «...завершалась полная ликвидация суверенных прав и государственной автономии Войска Донского, что давало царскому правительству возможность неограниченного вмешательства во все сферы жизни донского казачества»⁶.

Наступление на суверенитет Войска Донского историки усматривают также в отказе верховной власти от прямых письменных контактов с казаками. По мнению исследователей, в петровское время давно сложившиеся формы письменного общения обеих сторон были заменены новыми, разработанными для российских государственных институтов. Еще в 1917 г. историк Е.П. Савельев утверждал: «Сношения Дона с русским правительством стали проходить чрез коменданта Транжаменты (укрепления, возведенного на земле Войска Донского по распоряжению Петра I после Прутского мирного договора с Турцией 1711 г. и функционировавшего до 1730 г. — Т.К.). Вместо прежних царских грамот и отписов в Посольский приказ или прямо царю стали получаться отношения⁷, промемории, ордера, реляции и др., в которых так или иначе фигурировали эти коменданты, часто заходившие далеко за пределы предоставленных им царем полномочий»⁸. Тезис о снижении уровня официальной переписки с Войском Донским и включении в нее посредников разделяют и нынешние исследователи⁹. Они, как и Е.П. Савельев, черпают аргументы из номенклатуры коллежской документации и повторяют не верифицированные впоследствии высказывания историка о месте документов в служебной коммуникации.

Вместе с тем современное источниковедение позволяет проверить эти высказывания и, вообще, более глубоко изучить разновидности деловой письменности, которые обеспечивали в XVIII в.

---

⁵ Дулимов Е.И. Указ. соч. С. 82. Заметим, что Посольский приказ уже не существовал в 1721 г. Вместо него была создана Коллегия иностранных дел, но казаки войска изначально не входили в ее компетенцию.

⁶ Тикиджьян Р.Г., Скорик А.П., Кочегаров А.В., Трут В.П. Указ соч. С. 87.

⁷ В цитируемом печатном тексте отсутствует запятая после слова *отношения*, хотя оно, по-видимому, обозначало для автора документную разновидность и входило в список перечисленных далее документов.

⁸ Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2017. С. 401.

⁹ Пронштейн А.П. Указ. соч. С. 223; Тикиджьян Р.Г., Скорик А.П., Кочегаров А.В., Трут В.П. Указ. соч. С. 87.

контакты между Войском Донским, верховной властью и имперскими органами управления, в частности Военной коллегией.

Актуальность изучения названных исторических источников обусловлена их значимостью не только для источниковедческих изысканий, но и для понимания того, как российские власти трактовали статус Войска Донского после проведения в жизнь именного указа от 3 марта 1721 г. Для исследования последнего вопроса концептуальной установкой может служить положение о том, что в коллежской делопроизводственной системе, созданной Петром I, каждый документ, занимая в документообороте место, отданное по законодательству только ему, четко отражал отношения или господства, или подчиненности, или равенства субъектов коммуникации. Отклонения в регламентированном обмене документами указывали на особый статус одной из взаимодействующих сторон.

Были ли после именного указа от 3 марта 1721 г. в письменных контактах Войска Донского с самодержцами и российскими органами управления отклонения, в чем они могли проявляться и почему? Для поиска ответов на поставленные вопросы были проанализированы грамоты императрицы Анны Иоанновны, отправленные на Дон из Кабинета министров, т.е. ее личной канцелярии¹⁰, в период русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Этот временной срез избран прежде всего потому, что в течение десятилетия после кончины императора-реформатора система органов государственного управления и их делопроизводство стабилизировались, и использование тех или иных документных разновидностей не было случайным и переменчивым. Кроме того, командование намеревалось привлечь к участию в кампаниях будущей войны почти весь списочный состав Войска Донского, что, естественно, повышало внимание Петербурга к казачьему сообществу и увеличивало частоту личных обращений императрицы к донским казакам.

Императорские грамоты Анны Иоанновны, отправленные на Дон во второй половине 1730-х гг., изучаются в рамках историкотипологических исследований в источниковедении¹¹. Из аспектов, разрабатываемых этим направлением, предполагается раскрыть прежде всего те, которые связаны с эволюцией грамот: с одной стороны, изучить их на фоне коллежского государственного делопроизводства XVIII в., с другой — на фоне дореформенной приказной документации.

¹⁰ См.: Фаизов А.В. Аппарат Кабинета министров (1731–1741) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1(25). С. 37–51.

¹¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Изд. 2-е, доп. М., 2003. С. 120.

В статье использованы материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА)¹².

До административной реформы, проведенной Петром I в первой четверти XVIII в., в управленческой сфере использовались грамоты, написанные как личные обращения царя к адресату (светскому или духовному лицу, монастырской корпорации, главе иностранного государства и т.д.), а также грамоты, исходявшие от царского имени из центральных государственных учреждений того времени — приказов. Корпус приказной делопроизводственной документации свидетельствует, что термин *грамота* использовался как самостоятельно, так и с определениями, которые могли указывать на обстоятельства возникновения конкретного документа, на его содержание, место создания и т.д. В современном словаре древнерусского языка термин зафиксирован в разнообразных атрибутивных сочетаниях, насчитывающих полторы сотни¹³.

В исторической литературе подчеркивается, что из Посольского приказа донские казаки получали исключительно царские грамоты и что к ним адресаты относились по-особому. В XVII — начале XVIII в. «казаки (имеются в виду донские казаки. — Т.К.) подчинялись только грамотам из Посольского приказа, а повелениям из других приказов — если к ним опять-таки прилагалась “послушная грамота” из Посольского»¹⁴. Из цитаты неясно, какие грамоты получали казаки: личные послания царя, начинавшиеся с оборота «Се яз, царь и великий князь...», или грамоты из Посольского приказа с другой начальной формулировкой: «От царя и великого князя...». Можно предположить, что казаки получали и те, и другие, но последние преобладали. К примеру, одна из первых грамот царя Михаила Романова, отправленная Войску Донскому в сентябре 1615 г., начиналась оборотом «От царя и великого князя Михаила Феодоровича...»¹⁵, являясь по форме делопроизводственным документом.

---

¹² РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Архивные материалы были собраны Александром Юссоном для диссертации по теме “Le service militaire des Cosaques du Don au XVIIIe siècle”, защищенной в 2020 г. в Университете Париж 1 Пантеон-Сорбонна. За возможность воспользоваться этими материалами приношу А. Юссону огромную благодарность.

¹³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. (Г–Д). М., 1977. С. 119–120. См. также: *Никитина О.В.* Слово «грамота» и его история в русском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2013. № 1 (77). Ч. 1. С. 153.

¹⁴ *Усенко О.Г.* К уточнению биографии К.А. Булавина // Россия в XVIII столетии / Отв. ред. Е.Е. Рычаловский. Вып. 1. М., 2002. С. 100.

¹⁵ Новейшее исследование этой грамоты проведено Н.А. Мининковым. См.: *Мининков Н.А.* Грамота Войску Донскому 1615 года // Донской временник. Год 2015-й. Вып. 23. Ростов-на-Дону, 2014. С. 91–94. — URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=1369 (дата обращения 24.08.2022).

Ситуация изменилась в годы правления Петра I. В соответствии с законодательной регламентацией делопроизводства новых высших и центральных органов управления, сфера использования грамот сузилась. Теперь грамотой именуется личное послание императора. Исключая из коллежского делопроизводства название этой документной формы, реформатор преследовал, по крайней мере, две задачи: во-первых, выстроить стройную иерархию документов; во-вторых, повысить значение и авторитет посланий представителя верховной власти.

В законодательстве Петра I, отразившем разработку новых форм документации, фигурировали грамоты, предназначенные для его общения с правителями иностранных государств, и грамоты, предназначенные для российских адресатов¹⁶. Сходство грамот обоого рода состояло в обращении самодержца к адресатам от первого лица и обязательном закреплении документа государственной печатью. Различались же они объемом императорского титула: в дипломатической грамоте он приводился полностью, а в грамоте для внутреннего пользования сокращенно¹⁷. Другое различие касалось печатей. Согласно главе 13-й «О печати» из Генерального регламента 1720 г., «государственным печатям, за которыми посылаются грамоты в иностранные государства, також и к гетману, быть по-прежнему в Коллегии иностранных дел. А которою печатью печатают грамоты и указы, и прочее внутри государства, той быть при Сенате у особого человека...»¹⁸.

В 1735–1739 гг. грамоты на Дон отсылались из Военной коллегии и Кабинета министров при императрице Анне Иоанновне.

Механизм составления грамот Военной коллегии Войску Донскому, специфику их содержания и внешние особенности еще предстоит изучить¹⁹. Сейчас лишь отметим, что в 1721 г. перевод донских,

---

¹⁶ Лукашевич А.А. Виды документов в Российском государстве первой четверти XVIII в. (на материале Генерального регламента) // Советские архивы. 1991. № 4. С. 43. Грамоты для российских адресатов являлись, как правило, законодательными актами. Именно о них пишет О.В. Никитина: в XVIII в. у грамоты «появляется более конкретное юридическое значение, связанное с “актом, данным от государя или правительства на чин, на княжеское, графское и баронское достоинства, на звание потомственного почетного гражданина” — в качестве “знака отличия”, поручение о присвоении которого исходит от центральной или местной власти» (Никитина О.В. Указ. соч. С. 153–154).

¹⁷ ПСЗ. Т. 6. № 3850 (именной указ «О императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах» от 11 ноября 1721 г.).

¹⁸ Там же. № 3534.

¹⁹ Предварительный анализ этих грамот см.: Круглова Т.А. Грамоты Военной коллегии Войску Донскому (1735–1739 гг.): некоторые источниковедческие характеристики // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной науч. конф. /

яицких и гребенских казаков в компетенцию нового специализированного учреждения не сопровождался уточнением форм письменных сношений последнего с казачьими сообществами, поэтому естественно предположить, что на Дон коллегия посылала, в силу устанавливаемых Петром I общих норм деловой коммуникации, указы²⁰. Но реальность демонстрирует иное: Войску Донскому направлялись не указы, а грамоты. Это прекрасно иллюстрирует, в частности, именной указ от 7 января 1723 г. «О предосторожности в случае нападения татар на границы российские». Он предписывал «к генералам Алларту и князю Трубецкому, також в Киевскую, Воронежскую, Казанскую и Астраханскую губернии послать из Военной коллегии указы, а на Дон к войсковому атаману — грамоту...»²¹. Как видим, войсковой атаман Войска Донского — единственный адресат, для которого распоряжение, подготовленное в Военной коллегии, будет отправлено в форме личного послания императора, всем другим аналогичное повеление поступит оттуда же, но в форме коллежского указа.

Позже, во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг., происходило то же самое: по одному и тому же вопросу командующим российскими армиями генерал-фельдмаршалам фон Миниху и фон Лесси из Военной коллегии направлялись указы, а Войску Донскому — грамоты²². То есть предусмотренный Петром I указ как индикатор подчиненности адресата адресанту по-прежнему не имел силы для Войска Донского. А вот грамоты, рассылаемые из той же Военной коллегии казачьим сообществам²³, ставили их, можно сказать, в «привилегированное» положение по сравнению с получателями коллежских указов, и это особое положение казаков заключалось, с одной стороны, в их прямой подчиненности императору, а с другой стороны, как ни покажется странным, в императорском покровительстве, ограждавшем их внутривойсковую жизнь от вмешательства российских органов управления, допускавшем, однако, вмешательство самодержца.

Ред. колл.: Б.Н. Флоря (председатель), В.А. Аракчеев, Н.С. Борисов и др. М., 2019. С. 407–411.

²⁰ В системе учреждений, созданной в результате петровской административной реформы, документы перемещались следующим образом: «1. “Указ” от вышестоящих учреждений или царя; 2. “Промемория” от равнозначного данной коллегии учреждения; 3. “Доношение” от нижестоящего органа ...» (Анисимов Е.В. Указ соч. С. 174).

²¹ ПСЗ. Т. 7. № 4137.

²² См., например: РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 326.

²³ Грамоты из Военной коллегии получали, например, яицкие казаки, ведение дел которых, как и донских, в 1721 г. было передано этому учреждению (см.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лихиным. Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск, 1894. С. 235. № 254 (грамота от 13 декабря 1739 г.).

Кабинет министров при императрице Анне Иоанновне — второй орган управления, откуда на Дон направлялись грамоты. Процедура создания этих личных посланий императрицы в еще большей степени, чем грамоты Военной коллегии, указывают на необычное положение Войска Донского. Так, если в личной канцелярии Анны Иоанновны, каковым был Кабинет министров, принималось решение, о котором следовало известить Войско Донское от имени самодержицы, то в канцелярии разрабатывался основной текст грамоты. Затем он в виде формы, или формуляра²⁴, поступал в Сенат, где рождался оригинал, в котором копировался основной текст, а начальный и конечный протоколы заполнялись стандартными для грамот статьями, соответствующими интитуляции²⁵, инскрипции и датуму. Но главное, что требовалось от Сената, — придать оригиналу юридическую силу. Для этого было необходимо «господам сенаторам» подписать документ, а сенатским обер-секретарю и секретарю заверить его своими подписями. Далее на оригинале ставилась печать. Примечательно, что документ крепился не печатью Сената, где завершался процесс его создания, а средней государственной печатью Коллегии иностранных дел. Наконец оригинал отсылался из Сената в Кабинет министров или, по распоряжению министров, сразу же на Дон²⁶.

Стадии преобразования в оригинал формы, присланной из Кабинета министров, фиксировались в журналах Сената. Так, процесс подготовки оригинала грамоты от 23 июня 1737 г. раскрыт в весьма подробном описании: «Против выше писанной грамоты (т.е. формы грамоты. — Т.К.) точная (оригинал грамоты. — Т.К.) за подписанием Правительствующего Сената и за закрепями обер-секретаря Дмитрия Невежина, секретаря Якова Бахирева июня 23 дня сего 1737 года запечатана в Иностранной коллегии государственною среднею печатью [и на оной (на оригинале грамоты. — Т.К.) по запечатании внизу печати подписано тако: “На Дон, в нижние и в верхние юрты нашим атаманом и казакам, и всему нашему Войску Донскому”, кото-

---

²⁴ В делопроизводстве 1730-х гг. термин *форма* имел синоним *формуляр*, разъясненный в Генеральном регламенте как *образец*. См.: ПСЗ. Т. 6. № 3534. Гл. 34.

²⁵ Об объеме императорского титула в оригиналах императорских грамот сказать что-либо определенное, к сожалению, невозможно, поскольку в архивных фондах сохранились или рабочие формуляры грамот, или отпуски грамот с кратким титулом «Божиею милостию, Мы, Анна, императрица и самодержица всероссийская и протчая, и протчия» (титул из копии императорской грамоты от 23 июня 1737 г.: РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 532). Такое же объяснение допустимо к краткому титулу грамот на Дон из Военной коллегии.

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 324.

рая подписка писана на дву строках]. По запечатании из Сената отослана в Кабинет Ея императорского величества. Подал канцелярии советнику господину Бревверну канцелярист Иван Дубровин июня 23 дня 1737 году»²⁷.

Аналогичный путь из Кабинета министров в Сенат проделал сначала формуляр грамоты от 4 марта 1737 г.²⁸, а затем из Сената в Кабинет министров — ее оригинал²⁹. Такой же процедуре подвергся основной текст грамоты от 13 июля 1737 г.³⁰

Детальные записи о подготовке императорских грамот для Войска Донского, а также в внешнем виде оригиналов свидетельствуют об осознании служащими Сената, с одной стороны, особой значимости документов, а с другой — собственной ответственности на завершающем этапе создания послания, по существу, дипломатического.

Симптоматично и то, что в изучаемый период в Кабинете министров подготовкой грамот на Дон занимались советники, назначенные «для отправления иностранных дел». Подобные дела возлагались на Ивана Юрьевича Юрьева³¹ и Карла фон Бревверна³². Перевод обоих советников из Коллегии иностранных дел в советники личной канцелярии императрицы был оформлен в преддверии войны общим указом от 24 июня 1735 г.³³

И.Ю. Юрьев имел длительный опыт работы с документами: он начинал службу в конце XVII в. в Малороссийском приказе, продолжил ее в Посольском, а затем в Коллегии иностранных дел. В Ка-

---

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 534. Квадратные скобки поставлены в сенатской записи.

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 328.

²⁹ Там же. Л. 547.

³⁰ Там же. Л. 542–544 об. (форма грамоты, присланная из Кабинета министров в Сенат); Л. 547 (запись в журнале Сената о закреплении оригинала грамоты печатью Коллегии иностранных дел).

³¹ О нем см.: *Серов Д.О.* Подьячий И.Ю. Юрьев, забытый историк XVIII столетия // *Studia Humanistica* 1996: Исследования по истории и филологии / Редкол.: Ю.Н. Беспятовых (пред.) и др. СПб., 1996. С. 122–136.

³² О нем см.: Бревверн (фон) Карл // *Русский биографический словарь: Бетанкур – Бякстер* / Под наблюд. А.А. Половцова. СПб., 1908. С. 337–339; *Файнштейн М.Ш.* Карл Бревверн // Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917. СПб., 2000. С. 52–56; *Фаизов А.В.* Указ. соч. С. 37–51.

³³ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 111: Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. Ч. 4 (год 1735) / Под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1901. С. 229. О необходимости подготовиться к походу против крымской орды Военная коллегия сообщила Войску Донскому грамотой от 18 июня 1735 г. (см.: *Акты, относящиеся к истории Войска Донского*. Т. 2. Ч. 1. С. 117–118. №116).

бинете министров деятельность по обеспечению письменных контактов с Войском Донским, по-видимому, не была приоритетной для Юрьева. Пока обнаружен единственный случай, когда этот советник оказался причастным к донским делам: он передал в Сенат формуляр грамоты на Дон с утвержденным планом военной кампании на 1737 г.³⁴

За контакты императрицы, министров ее Кабинета и служащих Сената по вопросам, касавшимся Войска Донского, отвечал К. Бреверн. Он отсылал формы императорских грамот в Сенат, а оттуда их оригиналы через него возвращались в Кабинет³⁵, ему же передавались копии войсковых отписок, полученных в Сенате³⁶. Этот советник выступал, однако, не только диспетчером, распределявшим «бумаги», — под его руководством составлялись документы и для Войска Донского, о чем сообщает, например, запись в журнале Кабинета министров от 24 августа 1736 г.: «У татар, кои в подданство пришли, лошадей покупать (о сем канцелярии советнику г. Бреверну писать к старшине Ефремову)»³⁷.

Итак, механизм происхождения в 1735–1739 гг. императорских грамот на Дон показывает, что самодержица общалась с Войском Донским на дипломатическом уровне, посылая ему личные обращения, подготовленные в Кабинете министров при участии советников «для отправления иностранных дел» и заверенные печатью Коллегии иностранных дел. Но такое положение вещей противоречило подданническому статусу Войска Донского, который оно получило в 1671 г.

Почему же императорские грамоты на Дон рождались не во внутренней экспедиции Кабинета министров, где оформлялась документация по внутрироссийским вопросам, а в его иностранной экспедиции? Ответ отчасти заключен в круге предметов, которыми

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 467. Л. 324, 325 (запись в журнале Сената от 4 марта 1737 г.).

³⁵ Там же. Л. 529 (запись в журнале Сената от 20 июня 1737 г.); Л. 547 (запись в журнале Сената от 14 июля 1737 г.)

³⁶ Там же. Л. 536 об. (запись в журнале Сената от 7 июля 1737 г.).

³⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 114: Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны: Ч. 5 (год 1736) / Под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1902. С. 402. № 131. Данила Ефремович Ефремов, сменив в 1738 г. наказного войскового атамана Ивана Фролова, стал называться «настоящим» войсковым атаманом Войска Донского. О нем см.: *Аваков П.А.* Элита Войска Донского в 1738 году: борьба за войсковую насаду // *Донской временник*. Год 2013-й. Вып. 21. Ростов-на-Дону, 2012. С. 118–124; *Юссон А.* Старое и новое в организации военной службы донских казаков во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной науч. конф. / Ред. кол.: В.Л. Янин, Д.Ю. Арапов, Н.С. Борисов и др. М., 2013. С. 321–326; и др.

К. Бреверн занимался в годы войны: в его компетенцию, помимо донских, входили башкирские и малороссийские дела³⁸. Их сосредоточение в ведении советника «для отправления иностранных дел» не кажется случайным, поскольку они касались окраинных территорий Российской империи, которые новейшая историческая литература включает в понятие *фронтир* и население которых имело особое подданство³⁹.

В текстах императорских грамот проанализируем некоторые детали, которые подтверждают отношение российской власти к казакам Войска Донского как носителям этого особого подданства во второй половине 1730-х гг. и даже несколько десятилетий спустя.

Так, в контексте изучения статуса Войска Донского важно рассмотреть вопрос о соотношении его подданных и вассальных договоренностей с русскими царями. Донские казаки, как принято считать в историографии, стали вассалами русских царей в начале правления династии Романовых⁴⁰. Приняв тогда на добровольную службу донских казаков, цари решали с их помощью первостепенную задачу защиты южных рубежей государства. Задача оставалась насущной и в момент перехода Войска Донского в подданство. В связи с этим логично предположить, что часть вассальных обязательств Войска Донского была сохранена и позднее. Преимущество подтверждается статьей в царских грамотах, которая указывала на принцип взаимной выгоды контрагентов. Обобщенная формулировка данного принципа кочевала из одной царской грамоты в другую начиная с 1570 г. Этим годом датируется первая дошедшая до нас

---

³⁸ Сборник Русского Исторического общества. Т. 114. С. 313 (запись от 12 июля 1736 г.).

³⁹ Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 47–64; Лазарев Я.А. «Ласковый телок двух маток сосет»: к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII — первой трети XVIII в. (в порядке дискуссии с Т.В. Чухлибом) // *Исторический вестник*. 2013. № 4 (151). С. 208–219; Канищев В.В., Баранова Е.В. Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII — середине XIX вв. // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной науч. конф. / Ред. колл.: В.Л. Янин (председатель), Д.Ю. Арапов, Н.С. Борисов и др. М., 2015. С. 178–186; Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Патков А.И. Теория фронта и юг России в XVI — первой половине XVIII в. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7–15; Емельянов Е.П. Творческий путь Н.В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки М.; СПб., 2017. С. 125–140; Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII в. Изд. 2-е. СПб., 2017. С. 225–227; и др.

⁴⁰ Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 293, 320.

грамота царя Ивана IV казакам на Донец Северский⁴¹. В ней на примере конкретной ситуации разъяснялись условия службы казаков: «Послали есмя для своего дела в Азов Ивана Петровича Новосельцева (во главе посольства в Османскую империю. — Т.К.) ..., и вы бы Ивана во всех наших делах слушали безо всякого ослушания, *тем бы есте нам послужили, а мы вас за вашу службу жаловати хотим*» (здесь и далее курсив наш. — Т.К.)⁴². С Войском-вассалом действовало такое же соглашение: «... а мы, великий государь, учнем вас и *вперед жаловать нашим царским жалованьем, смотря по вашей службе, и служба ваша у нас, великого государя, забвенна не будет*»⁴³. Аналогичное обещание дано Войску Донскому, уже перешедшему в подданство, в грамоте царя Федора Ивановича 1676 г.: «... а *наше, великого государя, жалованье и милость и ко всему Войску Донскому будет против прежнего, как было при отце нашем великом государе, и служба ваша, и раденье у нас, великого государя, у нашего царского величества, никогда забвенна не будет*»⁴⁴.

Приведенные выдержки высвечивают квинтэссенцию отношений верховной власти и Войска Донского на протяжении всего XVII столетия: одна сторона должна была оказывать услуги, т.е. «послуги», «службы», а другая — вознаграждать за их выполнение⁴⁵.

Подобная логика взаимной выгоды отражена и в императорских грамотах второй половины 1730-х гг. Военная обстановка вызвала к жизни дополнительные договорные положения, записанные во многих императорских грамотах этого времени, в частности в грамоте от 4 марта 1737 г. В ней императрица обещала рассматривать участие Войска Донского в грядущей военной кампании 1737 г. как «особливую» службу, т.е. верховная власть противопоставила службу в годы текущей войны и те «послуги», которые донские казаки несли издавна и за которые получали «обыкновенное жалование» деньгами, продовольствием, порохом, свинцом и т.д. Теперь же сверх обычного годового жалования каждый казак должен получить за «особливую» службу вознаграждение: «А ныне повелели мы тем из вашего Донского войска казакам, которые будут в настоящей кампании, дать на

---

⁴¹ Маркедонов С.М. «Первая» царская грамота донским казакам // Донской временник. Ростов-на-Дону, 2000. — URL: http://www.donvrem.dspl.ru//Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=118 (дата обращения 24.08.2022).

⁴² Цит. по: Там же.

⁴³ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею. Т. 26: Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909. Стл. 102 (грамота от 9 августа 1646 г.). См. также: стл. 183 (грамота от 17 августа 1646 г.); стл. 306 (грамота от 3 апреля 1647 г.) и др.

⁴⁴ ПСЗ. Т. 2. № 622.

⁴⁵ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 225.

подъем ... наше жалование против прошлогодней кампании со излишеством ..., провиант против армейских солдат и прочее всякое надлежащее вспоможение»⁴⁶. Таким образом, в XVIII в. продолжалось исполнение еще царских обещаний о «незабвенности» казачьей службы как повседневной, так и в чрезвычайных военных обстоятельствах.

Примечательно объяснение императрицей Войску Донскому необходимости его участия в военной кампании. Мотивируя казаков, самодержица исходила из того же принципа взаимной выгоды, а для демонстрации этих выгод увещевала Войско с позиций «свой» — «чужой» с очевидным желанием совместить интересы и Российской империи, и донского казачества: «понеже то (участие в военной кампании. — Т.К.) к собственному вашему благополучию и ко утверждению на предбудущие времена безопасности вашей касается, и все то от нас ко все милостивейшей нашей благоугодности за особливую вашу, Войска Донского, к нам за службу воспримется»⁴⁷.

Как видим, неизбежная для императорских грамот риторика не может скрыть признания Анной Иоанновной Войска Донского субъектом, который, несмотря на подданническое состояние, обладал определенной степенью самостоятельности и которого самодержица призывала — но, заметим, не приказывала — согласиться на совместные действия против общего врага.

Еще один признак особого подданства Войска Донского содержится в адресной формуле грамот, где приведены координаты местонахождения их получателя «... на Дон, в нижние и верхние юрты...». Подобная адресация присутствует как в одной из ранних грамот, отосланных на Дон от имени первого царя новой династии, — сентябрьской 1615 г., так и в императорских посланиях XVIII в. Но, если привязка первоначально отражала реалии, позднее она стала как будто неуместной из-за утраченного смысла. Дело в том, что в конце XVI — начале XVII вв. верхние и нижние юрты на Дону представляли собой две большие территориальные общины, и их военно-политическое объединение привело к созданию Войска Донского. Собираение общин воедино историки датируют вторым десятилетием XVII в.⁴⁸, отмечая, что «политика новой царской династии стимулировала объединительный процесс»⁴⁹. Следовательно, желаемая

---

⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 327.

⁴⁷ Там же. Л. 326 об. – 327.

⁴⁸ Например: Дулимов Е.И. Указ соч. С. 52, 69; Фалалеев А.В. Указ соч. С. 11. Также существует мнение о 1570 г. как условной дате объединения донских общин в единое Войско Донское. См.: Маркетонов С.М. Указ. соч.

⁴⁹ Дулимов Е.И. Указ. соч. С. 69.

правительством консолидация казачьих общин завершилась в основном ко времени вступления Войска Донского в подданство, и теперь в официальных документах можно было бы отказаться от анахронизма. Однако «и позднее в XVII в. грамоты адресовались одновременно “верховым” и “низовым” казакам»⁵⁰. Добавим, что к Войску Донскому как разделенному на две общины обращались и Анна Иоанновна, и Екатерина II⁵¹.

Столь длительное удержание утраченных реалий в адресной формулировке императорских грамот, как, впрочем, и грамот Военной коллегии, не стоит объяснять устаревшими формулярами документов, ибо возможность отказаться от отжившего оборота была у российских властей всегда, по крайней мере, еще в 1721 г.⁵² На наш взгляд, данная адресация являлась элементом дипломатического языка, на котором в XVIII в. самодержцы общались с Войском Донским. Крупица исторической памяти о начальных временах взаимодействия русских царей и донских казаков сохранялась осознанно. Напоминание о прошлом должно было служить для обеих сторон сигналом доверия и стабильности в текущих делах: используя формулу, российские власти демонстрировали намерение сохранить основу тех отношений, которые зародились еще на раннем этапе коммуникации, а Войско Донское воспринимало ее как подтверждение признания своего «вольного» состояния. Кстати, полагаем, что к дипломатическому языку следует отнести и формулу о принципе взаимной выгоды, остававшуюся в царских и императорских грамотах без изменения на протяжении почти двух столетий.

Вопрос о пересмотре особого подданства, а вместе с ним и элементов дипломатического языка в грамотах к Войску Донскому, актуализировался спустя несколько десятилетий после русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Главными предпосылками системного преобразования статуса Войска Донского стали победы в русско-турецких войнах второй половины XVIII в., одержанные совместно регулярными и иррегулярными войсками, среди которых были и донские казаки. Изменившаяся внешнеполитическая обстановка, а также явственно обозначившиеся к этому времени результаты со-

---

⁵⁰ Там же. С. 48, 69.

⁵¹ См., к примеру, жалованную грамоту Войску Донскому от 24 мая 1793 г. «Об утверждении границ землям, оному Войску принадлежащим, по высочайше утвержденной межевой карте» (ПСЗ. Т. 23. № 17126).

⁵² О том, что адресная формула могла быть изменяемой частью императорских грамотах Войску Донскому, свидетельствует грамота от 24 мая 1793 г., в которой традиционный список адресатов дополнен включением в него «Правительства Войска Донского» (ПСЗ. Т. 23. № 17126).

циально-экономических процессов внутри донского казачьего общества требовали наполнить взаимоотношения российского правительства и Войска Донского новым содержанием.

Пересмотр взаимных обязательств начался в последней четверти XVIII в., и одним из его проявлений стал процесс полноценного включения Войска Донского в управленческую систему Российской империи. Проиллюстрируем этот процесс примером из истории такой разновидности коллежского делопроизводства, как промемория. Известная еще в приказном делопроизводстве под названием *память*, эта документная форма существовала для служебной переписки субъектов, находившихся на одной ступени иерархической лестницы. Напомним, Е.П. Савельев считал, что Войско Донское стало получать промемории уже в петровское время. Однако еще в течение полустолетия после именного указа от 3 марта 1721 г. имперские учреждения и Войско не были равными корреспондентами. Российская верховная власть разрешала отдельным присутственным местам и Войску вступать в двустороннюю переписку промемориями от случая к случаю. Одно из таких редких разрешений дано в годы войны, когда специальным повелением от 30 ноября 1737 г. Воронежской губернской канцелярии и Войску Донскому было позволено «о делах нашего императорского величества иметь сношение промемориями»⁵³. Это исключение в чрезвычайных военных условиях не стало нормой в мирное время. Только в 1775 г. промемории и ряд других документных форм, принятых в российских учреждениях, были введены для Войскового гражданского правительства — первого учреждения, функционировавшего «в пределах Войска Донского» на основе российского законодательства 1720-х гг. Новое учреждение, приравненное в иерархии имперских органов управления к губернским канцеляриям, получило право «...посылать доношения в одни только коллегии, а с губернскими канцеляриями сноситься промемориями, в подчиненные ж места отправлять указы...»⁵⁴. Создание данного гражданского учреждения явилось первым шагом в реформировании управления Войском Донским по проектам Г.А. Потемкина, и именно с этого времени, а не после именного указа от 3 марта 1721 г. началась интеграция Войска Донского в управленческую систему Российской империи с

⁵³ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 2. Ч. 1. С. 182. № 189. Через три десятилетия последовало распоряжение императрицы Екатерины II о том же. См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 3. Новочеркасск, 1894. С. 42. № 33 (грамота Войску Донскому от 14 февраля 1766 г.).

⁵⁴ ПСЗ. Т. 20. № 14330 (30 мая 1775 г. сенатский указ «О порядке сношения Войска Донского гражданского правительства с присутственными местами и о имени оному печати с государственным гербом»).

ее стандартным коллежским делопроизводством. В области же военного управления изменения будут предприняты позже.

Итак, изучение грамот российской самодержицы Анны Иоанновны, направленных на Дон из Кабинета министров в годы русско-турецкой войны 1735–1739 гг., позволяет сделать вывод о Войске Донском как особом для императрицы адресате. Ему отправлялись личные послания Анны Иоанновны, оформленные как дипломатические грамоты: в соответствии с нормами петровского законодательства, они заверялись печатью Коллегии иностранных дел. Помимо этого, в императорских грамотах использовались элементы дипломатического языка, который формировался еще при предшественниках Петра I. Объективной основой для сохранения Войском Донским на протяжении почти всего XVIII в. статуса особого подданного являлись долгосрочные договоренности, заключенные в период длительной совместной борьбы с Османской империей.

В свете всего сказанного интерпретация содержания именного указа от 3 марта 1721 г. как распоряжения, обозначившего разделительный рубеж во взаимоотношениях Войска Донского с Россией, вызывает сомнение. Хотя в указе речь шла о донских, яицких и гребенских казаках, законодатель не предполагал разрушать Войско Донское и пересматривать уже сложившиеся с ним связи. Указ преследовал другую цель — создать централизованное управление сухопутными вооруженными силами, в состав которых входили регулярные и иррегулярные (казачьи) части, сохраняя специфику внутренней жизни последних. Поэтому справедливыми представляются недавние менее жесткие, чем принятые в историографии, оценки последствий для казачьих сообществ царского распоряжения от 3 марта 1721 г.⁵⁵

References

Anisimov E.V. *Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samodержaviye Petra Velikogo v pervoy chetverti XVIII veka* [State Transformations and Autocracy of Peter the Great in the First Quarter of the 18th Century]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1997. 331 p.

Avakov P.A. *Elita Voyska Donskogo v 1738 godu: bor'ba za voyskovuyu naseku* [The Elite of the Don Cossack Host in 1738: The Struggle for the Army Mace] // *Donskoy Vremennik*. 2013. Issue 21. Rostov-na-Donu, 2012. P. 118–124.

---

⁵⁵ Никитин Н.И. Взаимоотношения с вольным казачеством и вхождение казачьих областей в состав России // *Российская империя от истоков до начала XIX в. Очерки социально-экономической и политической истории* / Ред. колл.: А.И. Аксенов, Я.Е. Водарский, Н.И. Никитин, Н.М. Рогожин. М., 2011. С. 86; Шкваров А. Указ. соч. С. 250, 251, 252.

Dulimov E.I. *Gosudarstvo i kazachestvo: problemy vzaimodeystviya* [The State and the Cossacks: Problems of Interaction]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2003. 334 p.

Faizov A.V. *Apparat Kabineta ministrov (1731–1741)* [Apparatus of the Cabinet of Ministers (1731–1741)] // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2020. N 1 (25). P. 37–51.

Falaleyev A.V. *Gosudarstvenno-pravovoye polozheniye Zemli Voyska Donskogo: konets XV — pervaya chetvert' XVIII vv.: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk* [State Legal Situation of the Don Cossack Host's Land: From the Late 15th through the First Quarter of the 18th Century: Abstract of the PhD Diss. for Candidate Degree in Law]. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2006. 28 p.

Faynshteyn M. Sh. *Karl Brevern // Vo glave pervenstvuyushchego uchenogo sossloviya Rossii. Ocherki zhizni i deyatel'nosti prezidentov Imperatorskoy Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk* [At the Head of the First Learned Estate of Russia. Essays on Life and Activity of Presidents of the Imperial Saint-Petersburg Academy of Sciences]. 1725–1917 / Ed. by E.I. Kolchinskiy. Saint Petersburg: Nauka, 2000. P. 52–56.

Husson A. *Staroye i novoye v organizatsii voyennoy sluzhby donskikh kazakov vo vremya russko-turetskoy voyny 1735–1739 gg.* [The Old and New in the Organization of Military Service of the Don Cossacks during the Russian-Turkish War in 1735–1739] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: Medieval and New Periods]. Issue 3. *Tret'yi chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [3rd Readings in Memory of Academician L.V. Milov. Materials for the International Scientific Conference] / Editorial Board: V.L. Yanin (Chair), D. Yu. Arapov, N.S. Borisov *et al.* Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2013. P. 321–326.

Kanishchev V.V., Baranova E.V. *Prostranstvennoye predstavleniye dvizheniya yuzhnorusskogo frontira v seredine XVII — seredine XIX vv.* [Spatial Representation of the Movement of the South Russian Frontier from the Mid-17th through the Mid-19th Century] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: Medieval and New Periods]. Issue 4. *Chetvertyye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [4th Readings in Memory of Academician L.V. Milov. Materials for the International Scientific Conference] / Editorial Board: V.L. Yanin (Chair), D. Yu. Arapov, N.S. Borisov *et al.* Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 2015. P. 178–186.

Kappeler A. *Kazachestvo. Istoriya i legendy* [The Cossacks. History and Legends]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2014. 104 p.

Kappeler A. *Yuzhnyy i vostochnyy frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh* [Southern and Eastern Frontier of Russia from the 16th through the 18th Century] // *Ab imperio*. 2003. N 1. P. 47–64.

Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. 2nd ed., revised. Moscow: Nauka, 2003. 485 p.

Kruglova T.A. *Gramoty Voyennoy kollegii Voysku Donskomu (1735–1739 gg.): nekotoryye istochnikovedcheskiye kharakteristiki* [Letters to the Military Collegium of the Don Cossack Host (1735–1739): Some Source Study Characteristics] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: Medieval and New Periods]. Issue 4. *Chetvertyye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [4th Readings in Memory of Academician L.V. Milov. Materials for the International Scientific Conference] / Editorial Board: V.L. Yanin

(Chair), D. Yu. Arapov, N.S. Borisov *et al.* Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 2015. P. 407–411.

Lazarev Ya.A. “*Laskovyy telok dvukh matok soset*”: *k voprosu o prirode ukrainskoy gosudarstvennosti vo vtoroy polovine XVII — pervoy treti XVIII v. (v poryadke diskussii s T.V. Chukhlibom)* [“A Friendly Calf Sucks Two Mothers”: On the Nature of Ukrainian Statehood in the Second Half of the 17th and the First Third of the 18th Centuries (A Debate with T.V. Chukhlib)] // *Istoricheskiy vestnik*. 2013. N 4 (151). P. 208–219.

Lukashevich A.A. *Vidy dokumentov v Rossiyskom gosudarstve pervoy chetverti XVIII v. (na materiale General'nogo reglamenta)* [Types of Documents in the Russian State in the First Quarter of the 18th Century (According to the General Regulations)] // *Sovetskiye arkhivy*. 1991. N 4. P. 38–46.

Markedonov S.M. *Gosudarevy slugi ili buntari-razrushiteli? (K voprosu o politicheskikh otnosheniyakh donskogo kazachestva i Rossiyskogo gosudarstva)* [Servants of the Sovereign or Rebels-Destroyers? (On Political Relations of Don Cossacks and Russian State)] // *Yuzhnorossiyskoye obozreniye* [South-Russian Review]. Issue 9. *Konservatizm i traditsionalizm na yuge Rossii: sbornik nauchnykh statey* [Conservatism and Traditionalism in the South of Russia: Collection of Scientific Articles] / Ed. by V.V. Chernous. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2002. P. 130–160.

Markedonov S.M. “*Pervaya*” *tsarskaya gramota donskim kazakam* [The “First” Tsar's Charter to Don Cossacks] // *Donskoy vremennik* [Don Annals]. Rostov-na-Donu, 2000. — URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=118

Mininkov N.A. *Donskoye kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the Late Middle Ages (until 1671)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1998. 510 p.

Mininkov N.A. *Gramota Voysku Donskomu 1615 goda* [The Letter to the Don Cossack Host of 1615] // *Donskoy vremennik* [Don Annals]. 2015. Issue 23. Rostov-na-Donu, 2014. P. 91–94. — URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/2/art.aspx?art_id=1369

Mininkov N.A. *Sysknyye nachal'stva na Donu XVIII v. i nachalo formirovaniya donskogo voyskovogo administrativnogo deleniya* [Investigative Bodies at the Don in the 18th Century and the Beginning of the Administrative Division of the Don Cossack Host] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: Medieval and New Periods]. Issue 5. *Pyatyye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [5th Readings in Memory of Academician L.V. Milov. Materials for the International Scientific Conference] / Editorial Board: V.L. Yanin (Chair), N.S. Borisov, L.N. Vdovina *et al.* Moscow: Tipografiya “Tranzit-IKS”, 2017. P. 150–155.

Mizis Yu.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. *Teoriya frontira i yug Rossii v XVI — pervoy polovine XVIII v.* [The Theory of Frontier and the South of Russia from the 16th through the First Half of the 18th Century] // *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Series “*Gumanitarnyye nauki*”. 2015. Vol. 20. Issue 10. P. 7–15.

Nikitin N.I. *Vzaimootnosheniya s vol'nym kazachestvom i vkhozheniya kazach'ikh oblastey v sostav Rossii* [Mutual Relations with Free Cossacks and the Incorporation of Cossack Regions into Russia] // *Rossiyskaya imperiya ot istokov do nachala XIX v. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii* [Russian Empire from the Origins to the Beginning of the 19th Century. Essays on Socio-Economic and Political History] / Editorial Board: A.I. Aksenov, Ya.E. Vodarskiy, N.I. Nikitin, N.M. Rogozhin. Moscow: Russkaya panorama, 2011. P. 68–91.

Nikitina O.V. Slovo “gramota” i yego istoriya v russkom yazyke [The Word “Gramota” and Its History in the Russian Language] // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva*. 2013. N 1 (77). Part 1. P. 147–155.

Pronshteyn A.P. *Zemlya Donskaya v XVIII v.* [The Don Land in the 18th Century]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1961. 375 p.

Savel'yev E.P. *Drevnyaya istoriya kazachestva* [Ancient History of the Cossacks]. Moscow: Veche, 2012. 448 p.

Serov D.O. Pod'yachiy I. Yu. *Yur'yev, zabytyy istorik XVIII stoletiya* [Yur'yev, the Forgotten Historian of the 18th Century] // *Studia Humanistika* 1996. *Issledovaniya po istorii i filologii* [Studies in History and Philology] / Editorial Board: Yu.N. Bespyatykh (Chair) et al. Saint Petersburg: Russko-baltiyskiy informatsionnyy tsentr “BLITS”, 1996. P. 122–136.

Shkvarov A. *Kazachestvo epokhi Petra Velikogo. Konets “vol'nostyam” kazach'im* [The Cossacks of Peter the Great Era. The End of “Liberties” of the Cossacks]. Helsinki: Rme Group OY; Saint Petersburg: Aleteia, 2012. XVI, 415 p.

Tikidzh'yan R.G., Skorik A.P., Kochegarov A.V., Trut V.P. *Donskoye kazachestvo i Rossiyskoye gosudarstvo: istoricheskiy opyt vzaimootnosheniy* [The Don Cossacks and the Russian State: Historical Experience of Relations] // *Kazachiy Don. Ocherki istorii* [Cossack Don. Essays on History]. In 2 parts. Part I / Ed. by A.P. Skorik. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo oblastnogo instituta usovershenstvovaniya uchiteley, 1995. P. 67–130.

Trepavlov V.V. “Belyy tsar”. *Obraz monarkha i predstavleniye o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [“The White Tsar”. The Image of the Monarch and the Idea of Subordination among the Peoples of Russia from the 15th through the 18th Century]. 2nd ed., revised and extended. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2017. 320 p.

Usenko O.G. *K utochneniyu biografii K.A. Bulavina* [On the Clarification of K.A. Bulavin's Biography] // *Rossiya v XVIII stoletii* [Russia in the 18th Century]. Issue 1 / Ed. by E.E. Rychalovskiy. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. P. 97–108.

Yemel'yanov E.P. *Tvorcheskiy put' N.V. Ustyugova v kontekste razvitiya sovetskoy istoricheskoy nauki* [N.V. Ustyugov's Creative Career in the Context of the Development of the Soviet Historical Science]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. 312 p.

Поступила в редакцию
28 сентября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-47-62

Д.А. Цыганков

**СЕМИНАР КАК НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ НА ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА В 1860-е — НАЧАЛЕ 1870-х гг.**

D.A. Tsygankov

**THE SEMINAR AS A NEW PHENOMENON AT THE FACULTY
OF HISTORY AND PHILOLOGY OF MOSCOW UNIVERSITY
IN THE 1860s — EARLY 1870s**

Аннотация. Возникновение «семинариев» на историко-филологическом факультете Московского университета представляло собой ответ на дискуссии о реформе высшего образования в эпоху Великих реформ, когда обучение студентов в университетах было признано слишком пассивным. В это время идеологи реформ высшего образования требовали дополнить монологичные лекционные занятия письменными работами студентов, которые должны были развивать у них исследовательские навыки и служить основанием для общения с профессорами. После 1862 г., когда в течение нескольких лет за границу на стажировку были отправлены свыше ста молодых ученых по программе министра народного просвещения А.В. Головнина, новая генерация исследователей и преподавателей познакомилась с практическими занятиями в немецких университетах. Те, кто побывал за границей, стали активно использовать термин «семинарий» для обозначения нового вида практических занятий. К середине 1860-х гг. в Московском университете появляются семинарии как учебные подразделения филологов для подготовки гимназических учителей классических языков, а также семинарий (семинар) — вид практических занятий для историков, целью которых являлось написание исследовательских работ. У истоков филологических семинариев в Московском университете стоял филолог П.М. Леонтьев, развивавший те формы занятий на факультете, которые практиковал еще С.П. Шевырев в 1850-е гг. Семинарий же

Цыганков Дмитрий Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Tsygankov Dmitriy Andreevich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

tsdm@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3005-503X

как новую форму исследовательской активности для историков создал В.И. Герье, который считал важным, чтобы выбравшие специализацию по истории студенты писали письменные работы по этой дисциплине. В отличие от филологической семинарии, за работу в которой студенты получали стипендии, участие в исторических семинариях было личной инициативой студентов. Дальнейшее развитие новой формы занятий было связано с попытками разделения историко-филологического факультета по двум специализациям — филологии и истории. Официально семинарии историков стали частью учебного плана факультета лишь после принятия устава 1884 г.

Ключевые слова: разделение историко-филологического факультета, историческое образование, письменные работы для историков, специализация студентов, учебный план, В.И. Герье.

Abstract. The emergence of seminars at the Faculty of History and Philology at Moscow University was a response to discussions of higher education reform in the era of the Great Reforms, when the education of students at universities was found too passive. At this time, ideologues of higher education reform demanded that monologue lectures be supplemented with written students' papers, which should develop their research skills and serve as a basis for communication with their professors. After 1862, when over a hundred young scholars were sent abroad for several years under the program of Minister of Public Instruction A.V. Golovnin, a new generation of researchers and teachers was introduced to practical studies at German universities. Those who had been abroad started to actively use the term seminar to refer to a new kind of practical training. By the mid-1860s, seminars appeared at Moscow University as teaching units for philologists to train grammar school teachers of classical languages, and as a type of practical classes for historians, the purpose of which was to write research papers. Philologist P.M. Leontiev was one of the originators of philological seminars at Moscow University. He developed such forms of classes at the faculty as were practiced by S.P. Shevryev in the 1850s, while V.I. Guerrier established the seminar as a new form of research activity for historians. It was important for him that students who chose to major in history should write papers on this discipline. While students received scholarships for their work in the philological seminars, participation in historical seminars was their personal initiative. Further development of the new form of classes was associated with attempts to divide the Faculty of History and Philology into two specializations. Officially, historians' seminars became part of the faculty's curriculum only after implementation of the charter of 1884.

Keywords: division of the Faculty of History and Philology, historical education, written works for historians, specialization of students, curriculum, V.I. Guerrier.

* * *

Одним из вопросов, обсуждаемых во время подготовки университетского устава 1863 г., стала проблема нового вида занятий для студентов, который позволял бы им более активно участвовать

в учебном процессе¹. Подбирая обозначение для новаторских форм занятий, авторы использовали разные термины. Так, Н.И. Пирогов в «Письмах из Гейдельберга» говорил о лекциях-беседах², а К.Д. Кавелин делил университетские лекции на общие и монографические³.

Использование термина «семинарий» для обозначения новой формы занятий в университете вошло в обиход благодаря русским ученым, посланными с научными целями за границу по распоряжению министра народного просвещения А.В. Головнина⁴. В своих отчетах молодые русские ученые стали использовать, термины «семинарий», «семинария», «семинар».

О «семинариях», похожих на педагогические институты⁵ более ранней эпохи или на научные общества, писали в основном филологи. В.И. Модестов указывал, что в Берлине филолог Р. Гаупт читает Горация и Тацита в “*Seminarium paedagogicum*”⁶. В Бонне же Модестов собирался «записаться в филологическую и археологическую семинарии, равно как в эпиграфическое общество Ф. Ричля и филологическое Шмидта»⁷. Л.Н. Модзалевский обобщал «отзывы о посещенных... семинариях гг. Стерна и Боден-Миллера, а равно и собранные мною сведения о учительских собраниях и обществах в Германии»⁸.

В это же время похожие педагогические институты стали создаваться и для подготовки историков. Как свидетельствует А.Г. Брикнер, «государственные семинарии» для подготовки историков по-

---

¹ См.: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостной к России капиталистической. М., 1985; *Она же.* Русские университеты на путях реформы: Шестидесятые годы XIX в. М., 1993; *Она же.* Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е гг. XIX в.). М., 1998.

² *Пирогов Н.И.* Письма из Гейдельберга // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1985. С. 397–398.

³ *Кавелин К.Д.* Свобода преподавания и учения в Германии // Университетская идея в российской империи XVIII — начала XX веков. Антология. М., 2011. С. 243.

⁴ *Трохимовский А.Ю.* Политика Министерства народного просвещения по подготовке молодых ученых за границей. 1856–1881 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2007. № 1. С. 67–76; *Свейников А.В.* Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX — начала XX века // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 849–887.

⁵ *Змеев В.А.* Педагогический институт Императорского Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2009. № 1. С. 138–144.

⁶ Извлечения из отчетов лиц, отправленных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. Ч. 1. СПб, 1863. С. 18.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Там же. С. 79.

явились в Мюнхене, Бреславле, Бонне, Кенигсберге⁹. Важную роль в создании семинарии в Мюнхене играл сначала профессор Г. Зибель, а затем профессор В. Гизебрехт, ставший ее главой. Директор мюнхенской исторической семинарии назначался королем и руководил работой двух отделений семинарии (ученое и педагогическое), занятия которых проходили один раз в неделю. В ученом отделении состояло небольшое количество слушателей (не более 10 человек), его члены писали одно сочинение в полугодие. В педагогическом отделении число участников не ограничивалось, здесь заслушивались письменные или устные ответы по истории, географии и литературе участников собраний. За лучшее сочинение, написанное в семинарии, выдавалась премия в размере двухсот гульденов. Задачами семинарии ее учредители считали разработку методики преподавания истории (ученое отделение) и приготовление гимназических учителей истории.

Сходное устройство было у исторической семинарии в Бреславле, которой руководили два директора (Р. Репелль и Юнгман). В Бонне руководство семинарией делили три профессора: Г. Зибель, А. Шефер и В. Кампшulte. В Бреславле и Мюнхене студенты (представители педагогического отделения) для отчета читали лекцию перед аудиторией с кафедры. Задачей было показать не научные знания, а педагогические навыки: правильно сгруппировать факты, хорошо выстроить рассказ. Излагать материал было необходимо по памяти. При такой организации работы профессор Юнгман отказывался помогать студентами в научном поиске темы, часто просил экспромтом прочесть лекцию в отсутствие запланированного докладчика¹⁰.

Заседания педагогических семинариев, как правило, происходили в одной из университетских аудиторий, в то время как научных — иногда на квартире у профессоров. Впрочем, были похожие семинарии профессоров и в университете. Обычная продолжительность университетских педагогических семинариев составляла 2 часа.

Кроме семинариев как особых институций для подготовки гимназических учителей, стажеры-историки писали в своих отчетах и о новой форме практических занятий со студентами. Так, В.Г. Васильевский, например, сообщал о них следующее: «Кроме лекций, Дройзен, Яффе, Кёпке занимаются с своими слушателями исторической критикой, называя это скромнее и вернее упражнениями (übungen). Моммсен на этот раз также обещал взять на себя труд руководить “упражнениями” в римской истории. И для меня соб-

⁹ Брикнер А. О так называемых исторических семинариях при университетах Германии // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. Ч. СХLII. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 153.

ственно критические упражнения только и могут быть вполне полезны в области римской истории. По моему мнению, нужно быть предварительно знакомым с первыми источниками, свободно двигаться в них, чтобы неспроста и совершенно полезно, по указаниям профессора, приискивать и сличать различные места, чтобы самому “упражняться”. Теперь я только принимаю участие в этого рода занятиях Яффе¹¹. В прошедший семестр он читал о латинской палеографии и дипломатике. Его теперешние *Übungen* — приложение читанного курса. С этой целью Яффе издал сорок грамот из времен IX–XII веков, и теперь занимается дипломатическим и палеографическим разбором их¹². Этот же вид занятий Иван Хорошевский называл «историческая семинария»: «Там некоторые профессора, кроме общих курсов для всех слушателей, имеют еще для желающих посвятить себя специально истории особенные практические курсы, состоящие в разработке какого либо исторического события, по источникам, профессором вместе с его учениками (историческая семинария)»¹³.

Практические занятия немецких профессоров стали постепенно вноситься в официальное расписание занятий. Брикнер свидетельствовал: о семинариях «прежде лишь весьма редко объявлялось в расписании лекций, тогда как теперь профессора и доценты большей частью в начале семестра объявляют о своем намерении заниматься специально с желающими из студентов»¹⁴. В результате, если раньше в некоторые немецкие университеты приезжали, чтобы слушать лекции того или иного профессора, то начиная с 1860-х гг. — для участия в семинаре профессора. Так, лекции Вайца не интересны, отмечает Брикнер, но его *übungen* пользуются популярностью. Как следствие, специально на эти семинары на несколько семестров в Бонн приезжают желающие «и затем с гордостью называют себя учениками Вайца или представителями школы Ранке (Вайц — ученик Ранке)»¹⁵. Брикнер отмечает, что для обозначения новых практических занятий в расписаниях университетов Германии используются разные термины: *Practica*, *Historische Gesellschaften*, *Übungen*, *Conversatorien*, *Disputatorien*.

---

¹¹ Чуть ранее Васильевский дает характеристики Яффе: «Яффе принадлежит к тому числу неблестящих, но в высшей степени полезных профессоров университета, которые читают или чаще диктуют свои лекции человеку 5–15. Он всегда избирает такие специальные курсы: о палеографии латинской, хронологии и читает (диктуя) их весьма основательно» (Извлечения из отчетов... Ч. 2. СПб., 1863. С. 136).

¹² Извлечения из отчетов ... Ч. 2. С. 136.

¹³ Извлечения из отчетов ... Ч. 1. С. 60.

¹⁴ Брикнер А. Указ. соч. С. 149.

¹⁵ Там же.

Брикнер пытался типологизировать эти дополнительные занятия. От Ранке идет традиция критического изучения немецких летописей. На занятиях читали легкодоступные издания (Эйнхард, Оттон Фрейзингенский). Участники практического занятия переводили тексты с латыни, профессор комментировал перевод и объяснял студентам трудные места. Занятия по такой схеме проводили многие немецкие профессора: Г. Вайц — в Геттингене, Э. Винкельманн — в Берне, Р. Репелль — в Бреславле, Г. Перц — в Грайфсвальде, Э. Дюммлер — в Галле, В. Мауренбрехер — в Кенигсберге, В. Гизебрехт — в Мюнхене, Т. Линднер — в Бреславле¹⁶. К безусловным плюсам такого вида занятий Брикнер относил доступность источников, отсутствие необходимости в больших библиотеках. Именно на таких практических занятиях, по мнению самих немецких профессоров, проявлялась высокая квалификация научного руководителя. В центр изучения большинства немецких исторических семинариев была поставлена средневековая история Германии. Так, профессор Д. Брандес считал «необходимым ограничиваться изучением в семинарии лишь средневековой истории, ибо таким образом может сохраниться чисто научный характер таковых занятий и что критический разбор таких вопросов, в которых идет речь о новых государственных и общественных организмах, может быть предоставлен исключительно только вполне зрелому мужескому обществу»¹⁷.

По мнению немецких профессоров, для занятий новой историей сложно было найти необходимую новейшую литературу, а архивы для исследования современных процессов закрыты. Однако в немецких университетах все же появлялись семинары по французской революции (Ад. Шмит в Йене), отдельным событиям новой истории (Варфоломеевская ночь) и войнам XIX в. (профессор лейпцигского университета Г. Вутке), тридцатилетней войне. По мнению Брикнера, из 100 профессоров и доцентов в университетах Германии и Швейцарии 60% не довольствовались чтением лекций и вели семинарские занятия¹⁸.

Таким образом, молодые историки, посетившие немецкие университеты в 1860-е гг., имели опыт наблюдения и участия в новых типах занятий. Полученные знания они попытались перенести на русскую почву. Уже в 1860-е гг. в Московском университете существовали «семинарии», как они назывались в делопроизводстве. Так, в «Отчете о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1866/67 учебный год» мы видим упоминание

¹⁶ Брикнер А. Указ. соч. С. 161.

¹⁷ Там же. С. 163.

¹⁸ Там же. С. 167–168.

семинария профессора П.М. Леонтьева: «Для занятий, имеющих главную целью упражнения в самостоятельном разрешении разных филологических задач и учрежден при историко-филологическом факультете греко-латинский семинарий, порученный ординарному профессору Леонтьеву. В число членов семинария принимаются на основании конкурса или испытания достойные того студенты 2-го, 3-го и 4-го курсов. Членам семинарии производятся стипендии по 120 рублей в год»¹⁹. В том же году были опубликованы правила вступления в семинарий²⁰.

Понятно, что в данном случае речь шла о студентах факультета, уже показавших определенные успехи в чтении и комментировании источников (напомним, что по традиции на младших курсах писалась работа по русской словесности). За свои исследования они поощрялись стипендией и имели возможность готовиться к написанию филологических работ (вполне возможно, что речь идет о написании медальных сочинений). При этом семинарий Леонтьева — это особая форма занятий, стимулирующее в университете появление филологов-классиков, которые затем направлялись учителями в гимназии. Такой тип занятий, видимо, нельзя считать переносом на русскую почву критических упражнений в духе Ранке, Яффе, Кёпке.

Другой характер носили дополнительные занятия профессора В.И. Герье. Объясняя появление новых по форме занятий в Московском университете, Герье в воспоминаниях особо выделяет семинарий Кепке, который запомнился ему в Германии «более всего»²¹. Этот семинарий — и это стоит особо подчеркнуть — проходил у профессора дома, где он сам и его ученики упражнялись в чтении и комментировании одного источника — Лиутпранда, сидя за общим столом.

Семинар Герье, начавший работу, вероятнее всего, уже в 1866 г., занимает особое место в ряду дополнительных практических занятий профессоров Московского университета середины XIX в. История

---

¹⁹ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1866 год. М., 1867. С. 20

²⁰ Московские университетские известия. 1866–1867. № 2. С. 387–388.

²¹ *Герье В.И.* Мои воспоминания // Terra Europa: сообщество московских всеобщих историков второй половины XIX века. М., 2014. С. 191. А.В. Антощенко считает, что кроме семинара Кепке Герье хорошо был знаком и с системой Ранке (*Антощенко А.В.* Das Seminar: немецкие корни и русская корона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. М., 2009. С. 269). Но, может быть, Герье хотел именно подчеркнуть разницу между двумя виденными семинариями: учебным — в официальном университетском пространстве, и исследовательским — на дому у профессора.

его становления была длительной²². Первоначально семинарий Герье составлял конкуренцию семинарию — университетскому подразделению Леонтьева. Правда, в отличие от филологов студентам-историкам за участие в семинарии стипендию не платили, а потому они порой вели себя в нем вызывающе, не желая терпеть лишнюю нагрузку. Так, студент И. Лебедев, привыкший пассивно слушать лекции, на предложение доцента Герье во время семинарского занятия, для которого Герье подготовил хрестоматию²³, почитать и перевести источник, ответил: «А я не желаю». «А Вы пожелайте», — нашелся Герье²⁴.

В отчете университета за 1869/70 учебный год о семинариях исторического факультета сообщалось следующее: «На историко-филологическом факультете по самому существу филологических занятий студенты работали под личным руководством преподавателей; на первых двух курсах студенты обязаны были написать по одному годовому сочинению по предмету русской словесности; такого же рода письменные работы продолжались на всех курсах по предметам классической филологии; к этим работам присоединялись еще занятия студентов в филологической и исторической семинарии и писание сочинения по конкурсу на получение установленных премий и медалей. Кроме того, по всем предметам факультетского преподавания существуют семинарии, в которых студенты частью представляли на обсуждение преподавателей и товарищей результаты своих домашних изучений какого-нибудь вопроса, частью упражнялись в объяснении отдельных исторических памятников и в обсуждении различных научных и педагогических вопросов»²⁵.

В 1872 г., когда был принят учебный план для подготовки историков со специализацией после 3-го курса²⁶, Герье создал семинарий для пишущих работы по истории. В 1870-е гг. он делил свои семинарии, исходя из опыта посещения студентами такого вида занятий: студенты, первый год участвующие в работе семинара; студенты, второй год участвующие в работе семинара; студенты, третий год участвующие в работе семинара. Все эти семинары были обяза-

---

²² Цыганков Д.А. Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 4. С. 117–132.

²³ Материалы хрестоматии печатались более года на страницах Московских университетских известий.

²⁴ Герье В.И. Указ. соч. С. 203.

²⁵ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1870 год. М., 1871. С. 18.

²⁶ Об истории разделения см.: ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 3951.

тельными. По ним не было форм отчетности в течение семестра или года. Де юре в учебный план семинары вошли лишь после введения в действие устава 1884 г., когда для получения зачета шестого семестра (с 1882 г. специализация по истории начиналась с третьего курса, следовательно, для перехода на последний курс специализации нужно было получить зачет за письменную работу), студенты должны были написать письменные работы в семинаре.

До введения в действие учебных планов по уставу 1884 г., если студенты отказывались посещать семинарий по своей специализации, то они подвергались дополнительным письменным испытаниям во время экзамена по тому предмету, практические занятия которого они не посещали²⁷.

Таким образом, идея семинаров стоит в тесной связи с вопросом о письменных работах для студентов историко-филологического факультета (частично регулировались Правилами студентов). Прежде всего — для историков, у которых до введения в действие устава 1863 г. не предусматривалось обязательных письменных работ во время обучения. Сам Герье еще на младших курсах получил медали за филологические работы, написанные у П.М. Леонтьева, а потому был освобожден от написания кандидатского сочинения. Фактически его первой крупной исторической работой стала магистерская диссертация. В воспоминаниях Герье не упоминает о своих работах в годы студенчества, написанных по заданию профессоров-историков. Пользуясь преимуществом близкого знакомства со студентами во время написания письменных работ, филологи предлагали студентам специализацию по своим дисциплинам и критически относились к историческим исследованиям. Так, Леонтьев пригласил студента Герье, который был сиротой, жить на его квартире и участвовать в его научном проекте. Выбор Герье специализации по истории Леонтьева разочаровал. Если же студенты-историки не имели медалей во время обучения (темой медальных сочинений могли быть и вопросы по филологии, и вопросы по истории), то они должны были писать кандидатскую диссертацию, на это отводилось шесть месяцев после окончания университета²⁸.

Итак, долгое время в университете одной из немногих форм научной работы студентов было участие в написании медальных сочинений, что было оговорено в университетских уставах, а также подготовка кандидатской диссертации для получения соответствующей

---

²⁷ Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета в 1874/75 академическом и 1875 гражданском году. М., 1876. С. 17.

²⁸ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб., 1864. Стб. 636–642.

степени. Написание работ по заданию преподавателей было скорее данью местной традиции, формой репетиций лекций, которые, как правило, устраивались в период действия устава 1835 г. (этой проблеме уделяли пристальное внимание Отчеты Московского университета за 1830–1840-е гг.). Так, С.П. Шевырев (в 1840–1850-е гг.)²⁹ и М.П. Погодин (в 1840-е гг.) на собственных лекциях устраивали чтение студенческих сочинений с их разбором. Однако репетиции на лекциях иной раз вызывали недовольство университетской бюрократии, поскольку сокращали время на прохождение курса, делали его неполным.

Студенты сами стремились восполнить этот недостаток письменных работ, если чувствовали в этом необходимость³⁰. Так, имелась возможность участия в университетских научных обществах, в которых студенты делали доклады. Эти доклады могли публиковаться в ученых записках университета и близких к университетской среде журналах. Долгое время таким обществом в Московском университете было Общество любителей российской словесности. В конце 1820-х гг. М.Т. Каченовский открыл студентам для публикации сначала свой журнал «Вестник Европы», а затем — «Ученые записки Московского университета», что вызвало всплеск интереса к историческим штудиям. Однако планомерной такая работа студентов-историков стала лишь в середине XIX в.

Устав 1835 г. предлагал поощрять лучшие письменные работы студентов, однако не определял причины, по каким они должны быть написаны. При подготовке университетского устава 1863 г. вопрос о письменных работах студентов был поставлен в контексте обсуждения проблемы моноличности лекций и пассивности студентов во время обучения в университете, но никаких практических шагов для решения проблемы предпринято не было³¹.

Однако уже во второй половине 1860-х гг. министерство требовало от университетов «усиления работы» со студентами. Традиционно в рамках изучения правительственной политики в области образования эта инициатива оценивается не очень высоко. Якобы министерская бюрократия, увеличивая количество университет-

---

²⁹ О роли С. П. Шевырева в формировании практики взаимоотношений профессор и студентов см.: *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999. С. 17–19.

³⁰ *Посохов С.И.* Организация научной работы студентов в университетах российской империи: проблемы историографии // *Российские университеты в XVIII — начале XX века: сборник научных статей.* Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 189–198.

³¹ Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. Ч. 1–2. СПб., 1862.

ских занятий, стремилась «отвлечь» студентов от занятий политической, а затем — не допустить их выход на улицы с политическими требованиями. Тем не менее следует признать, что с точки зрения учебного процесса при введении семинарских занятий произошли серьезные изменения. Одним из них стало увеличение количества письменных работ, которые должны были подготавливать студенты, прежде всего — студенты-историки историко-филологического факультета³².

В 1869 г. министерство инициировало дискуссию о семинарах и письменных работах студентов на страницах «Журнала министерства народного просвещения». Немецкому профессору И.Г. Дройзену была заказана статья, в которой он связал появление практических занятий в университете с национальной моделью университетов в Германии. Дройзен указывал, что со времен Реформации гимназии в Германии приглашали учителей из выпускников богословских факультетов университетов. В эпоху Просвещения «явилось сознание, что юные богословы, для того чтобы стать в уровень с возвысившимися требованиями от преподавателей в ученых школах, нуждаются в более значительной научной подготовке, чем та, которую могли дать им их богословские занятия»³³. Именно поэтому в некоторых университетах стали заводить для образования хороших учителей семинарии — «учреждения, которые имели целью не только подготовить молодых людей к преподаванию путем методических и педагогических упражнений, но и глубже ввести их в область науки, как то оказывалось необходимым вследствие более высоких требований от учительской должности». В этих семинариях главным были не лекции профессоров, а практические упражнения обучающихся. Из них самым лучшим признавалось самостоятельное исследование. Семинарии при университетах были основаны прежде всего для классической филологии, но постепенно ученые всех наук обратили внимание на этот вид занятий. В университетах начались математические и исторические «упражнения», «и здесь еще более выступило на первый план чисто научное их направление»³⁴.

Семинарскую форму обучения Дройзен считал достижением именно немецких университетов. Английские университеты не приняли эту идею, и обучение в них происходило без семинаров. Фран-

³² Жарова Е.Ю. Контроль над занятиями студентов в университетах Российской империи во второй половине XIX — начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 1. С. 92–105.

³³ Дройзен И.Г. О научно-практических занятиях студентов в Германских университетах, преимущественно по истории // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CXLV. 1869. С. 80.

³⁴ Там же. С. 81.

цузы доводили внешнюю форму лекции до изящества, но не давали навыков исследовательской работы студентам. Как следствие, французские студенты не ценили достижений науки. Семинары немецких университетов, по Дройзену, имели воспитательное значение. Ведь только настоящая самостоятельная работа позволяет студенту понять, как он «далеко стоит от тех целей, которых должен достигнуть», а «подлежа сам в своих трудах приговору других, он становится скромнее в собственных своих суждениях о чужих трудах и строже в своих требованиях к самому себе»³⁵. Кроме того, занятия в семинарах заставляют студента по-иному участвовать в научной работе. На семинарах он не пассивно слушает профессора, а вместе с ним ищет ответы на те вопросы, с которыми он встретился в собственной исследовательской практике. С другой стороны, Дройзен полагал, что и профессор под влиянием бесед со студентами на семинарах меняет содержание лекций, совершенствуется.

Впрочем, главная задача семинара не воспитательная, утверждал Дройзен, а научная: студенты должны «научиться научно работать». В своей статье он предлагает собственный план соединения лекций и семинаров по историческим дисциплинам. Преподавание Дройзен предлагает начинать с университетских исторических курсов по политической истории (он отвергает чтение философских и пропедевтических курсов по истории в начале обучения, поскольку считает, что энциклопедия истории — это курс, который должен читаться выпускникам). В семинарах в это время нужно заниматься «упражнениями в критике писателей-источников»: как относится Ливий к Полибию, Диодор к Эфору, из каких древнейших источников заимствовали сведения Иорнанд о готах и т.п. При таких упражнениях необходимо внимательное чтение источников. При чтении, в котором важную роль играет экзегеза текстов на латыни и греческом, профессор будет задавать студентам небольшие задачи для самостоятельной обработки (например, признаки подражания Эйнхарда Светонию).

Следующая ступень семинаров — изучение исторических актов. При исследовании этих проблем нужно уходить от вопросов древней истории, поскольку изучение древних надписей имеет характер больше «филолого-археологический», а исследования Ассирии, Вавилонии и Египта требует навыков и умений, каких еще нет у студентов. Поэтому сложные вопросы древней истории нужно проходить на лекциях, «при том так, чтобы слушатели получили ясное представление о медленно подвигающейся вперед научной

---

³⁵ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 83.

работе и в высшей степени отрывочных результатах, к которым она приводит»³⁶. Одновременно с семинарами второго уровня должны идти лекции по палеографии, дипломатике и хронологии. Главная задача в дипломатических семинарах — научить студента извлекать из сухого источника нужную ему историческую информацию.

Наконец, последняя ступень практических упражнений должна показать значение истории в кругу других наук и подчеркнуть воспитательные функции истории для практической жизни. Поэтому в последние семестры читаются курсы по методологии и энциклопедии истории. На практических занятиях избираются источники последних столетий: «Здесь полнота имеющихся под рукою материалов, разнообразие воззрений, непосредственное влияние которых повсюду ясно и раскрывается в бесчисленных прениях, все этот тотчас же расширяет круг зрения и обращает внимание изучающего на предметную сторону дела»³⁷. На этой стадии разрешение существенных вопросов должно преобладать над чисто технической критикой (Дройзен именно этим отличает историка от филолога), студенты должны думать над историей Петра I, Людовика XIV, Екатерины II, Наполеона I. Задачи, которые студент будет разрешать в своих письменных работах, приведут молодое поколение ко всем современным политическим проблемам. «Путем этих упражнений молодой исследователь придет к сознанию, как многообразны отношения, заключающиеся в каждом отдельном историческом моменте, и как необходимо освоиться со многими и многими науками в виду того, что все другие науки при случае становятся вспомогательными науками для историка»³⁸.

Рассматривает Дройзен и вопрос о том, как государство может помочь развитию нового типа занятий в университетах. Его советы иной раз оригинальны. По мнению Дройзена, государство должно искать прежде всего сильных профессоров, которые смогут организовать занятия нового типа. Конечно, утверждает немецкий ученый, можно попытаться стимулировать работу студентов стипендиями, что будет, конечно, им помогать находить мотивацию. Но такой подход не создаст у студентов научного императива. Дройзен призывает развивать инфраструктуру семинара. Учреждать при нем библиотеку, покупать необходимые палеографические аппараты. На эти цели он считает возможным даже учреждать членские взносы с посторонних лиц, желающих участвовать в работе семинара.

---

³⁶ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 83.

³⁷ Там же. С. 88.

³⁸ Там же. С. 90.

Публикация статьи Дройзена вызвала отклики русских ученых. Интересно отметить, что немецкому историку печатно отвечали прежде всего филологи. Так, с возражениями поспешил профессор Санкт-Петербургского университета И.И. Срезневский. В его статье чувствуется негодование. Во-первых, автор пытался доказать, что традиция письменных работ в русских университетах существует не менее сорока лет, т.е. примерно столько же, сколько и немецкие семинары. Во-вторых, что органически сложившаяся программа историко-филологических факультетов в России больше соответствует развитию личности, чем опыт немецких университетов, поскольку не включает в себя никаких политических целей, что он почувствовал в плане Дройзена. В-третьих, Срезневский упрекал Дройзена в том, что он, противопоставляя историю как предмет преподавания филологии, дает мало идей относительно развития занятий по русской истории³⁹.

В центре дискуссии таким образом оказался вопрос о том, что лежит в основе обучения на историко-филологическом факультете. Срезневский отстаивал идею, что такой основой должна быть энциклопедическая полнота суммы филологических и исторических знаний, которая обеспечивается общими курсами. Дройзен высказывался против общих курсов факультета, предлагая увязать специальные курсы историков с семинарами, вводимыми для усиления исследовательской работы студентов. Фактически немецкий профессор высказывался за разделение подготовки историков и филологов. Позиция Срезневского весьма характерна для филологов российских университетов, которые видели в идее введения семинара первый шаг к разделению историко-филологического факультета и активно ей сопротивлялись. Напомним, что по уставу 1863 г. именно филологические кафедры преобладали над историческими на факультете, а профессора-филологи выступали против разделения учебных планов факультета на отдельные для филологов и историков. Безуспешно ставившие этот вопрос еще в 1860-е гг.⁴⁰ историки Московского университета добились разделения факультета на отделения лишь к 1872 г.

Итак, в обсуждении проблемы «семинариев» на историко-филологическом факультете, поставленной в 1860–1870-е гг., участвовали

---

³⁹ Срезневский И.И. О научных упражнениях студентов // ЖМНП. Ч. CXLVI. СПб., 1869. С. 247–265.

⁴⁰ См., например, обсуждение вопроса на заседании Совета Московского университета от 6 июня 1868 г. с предложением разделить факультет на три потока после 2-го курса: Московские университетские известия. 1868. № 8. С. 455–456. Филологи настояли на том, что разделение возможно только по утверждению министра и отложили решение вопроса.

несколько субъектов университетской жизни. Министерская бюрократия и профессора-филологи выступали за создание внутри университетов особых подразделений для подготовки гимназических учителей (прежде всего древних языков). Эти подразделения назывались «семинариями». В.И. Герье и профессора-историки пошли по пути тех немецких профессоров, например, Дройзена, которые считали, что специальные письменные работы формируют профессиональные навыки именно историков, выделяют историю из круга филологических и юридических дисциплин. Это был один из первых шагов, который фактически привел к разделению учебных планов историков и филологов в рамках историко-филологического факультета⁴¹. Историки формировали семинары (термины «семинарий» и «семинар» использовались как равнозначные) как новый вид занятий в университете. Семинары в этом проекте историков были местом исследования⁴².

References

Antoshchenko A.V. *Das Seminar: nemetskiye korni i russkaya krona (o primeneniі nemetskoy opyta "seminariyev" moskovskimi professorami vo vtoroy polovine XIX v.)* [Das Seminar: German Roots and Russian Crown (On the Introduction of German Seminars by Moscow Professors in the Second Half of the 19th Century)] // "Byt' russkim po dukhu i yevropeytsem po obrazovaniyu". *Universitety Rossiyskoy imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy XVIII — nachala XX v.* ["To Be Russian in Spirit and European in Education". Universities of the Russian Empire in the Educational Space of Central and Eastern Europe from the 18th through Early 20th Century] / Comp. by A. Yu. Andreev; series editor A.V. Doronin. Moscow: ROSSPEN, 2009. P. 263–278.

Antoshchenko A.V, Sveshnikov A.V. *Istoricheskiy seminariy kak mesto znaniya* [Historical Seminars as a Place of Knowledge] // *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii: formirovaniye predstavleniy o proshlom: kolektivnaya monografiya v chest' professora I.M. Savelyeyev* [Historical Culture of Imperial Russia: The Development of Ideas about the Past: Collective Monograph in Honor of Professor I.M. Savelyeva] / Ed. by A.N. Dmitriev. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. P. 138–160.

Chesnokov V.I. *Dvizheniye za "razdeleniye istoriko-filologicheskogo fakul'teta" i nachalo spetsializatsii universitetskogo istoricheskogo obrazovaniya v 50–70-kh godakh XIX veka* [Movement for "Division of the Faculty of History and Philology" and the Beginning of Specialization of the University Education in History in the

---

⁴¹ Chesnokov V.I. Движение за «разделение историко-филологического факультета» и начало специализации университетского исторического образования в 50–70-х годах XIX века // *Российские университеты в XIX — начале XX века: сборник научных статей*. Воронеж, 1993. С. 70–88

⁴² Цыганков Д.А. Семинар как место исследования // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*. 2014. № 4. С. 117–132.

1850–1870s] // *Rossiyskiye universitety v XVIII — nachale XX veka: sbornik nauchnykh statey* [Russian Universities from the 18th through Early 20th Century: Collection of Articles]. Issue 6. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 2002. P. 70–88.

Eymontova R.G. *Idei prosveshcheniya v obnovlyayushcheysya Rossii: (50–60-ye gg. XIX v.)* [Ideas of Enlightenment in Renewing Russia (1850–1860s)]. Moscow: IRI RAN, 1998. 405 p.

Eymontova R.G. *Russkiye universitety na grani dvukh epokh: ot Rossii krepostnoy k Rossii kapitalisticheskoy* [Russian Universities on the Threshold of Two Epochs: From Russia of Serfdom to Capitalist Russia]. Moscow: Nauka, 1985. 350 p.

Eymontova R.G. *Russkiye universitety na putyakh reformy: shestidesyatytye gody XIX v.* [Russian Universities on the Way of Reform: 1860s]. Moscow: Nauka, 1993. 270 p.

Posokhov S.I. *Organizatsiya nauchnoy raboty studentov v universitetakh Rossiyskoy imperii: problemy istoriografii* [Organization of Scholarly Work of Students in Universities of the Russian Empire: Issues of Historiography] // *Rossiyskiye universitety v XVIII — nachale XX veka: sbornik nauchnykh statey* [Russian Universities from the 18th through Early 20th Century: Collection of Articles]. Issue 6. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 2002. P. 189–198.

Sveshnikov A.V. *Pravitel'stvennaya politika v sfere zarubezhnykh komandirovok russkikh uchenykh vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka* [Governmental Policy in the Sphere of Foreign Business Trips of Russian Scholars in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries] // *Raspisaniye peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii — SSSR (konets 1880-kh — 1930-ye gody)* [The Schedule of Changes. Essays on the History of Education and Science Policy in the Russian Empire and the USSR (Late 1880s – 1930s)]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2012. P. 849–887.

Trokhimovskiy A. Yu. *Politika Ministerstva narodnogo prosveshcheniya po podgotovke molodykh uchenykh za granitsej. 1856–1881 gg.* [Policy of the Ministry of Popular Instruction for Educating Young Scholars Abroad. 1856–1881] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2007. N 1. P. 67–76.

Tsygankov D.A. *Seminar kak mesto issledovaniya* [Seminar as a Place of Research] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Series 2. *Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2014. N 4. P. 117–132.

Vorob'yeva I.G. *Professor-slavist Nil Aleksandrovich Popov* [Slavist Professor in Slavic Studies Nil Aleksandrovich Popov]. Tver': Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 1999. 191 p.

Zharova E. Yu. *Kontrol' nad zanyatiyami studentov v universitetakh Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka* [Control over Students' Studies at Universities of the Russian Empire in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2018. N 1. P. 92–105.

Zmeev V.A. *Pedagogicheskiy institut Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Pedagogical Institute of the Imperial Moscow University] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 20. *Pedagogicheskoye obrazovaniye*. 2009. N 1. P. 138–144.

Поступила в редакцию
18 октября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-63-88

О.А. Милевский

**БУРЕВЕСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА:
ВАЛЕРИАН ОСИНСКИЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ**

O.A. Milevsky

**THE HERALDS OF POLITICAL TERROR:
VALERIAN OSINSKY AND THE EXECUTIVE
COMMITTEE OF THE RUSSIAN SOCIAL-
REVOLUTIONARY PARTY**

Аннотация. Проблема перехода революционеров-народников к использованию террористической тактики до сих пор является весьма дискуссионной в отечественной историографии. Одним из пионеров террористического направления являлся В.А. Осинский (1852–1879). По его инициативе весной 1878 г. был создан Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии. История этой революционной группы, активно действовавшей по всему Югу России в 1878 — начале 1879 г., до сих пор недостаточно изучена, хотя именно она явилась предвестником перехода большей части революционных народников к политической борьбе, в том числе и посредством террора. Целью данного исследования является реконструкция ранее малоизвестных или совсем не известных страниц истории ИК РСРП, установление ее структуры и состава. Анализируются политические взгляды В.А. Осинского и его окружения. Рассматриваются контакты членов ИК РСРП с другими оппозиционными движениями в Малороссии, в том числе с либералами и представителями «Громады». Оценивается эффективность деятельности ИК РСРП и степень его воздействия на управленческие сферы Юга России. Делается вывод о том, что переход части народников в конце 1870-х гг. к политическому террору во многом

Милевский Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент научной лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета

Milevsky Oleg Anatolyevich, Doctor in History, Associate Professor, Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University

olegmilevsky@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4613-826X

произошел из-за незаконной и репрессивной политики властей и осознания радикалами бесперспективности мирных способов борьбы. Системное использование актов терроризма силами ИК РСРП в сочетании с активной пропагандистской кампанией и другими акциями неповиновения властям (вооруженное сопротивление при арестах, прокламационная кампания, побеги из тюрем, организация демонстраций и беспорядков и др.) сделали эту организацию действительно опасной в глазах правительства. Действия ИК РСРП и сама гибель В.А. Осинского существенно повлияли и на будущее всего российского революционного движения. ИК РСРП стал фактически предтечей Исполнительного комитета «Народной воли», осуществившего впоследствии убийство императора Александра II, что несомненно сказалось и на дальнейшей судьбе российской монархии.

Ключевые слова: революционное движение, народничество, политический террор, Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии, украинофильство, Валериан Осинский.

Abstract. The transition of the *Narodniks* to the terrorist tactics is still a very debatable issue in Russian historiography. One of the pioneers of the terrorist direction was V.A. Ossinsky (1852–1879). The Executive Committee of the Russian Social-Revolutionary Party (henceforth EC RSRP) was established on his initiative in the spring of 1878. The history of this revolutionary group, which was active throughout the South of Russia in 1878 and early 1879, has not yet been sufficiently studied, although it heralded the transition of most of the revolutionary *Narodniks* to political struggle, including terror. The purpose of this study is to reconstruct the previously little-known or completely unknown pages of the history of the EC RSRP, its structure and composition. The author examines political views of V.A. Ossinsky and his entourage, contacts of the members of the EC RSRP with other opposition movements in Little Russia, including liberals and representatives of the *Gromada*, the effectiveness of the EC RSRP and its influence on the administrative spheres of the South of Russia. He concludes that the transition of the part of *Narodniks* to political terror in the late 1870s occurred largely due to the lawless and repressive policy of the authorities and the radicals' awareness of the futility of peaceful ways of struggle. The systematic use of terrorism by the EC RSRP together with an active propaganda campaign and other acts of defiance against the authorities (armed resistance during arrests, proclamation campaign, jailbreaks, organization of demonstrations and riots, etc.) made this organization truly dangerous in the eyes of the government. The actions of the EC RSRP and the very death of V.A. Ossinsky had a significant impact on the future of the entire Russian revolutionary movement. The EC RSRP was in fact a forerunner of the Executive Committee of the *Narodnaya Volya*, which subsequently carried out the assassination of Emperor Alexander II, and its activity undoubtedly influenced the fate of the Russian monarchy.

Keywords: revolutionary movement, *Narodnichestvo*, political terror, Executive Committee of the Russian Social Revolutionary Party, Ukrainianophilism, Valerian Ossinsky.

Изучение революционного народничества началось еще в период его деятельности (А.П. Мальшинский, А. Тун др.). Однако до сих пор некоторые ключевые моменты истории народнического движения изобилуют лакунами, хотя они оказали серьезнейшее влияние на весь дальнейший ход российского революционного процесса. К числу таких недостаточно изученных тем относится история создания и деятельности «Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии», также известного в научной литературе как «кружок Осинского–Лизогуба»¹ и южный Исполнительный комитет².

Это вызывает еще большее удивление в связи с тем, что споры как внутри исторического сообщества³, так и на иных общественных площадках о природе революционного терроризма и его последствиях для российской государственности и по сей день не утратили своей актуальности. Конечно, нельзя сказать, что деятельность ИК РСРП совсем не изучалась. Практически в каждой серьезной монографии по народничеству уделялось какое-то место этой революционной группе, но не более.

Действиям ИК РСРП традиционно отводилась роль предвестника политической борьбы посредством использования террора. Однако советские исследователи ограничивались преимущественно освещением конкретики этой борьбы, весьма лапидарно останавливаясь на выяснении организационной структуры ИК РСРП и целях, которые он преследовал. Данная традиция перекочевала и в постсоветское историографическое поле. При этом и ведущие советские (Ш.М. Левин, С.С. Волк, М.Г. Седов, В.А. Твардовская, Н.А. Троицкий), и современные российские историки не подвергли сомнению «последовательно террористический характер кружка В.А. Осинского»⁴.

Таким образом, история ИК РСРП как самостоятельной революционной ячейки до сих пор не написана. Целью данной статьи является анализ эволюции социальных воззрений ее идейного вдохновителя В. Осинского и реконструкция деятельности этой организации.

¹ Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1969. С. 22–23.

² Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 220.

³ См., например: Левандовский А.А. Бомбисты // Родина. 1996. № 4. С. 48–56; Троицкий Н.А. Друзья народа или бесы? Как и кого защищали народники // Родина. 1996. № 2. С. 62–72; Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 3–18.

⁴ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2000. С. 53.

Становление Осинского как революционера-политика

Совершенно справедливо исследователи связывают историю возникновения ИК РСРП с личностью ее харизматичного лидера и идеолога Валериана Андреевича Осинского (1852–1879). Начинал он свою революционную карьеру как участник ростовского народнического кружка. В Ростове-на-Дону его и застал провал «хождения в народ» 1874–1875 гг., приведший к лавине арестов народников-пропагандистов. В результате наиболее активная часть из оставшихся на свободе революционеров задумалась о дальнейших путях борьбы с самодержавием.

Эта работа над ошибками привела к созданию в 1876 г. организации «Земля и воля». Членом ее «Основного кружка» и стал Осинский. По своим программным установкам «землевольты» являлись преимущественно бакунистами и придерживались традиционного народнического аполитизма. Хотя в структуре организации существовала также дезорганизаторская группа, куда и вошел Осинский. В ее задачу входили «силовые функции»: освобождение из-под ареста товарищей, убийство шпионов и предателей и «дезорганизация» правительства. Таким образом, уже тогда революционеры рассматривали использование насилия как один из элементов в борьбе с правительственным произволом. Тем более что власти сами своими действиями способствовали нагнетанию ситуации: это и бессудные расправы, и тюремный произвол, и все более жестокие судебные приговоры.

Обстановка особенно накалилась после «боголюбовской истории» (телесное наказание 13 июля 1877 г. в Доме предварительного заключения (ДПЗ) политического заключенного А.С. Емельянова (Боголюбова)). О фактической стороне этого события написано немало. Другое дело, что исследователи ограничивались констатацией случившегося, отмечая, что насилие над личностью заключенного спровоцировало в революционном лагере ответную реакцию в виде выстрела В.И. Засулич, открывшего эпоху политического террора в стране. В целом всё верно, но зачастую историками прецедент телесного наказания в ДПЗ подается просто как один из многих вопиющих фактов тюремного произвола в отношении революционной молодежи в то время, и не более, а это не совсем так.

В ситуации с Боголюбовым предложения и проекты ряда сановных особ об использовании телесных наказаний в качестве профилактики революционной крамолы получили реальное воплощение. И это в стране, где на законодательном уровне телесные наказания были отмены, где начала реализовываться судебная ре-

форма и т.п. В России выросло «непоротое» поколение со своими представлениями о чести, достоинстве и способах их отстаивания. На это, кстати, в своей речи на «процессе Засулич» указывал адвокат П.А. Александров⁵.

Поэтому-то события в ДПЗ во многом оказались рубежными для радикального мира России. Это наказание было воспринято как унижение властью всех представителей молодежи 1870-х, как явный поколенческий вызов! Свидетельство тому — коллективная память народников в виде дошедших до нас воспоминаний. В кругах «землеольцев» двух мнений не было: организация должна смыть оскорбление кровью, а Трепов должен ответить за свои действия⁶. Это было поручено дезорганизаторской группе, а непосредственно подготовку этой акции возложили на Осинского⁷.

Для Осинского «боголюбовская история» оказалась во многом окрашенной еще и в личные тона. Он был знаком со многими арестантами, пострадавшими в беспорядках. Сам же Емельянов являлся его товарищем еще по ростовскому кружку. События в ДПЗ послужили своеобразным триггером, окончательно убедившим Осинского в том, что компромисс с властью невозможен.

Представляется, что именно в это время Осинский делает для себя один из базовых выводов, ставших альфой и омегой его революционной философии: добиваться чего-то от правительства можно, только опираясь на насилие. Политический террор в сложившихся в России условиях — одно из важнейших средств для дезорганизации правительства, что как раз и позволит вырвать у него уступки. Практически параллельно с «боголюбовским» открылись и детали «Чигиринского дела». Это была попытка Я.И. Стефановича и двух его товарищей, Л.Г. Дейча и И.В. Бохановского, поднять крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии на восстание, используя подложный царский манифест. На Осинского этот план произвел сильное впечатление⁸. Видимо, тогда же у него зародилась идея непременно устроить побег арестованным фигурантам этого дела.

Нельзя не согласиться с мнением М.Г. Седова о том, что «два события — дело Боголюбова и Чигиринское дело — каждое по-своему ускорили решимость Осинского», и он бесповоротно становится

---

⁵ Кони А. Ф. Дело Веры Засулич. М., 2015. С. 133.

⁶ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 267–268.

⁷ Там же. С. 268.

⁸ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. Кн. 1. М.; Л., 1930. С. 378.

сторонником политической борьбы⁹. Стоило бы к этому добавить и третью составляющую — его пребывание в ДПЗ (он около трех месяцев провел там за попытку проникнуть на заседание суда «по процессу 50-ти» по фальшивым билетам). Сыграло роль даже не само заключение, а то, что он там увидел, а именно — как много его товарищей по борьбе оказались в тюрьме. Осинский приходит к мысли: совершенно неочевидные результаты пропаганды среди крестьян и рабочих потребовали огромного количества жертв — загубленных молодых жизней революционеров. И он сделал для себя следующие выводы.

Первое — нужно полностью менять тактику борьбы. Для пропаганды идей социализма требуется изменить условия в стране. Правительство не пойдет на это добровольно, поэтому нужно вынудить его силой. То есть — переходить к активным методам дезорганизации власти, а именно к террору.

Второе — нужно максимально дезавуировать действия царского правосудия как нелегитимного в глазах борющейся с правительством революционной партии. Исходя из этого, одна из главных задач на данный момент — организация побегов из тюрем товарищей по борьбе.

Третье — нужно перестать быть «овечками на заклание» при арестах, а, напротив, защищать свои личные и гражданские права, иначе говоря, — переходить к тактике вооруженного сопротивления при арестах.

Оказавшись на юге, в Одессе, глубокой осенью 1877 г. Осинский привлек к «делу Трепова» и подготовке побега «чигиринцев» ряд революционеров-южан. Он вошел в контакт с «южными бунтарями» (В.К. Дебогорий-Мокриевич, М.П. Ковалевская, М.Ф. Фроленко) и представителями кружка «башенцев, тогда еще близкими к лавристам (И.Ф. Волощенко и Г.А. Попко). Идею расправы с Треповым разделяли абсолютно все, это же относилось к идее устройства побега.

План разработали следующий. Сначала все отправились в Киев. Там остались отлично знавшие город и имевшие в нем связи Дебогорий-Мокриевич и Ковалевская, которые должны были установить контакты с тюрьмой и сделать первые приготовления к побегу. «Башенцы» вместе с Фроленко и Осинским¹⁰ из Киева напрямик отправились в столицу. Там Осинский передал им все нити дела по Трепову и вернулся в Киев для организации побега. Именно с этого

---

⁹ Седов М.Г. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966. С. 76.

¹⁰ Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М., 1927. С. 64, 102.

времени начался его киевский отсчет жизни, ознаменованный созданием ИК РСРП.

Подготовка побега продвигалась вполне успешно. Осинский, по оценкам Дейча, «сразу же проявил большое умение взяться за дело»¹¹. Через одного из надзирателей удалось наладить переписку с заключенными. Попутно Осинский налаживал связи в различных слоях общества, погружившись в весьма накаленную политическую атмосферу города. Вскоре он вошел в состав конституционного кружка, состоявшего из студентов, лиц университетского звания и революционеров-народников.

Именно в это время, по видимому не без влияния местных конституционалистов, окончательно оформляются его взгляды на политическую борьбу, в том числе и посредством использования террористических методов. А для этого нужны были люди и средства. Всё же «южные бунтари» при всей их боевитости не были той группой, на которую он мог опереться.

Начало «эры политического терроризма»

Поэтому Осинский начал стягивать в Киев людей близких ему по взглядам. Так, в конце ноября 1877 г. к нему из Одессы перебрался известный на юге революционер А.Ф. Медведев (Фомин). Кроме подбора людей Осинский вынужден был решать и другие задачи, и одной из главных было добывание денежных средств. Здесь, по мнению абсолютно всех мемуаристов, Осинский не знал себе равных¹². В силу происхождения и воспитания — а Осинский вырос в семье генерала, — он умел отлично коммуницировать с людьми, в том числе и из числа «сливок общества».

В поисках денег на реализацию своих планов ему помогали и давние товарищеские отношения с наследником большого состояния и также «земелевольцем» Д.А. Лизогубом. Лизогуб, как и Осинский, являлся активным сторонником политического направления.

В самом начале декабря 1877 г. Осинский вновь оказался в Петербурге (где в решающую стадию вступала подготовка покушения на Трепова). Для него поездка оказалась крайне важна еще и в плане уточнения позиции «Земли и воли» по ряду программных вопросов, в том числе и в отношении политической борьбы.

Зимой 1877–1878 гг. в Петербурге на Большом совете Осинский внес целый ряд предложений, которые, как он считал, продиктованы самой логикой жизни. Практически все они так или иначе оказались

---

¹¹ Дейч Л.Г. Валерьян Осинский (к 50-летию казни) // Каторга и ссылка. 1929. № 5 (54). С. 23.

¹² Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 385.

связаны с продвижением идеи политической борьбы, включая экспроприацию для нужд организации «государственных, общественных, а в крайнем случае и частных имуществ»¹³. Однако все его предложения были отвергнуты¹⁴.

Отказ «землевольческого» центра не оставлял ему выбора. И Осинский для осуществления своих планов выбирает Украину. Пока же он оставался в столице, где к концу подходила «охота на Трепова». Однако события приняли неожиданный оборот. 24 января 1878 г. в приемной генерал-губернатора в него выстрелила Вера Засулич, ничего не зная о приготовлениях группы Осинского.

Больше ничто не держало Осинского в столице, и он возвращается в Киев. Главной его целью в это время стало объединение местных революционеров под знаменем политической программы. Он понимал, что для этого нужна организация, но он также отчетливо видел разницу в менталитете южан и северян. Его наблюдения за жизнью революционеров-южан показывали, что многие из них действовали не столько согласно существовавшим революционным теориям, сколько по настроению и вкусу, что они могут и готовы подчиняться, но не написанным программам и уставам, а человеку с опытом настоящего революционера. На юге не пойдут за тем, кого не знают и кто не имеет революционного авторитета, поэтому его нужно заработать, выстроить связи, а потом уже реализовывать свою повестку дня.

Благо для этого у Осинского уже имелись некоторые возможности. В первый приезд в Киев он смог наладить хорошие связи не только с местными революционными группами, но и ввел в киевский радикальный круг ряд своих людей. К тому же вместе с ним в Киев из столицы вернулись Попко, Волошенко и Фроленко, полностью разделявшие его цели и намерения.

Возвращение Осинского в Киев совпало с событием, которое еще более наэлектризовало обстановку на Юге. 30 января 1878 г. в Одессе местный радикал И.М. Ковальский оказал при аресте яростное вооруженное сопротивление. Поступок Ковальского стал своеобразным знаменем времени. С этой поры не только ношение оружия, но и использование его для защиты личной свободы обрело силу одного из неписаных правил революционной этики.

В Киеве Осинский сразу же вернулся к организации побега «чигиринцев». Радикалам удалось внедрить в тюрьму своего человека, Фроленко, который устроился туда на должность сторожа под именем мещанина Тихонова. Так началась «тюремная карьера» Фролен-

---

¹³ Аптекман О.В. Указ. соч. С. 301.

¹⁴ Там же. С. 286–295.

ко–Тихонова, которая через полгода закончилась обретением вождя деленного места ключника, дававшего возможность освобождения арестантов.

Однако реализация этого плана не отменяла для Осинского главного — перехода к активным действиям. Первый случай представился довольно скоро и был связан с необходимостью обезвредить очередного предателя в рабочей среде, А. Никонова, погубившего ростовский рабочий кружок, что и было сделано руками Ив. Ивичевича и Брандтнера 2 февраля 1878 г.

Убийство Никонова фактически открыло эру политического терроризма на Юге России¹⁵. Буревестником нового направления стал именно Осинский. По признаниям многих, он обладал завидной политической интуицией¹⁶ и одним из первых пришел к убеждению, что политический террор — единственный способ борьбы, благодаря которому вполне реально создать «силу из бессилия» применительно к современным условиям и заставить правительство пойти на уступки. Исходя из этого убеждения, он фактически и развязал в южных губерниях России то, что впоследствии, уже в веке XX, получит название «городская герилья».

О взглядах Осинского на тот момент сохранилось свидетельство его сестры Людмилы. Она так описывала комплекс его идей: «Он тогда же начал говорить мне, что проповеди социализма и внедрению идей его в сознание народа и общества должна обязательно предшествовать политическая революция и провозглашение конституционного правления, чтобы вместе с провозглашением конституции обеспечить возможность широкой пропаганды социализма, иначе пропаганда социализма будет губить бесплодно силы и жизнь, так как никакая пропаганда невозможна при опеке администрации, полном ее произволе и отсутствии законности»¹⁷.

Итак, для Осинского путь был ясен. Сразу после убийства Никонова в Киеве под его руководством началась подготовка теракта уже против официального лица. В качестве объекта покушения был выбран товарищ прокурора Киевской судебной палаты М.М. Котляревский, известный своей жесткой линией по отношению к арестованным революционерам. К этому делу Осинский привлек Медведева и Ив. Ивичевича.

---

¹⁵ Справедливости ради следует признать, что на юге первым актом террора стало убийство шпиона-предателя в рабочей среде Тавлеева, выдавшего «Южнороссийский союз рабочих». Оно произошло в Одессе 5 сентября 1876 г. Исполнителем выступил Ф.Н. Юрковский. См.: *Юрковский Ф.Н.* Булгаков. (Роман, написанный в Шлиссельбурге). Воспоминания. Письма. Л.; М., 1933. С. 168, 230, 275.

¹⁶ *Дейч Л.Г.* Указ. соч. С. 35.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 38–39.

Само покушение состоялось поздним вечером 23 февраля 1878 г., на улице, но окончилось неудачей¹⁸. Однако это не обескуражило Осинского. Тогда же в среде местных революционеров рождается идея выпустить прокламации с объяснением причин произведенных в Ростове и Киеве покушений и мысль о том, чтобы присвоить группе, приведшей в действие приговоры, название «Исполнительный комитет». Планировалось представить дело таким образом, что эта структура является исполнителем решений, принятых всей социально-революционной партией¹⁹.

Прокламацию отпечатали во второй половине марта. Она содержала не только объяснение причин покушения, в ее преамбуле обнародовали мотивы перехода к новой форме борьбы с правительством. Далее приводились обвинения в адрес Котляревского и в заключении делалось предостережение всё тому же Котляревскому и жандармскому офицеру Гейкингу, проводившему аресты «чигиринцев»²⁰.

Под этой прокламацией впервые и появилась печать несуществующего ИК²¹. В ней теракт против Котляревского однозначно подается как реакция на политическое бесправие всех слоев общества и невозможность какой-либо легальной общественной деятельности. 27 марта 1878 г. прокламации были расклеены по всему Киеву, а также в ряде других городов²².

Так комитетская мистификация Осинского превращалась в жупел для властей, готовых поверить в существование всесильного и неуловимого ИК. Пока это был только миф, тиражируемый революционерами. Но в дальнейшем миф начал приобретать реальные очертания, привлекал новых adeptов, и спустя непродолжительное время ИК РСРП стал ощутимой угрозой для российских властей.

Деятельность ИК РСРП

После покушения на Котляревского началось следствие по этому делу. Киевские жандармы традиционно прибегли к проверенной методе и в первую очередь обратили внимание на студенческую среду. Арестовывали и обыскивали массово и повсеместно. Это беззаконие привело к студенческим беспорядкам. На этом фоне произошло еще большее сближение революционеров-политиков с местными либе-

---

¹⁸ *Троицкий Н.А.* Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов, 2018. С. 235.

¹⁹ *Дебогорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. Кн. 2. М., 1930. С. 13.

²⁰ *Троицкий Н.А.* Софья Львовна Перовская... С. 235.

²¹ *Новицкий В.Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 93.

²² Там же.

ралами. Для более широкого воздействия на общество революционеры решили максимально задействовать печатное слово, и в начале апреля среди горожан и в студенческой среде активно распространяются объявления все того же ИК с указанием на «новый путь, выбранный русской социально-революционной партией»²³.

Власти в Киеве оказались в полном замешательстве. Всё вкуче — акты политического террора, прокламации, студенческие волнения — они так или иначе связывали с деятельностью неуловимого ИК. Авторитет таинственного органа быстро рос. Период с января по апрель 1878 г. стал в деятельности Осинского своеобразным временем собирания сил. Здесь, на Юге, где он не был скован жесткой «землевольческой» дисциплиной, проявились сильные стороны его характера и способности организатора.

Следует отметить, что Осинский выбрал единственно подходящий для него путь. Интуитивно уловив дух вольницы, не признававшей централистских начал в движении, он на время отодвинул вопрос о создании какого-то единого революционного образования в виде централизованно организованного кружка, к которому, например, активно тяготел Лизогуб. Однако, думается, не стоит полностью соглашаться и с мыслью Дейча о том, что Осинский «был совершенно чужд кружковой обособленности, в особенности же — централизма», и именно поэтому «он не организовал на юге никакого правильного кружка»²⁴.

Представляется, что в этот период он небезосновательно считал, что идея создания единого революционного объединения в Малороссии и Новороссии очень трудна для практической реализации. Сплачивание идейно разрозненных южан-радикалов в единое целое, по его мнению, должно было совершаться не словом, а делом. И появление пока «бумажного» ИК РСРП являлось первым шагом к формированию организованной революционной структуры. Следующим должно было стать наполнение «бренда» ИК реальным содержанием, но для этого требовались активные, а главное успешные действия.

Осинский пришел к убеждению, что на данном этапе в основу организации и координации действий нужно закладывать не принцип централизации, а иной — сетевой принцип. При таком подходе имеется идейное ядро, своеобразный интеллектуальный центр, и небольшие периферийные образования, вполне самостоятельные в локальных действиях, но разделяющие базовую идеологию центра.

---

²³ Новицкий В.Д. Указ. соч. С. 94.

²⁴ Дейч Л.Г. Указ. соч. С. 26.

В идеале такие группы по своему усмотрению могли выбирать себе цели, не были связаны какими-то строгими регламентами, но обязательно должны были разделять основные идейные установки и в их рамках могли действовать, «кто и как хотел по свободному соглашению»²⁵. В роли такого идейного центра и стал выступать провозглашенный Осинским ИК РСРП.

Имея связи с революционерами-северянами, обладая определенными финансовыми ресурсами, Осинский быстро поднимал авторитет ИК, а сам выдвигался на первые роли среди революционеров Юга России. В отличие от «бунтарей» Осинский подводил под свою программу действий серьезный финансовый и организационный базис. Ему «верили, его слушались до известной степени»²⁶, и за ним пошли решительные и очень не похожие друг на друга ни по темпераменту, ни по привычкам люди, объединенные только ненавистью к существующему политическому строю.

Очень помогала в этом Осинскому его толерантность к различным революционным программам. Начисто лишенный народнического догматизма, он и в Киеве руководствовался принципом, что в борьбе за политические свободы, да еще с использованием террора, желательно максимальное объединение различных общественных корпораций для давления на правительство. Поэтому он контактировал и с либералами-конституционалистами, и с украинофилами²⁷. Видимо, в первую очередь через Осинского украинофилы помогали революционерам и материально²⁸.

Осинский укреплял престиж ИК РСРП не только в Киеве. В весенне-летние месяцы 1878 г. он активно налаживал контакты с другими городами. И преуспел в этом. Ростов-на-Дону являлся фактически родным для него, и там у Осинского сохранились связи. В это время в Харькове самой видной группой являлся кружок Буцинского²⁹, у которого наиболее тесные связи установились как раз с киевлянами³⁰.

Так что сеть кружков, исповедовавших сходные с ИК принципы борьбы, на Юге России быстро разрасталась. Например, через близкого по взглядам к Осинскому В.А. Свириденко, ведшего пропаганду

---

²⁵ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 144.

²⁶ Там же.

²⁷ Попов М.Р. Записки землепольца. М., 1933. С. 226.

²⁸ Свод показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях // Былое. 1907. № 7. С. 156.

²⁹ Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 345.

³⁰ Ефремов В.С. Маленькое дело // Былое. 1907. № 5. С. 83.

среди моряков в Николаеве³¹, ИК удалось установить контакты с кружком С.Я. Виттенберга³². Была налажена доставка прокламаций в Николаев³³.

Но особым вниманием Осинского из всех южных городов (после Киева) пользовалась Одесса. Собственно говоря, два эти революционных центра можно рассматривать в некоем единстве. Через кружок С.Ф. Чубарова связи у ИК РСРП с одесситами установились очень тесные. Революционеры из Киева постоянно перемещались в Одессу и обратно. Во время своих вояжей Осинский установил в Одессе массу контактов в совершенно разных общественных сферах — от подпольщиков-революционеров до либеральных салонов и даже представителей одесского капитала.

Таким образом, путем кропотливой организационной работы за первые шесть-семь месяцев пребывания на Украине Осинский смог образовать в Киеве серьезный революционный центр, связав его с другими городами Юга Империи. Рос и престиж ИК РСРП. Ключевым для его значимости, как в глазах революционного сообщества, так и властей стали события в Киеве конца мая 1878 г., когда практически одновременно от имени ИК были осуществлены две крайне дерзкие и очень болезненные для власти акции.

Первой стало убийство помощника начальника Киевского губернского жандармского управления штабс-капитана барона Г.Э. Гейкинга. Приговор привел в исполнение 25 мая 1878 г. Попко, а 29 мая барон Гейкинг скончался. Второй удар революционеры нанесли практически тотчас же. В ночь с 26 на 27 мая 1878 г. им удалось осуществить побег трех организаторов «Чигиринского дела». Ключник Тихонов, он же Фроленко, успешно вывел Стефановича, Дейча и Бохановского из тюрьмы под видом солдат караульной команды³⁴. А уже 2 июня появились прокламации по поводу убийства Гейкинга и побега «чигиринцев». В них указывалось, что убийство Гейкинга — это «наказание за слишком усердную службу в должности киевского шпиона»³⁵.

Отметим, что ряд исследователей, например, В.А. Твардовская, на основе анализа сохранившихся текстов от имени ИК РСРП отмечала, что «если идея террора как мести и самозащиты нашла яркое выражение в изданиях ИК, понимание его как формы политической

---

³¹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 255.

³² Там же. Оп. 163. Ед. хр. 291. Л. 205 об.

³³ Там же.

³⁴ Фроленко М.Ф. Указ. соч. С. 148–151.

³⁵ Твардовская В.А. Указ. соч. С. 23.

борьбы в них еще не отразилось. Очевидно, убеждения отдельных деятелей кружка еще не стали всеобщими. Да и у них эти новые убеждения были недостаточно четкими и последовательными»³⁶.

В этом вопросе хотелось бы возразить известной исследовательнице народничества. В отношении воззрений Осинского никаких сомнений нет, он путь политической борьбы к лету 1878 г. видел максимально отчетливо. Другое дело, что в условиях тогдашнего Киева и вообще Юга страны, где еще сильно было влияние бакунистов-«бунтарей», сразу проводить линию на пропаганду идей только политической борьбы казалось делом сложным, а главное — грозило распылением сил. Осинский определенно это понимал и исподволь, укреплением своего влияния готовил почву для продвижения идеи политической борьбы в среду местных революционеров. Сам по себе террор против представителей царской администрации не пугал южан, скорее наоборот. Теперь Осинскому предстояло соединить его с доктриной политической борьбы, что он делал весьма искусно и к лету 1878 г. достиг в этом серьезных успехов.

Он проявил себя талантливым стратегом и не спешил перетягивать на себя одеяло, чтобы не отпугнуть колеблющихся и сомнеющихся. Что же касается указания на то, что политические свободы отсутствовали как программное требование³⁷, то это было связано с организационным строительством, которое продолжалось и венцом которого должен был стать съезд. Именно съезд, по расчетам Осинского, мог официально санкционировать новое направление. Р.А. Стеблин-Каменский вспоминал, что уже в то время начинали о нем толковать³⁸. А пока революционеры-политики действовали под эгидой ИК РСРП.

Между тем Юг кипел. Власти пребывали в растерянности. Здесь вполне уместно привести оценку действий ИК РСРП М.Г. Седовым, отмечавшим, что «новое движение оказалось более мощным, несравненно более опасным для правительства в целом, а не только отдельных его слуг, подвергавшихся непосредственной опасности нападения»³⁹.

Однако оборотной стороной успехов киевских революционеров стало то, что они получили более сильных противников. В Киевском губернском жандармском управлении появились новые лица. Его возглавил полковник В.Д. Новицкий, а должность Гейкинга занял

---

³⁶ Там же. С. 22.

³⁷ Там же.

³⁸ *Стеблин-Каменский Р.А.* Григорий Анфимович Попко (12 апреля 1852 — 20 марта 1885) (Опыт биографии) // *Былое.* 1907. № 5. С. 192.

³⁹ *Седов М.Г.* Указ. соч. С. 82–83.

штабс-капитан Г.П. Судейкин. Они стали использовать новые, более эффективные методы работы, и вскоре революционеры ощутили это на себе.

Пока же наступившее лето 1878 г. принесло местным властям целую череду серьезных неприятностей, связанных с действиями революционной партии, к которым также оказались причастны члены ИК РСРП. 1 июля 1878 г. под Харьковом произошло неудачное, хотя и очень дерзкое предприятие по освобождению П.И. Войноральского, в котором принимал участие и был арестован Медведев (Фомин). Одновременно главе харьковского жандармского управления генерал-майору Д.М. Ковалинскому было послано письмо-предупреждение⁴⁰ на бланке ИК РСРП, написанное рукой Осинского⁴¹.

После этой акции северяне отправились в родные пенаты, а большинство южан поспешило в Одессу. Именно здесь в августе сторонники нового политического направления планировали провести съезд⁴². Второй причиной повышенного внимания радикального сообщества к Одессе явился судебный процесс по делу Ковальского, который открылся 20 июля. Он продлился пять дней и закончился вынесением смертного приговора, реакцией на который стала вооруженная демонстрация у здания суда, со стрельбой, убитыми и ранеными с обеих сторон.

Принимали в ней участие и члены ИК РСРП⁴³, в том числе Осинский⁴⁴. Эти столкновения произвели очень серьезное впечатление на столичные власти, которые прямо связывали одесскую демонстрацию с действиями неуловимого ИК РСРП. По мысли историка В.Я. Богучарского, смертный приговор, вынесенный Ковальскому, и его казнь явились «актом устрашения, направленным именно на этот “комитет”»⁴⁵. Особое совещание 28 июля 1878 г. показало, что в Зимнем дворце намерены весьма жестко реагировать на усиление революционной активности в Малороссийских и Новороссийских губерниях⁴⁶. Хотя на совещании о деле Ковальского прямо не говорилось, сама его направленность несомненно способствовала окончательному утверждению смертного приговора, который и был приведен в исполнение 2 августа 1878 г.

---

⁴⁰ Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчет. М., 1906. С. 74.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 34.

⁴² *Стеблин-Каменский Р.А.* Указ. соч. С. 192.

⁴³ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 8.

⁴⁴ *Дебогорий-Мокриевич В.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 44

⁴⁵ *Богучарский В.Я.* Указ. соч. С. 337.

⁴⁶ *Седов М.Г.* Указ. соч. С. 83.

Представляется, что в данном случае речь может идти не столько даже об устрашении революционеров, сколько о подтверждении неизменности линии правительства на то, что все преступления против официальных лиц, совершаемые с применением оружия, будут караться смертной казнью. По сути, внутренняя война была объявлена. Эскалация насилия с обеих сторон нарастала, и сдаваться в этой схватке Осинский и его окружение не собирались.

Обстановка в Одессе после демонстрации и начавшихся затем арестов оставалась крайне тревожной. Аресты привели к тому, что запланированный съезд не состоялся⁴⁷. Ситуация еще больше обострилась, когда пришло ошеломляющее известие из столицы об убийстве 4 августа шефа жандармов генерал-адъютанта Н.В. Мезенцова. Конечно, объяснение причин покушения в брошюре С.М. Степняка-Кравчинского «Смерть за смерть» никоим образом не вписывалось в концепцию политической борьбы, пропагандируемую Осинским. Однако по информации, доходившей из столицы, он не мог не знать о тех спорах, которые уже кипели между «политиками» и «деревенщиками». И Осинский небезосновательно надеялся на скорый поворот в деятельности «Земли и воли» в сторону «политики».

В сложившейся обстановке поездка в Петербург стала для него первоочередной задачей. Тем более ему было что предъявить «землевольцам». Именно в это время революционеры-политики замыслили нанести удар в самое сердце империи и организовать покушение на императора, который, по имевшейся у них информации, планировал поездку в Крым через Одессу и Николаев.

Официально признано, что инициатива подобной акции принадлежала кружку С. Виттенберга⁴⁸. С этим кружком был напрямую связан близкий к Осинскому Свириденко. Поэтому более чем правдоподобно, что планы цареубийства обсуждались при активном участии Осинского. Впрочем, история подготовки этого покушения еще ждет своего более тщательного исследования.

В конце первой декады августа 1878 г. Осинский прибыл в столицу. Он надеялся продвинуть в рядах «Земли и воли» идею политической борьбы и террора как ее острия. Тем более что имелась козырная карта — информация о динамитных приготовлениях в Николаеве и Одессе. В дебатах с членами основного кружка «Земли и воли» Осинский и воспользовался ею, предложив идею убийства царя⁴⁹, но поддержки не получил.

⁴⁷ Стеблин-Каменский Р.А. Указ. соч. С. 192.

⁴⁸ Семенов А. Соломон Виттенберг (Материалы к биографии) // Былое. 1925. № 6 (34). С. 67.

⁴⁹ Дейч Л.Г. Указ. соч. С. 35.

Верный своим взглядам, Осинский в столице даром времени не терял. Он и здесь использовал практику воздействия на власть через устрашающие прокламации. После массовых арестов в связи с убийством Мезенцова он выпустил рукописное воззвание от имени ИК, датированное 9 августа 1878 г.⁵⁰ Оно содержало обращение-предупреждение к прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты А.А. Лопухину, который вел дело об убийстве шефа жандармов. В этом документе, кроме предостережений прокурору по поводу большого числа ничем не оправданных арестов, явственно присутствует обоснование террористических актов необходимостью борьбы за политические свободы, которые являются приметой времени в Европе, но напрочь отсутствуют в России⁵¹.

Следует признать, что в данном случае Осинский проявил себя, выражаясь современным языком, прекрасным пиарщиком. Он использовал созданный даже не его структурой информационный повод в своих интересах для дальнейшего воздействия на власть и работая на свою повестку дня. Последующие события показали, что этот нестандартный прием Осинского произвел серьезный эффект, по крайней мере в дальнейшем, в ходе следствия, выяснению авторства этого документа будет уделяться повышенное внимание⁵².

Осинский пробыл в столице совсем недолго. На Юге его ждали незавершенные дела. В Николаеве продолжалась организация покушения на царя. В это же время в решающую фазу вступала и подготовка побега В.О. Избицкого из киевской тюрьмы. Оба предприятия, впрочем, окончились неудачно, хотя и внесли еще больший переполох в работу киевского и одесского жандармских управлений.

Арест николаевской группы Виттенберга⁵³, конечно, явился тяжелым ударом по планам сторонников политического направления. О причастности Осинского к этим замыслам косвенно свидетельствуют сохранившиеся в следственных материалах обрывки его писем к А.И. Малиновской и М.А. Коленкиной, где речь идет о неудавшемся взрыве в Николаеве⁵⁴.

Практически в это же время в Харькове в завершающую фазу вступило устройство побега Медведева (Фомина). По инициативе Осинского была создана специальная харьковская группа под руководством А.Е. Сентянина⁵⁵. Побег планировалось осуществить с

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 178.

⁵¹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 90–92.

⁵² ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 178.

⁵³ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Л. 205 об.

⁵⁴ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 103.

⁵⁵ Сарандович Е.П. Подкоп под Харьковскую тюрьму // Каторга и ссылка. 1930. № 6 (67). С. 108.

помощью подкопа, но дело не удалось⁵⁶. Впрочем, неудача не остановила Осинского, и осенью начинается подготовка новой попытки освобождения Медведева.

Окончательное оформление структуры ИК РСРП

В конце лета — начале осени 1878 г. ИК РСРП получил подкрепление. В это время в Киеве появились бежавшие из ссылки Г.Д. Гольденберг и П.А. Орлов⁵⁷. И тот, и другой быстро прониклись идеями Осинского и активно включились в деятельность ИК. К началу осени после одесско-николаевских арестов в Киев окончательно перебирается и Свириденко. Появление такой яркой и известной в революционных кругах личности серьезно усиливало организацию. Это был человек действия, революционер-боевик⁵⁸.

Фактически в руководстве деятельностью ИК РСРП осенью 1878 г. сложился следующий триумвират. Осинский — признанный харизматичный лидер организации. Он добывал средства, контактировал с «Землей и волей», ведал решением различных организационных дел, обеспечивал связи с либеральными кругами. За весьма образованным Волошенко оставались коммуникации со студенчеством и средой интеллигенции⁵⁹, хотя не чурался этого и сам Осинский. Свириденко отвечал за разработку большинства боевых мероприятий ИК РСРП и активно взаимодействовал с киевскими молодыми революционерами, не слишком образованными, желающими активно бороться с властями. Для них он был своим.

Именно через Свириденко ИК РСРП наладил тесное взаимодействие с житомирско-киевским кружком И.И. Басова. Свидетельством особых отношений Свириденко и членов этого кружка служат показания на дознании одного из его лидеров, Я.Ф. Зубржицкого, который указывал на «Антонова (под этим именем проходил во время жандармского дознания Свириденко. — О.М.) как на учителя и руководителя своего»⁶⁰.

Примерно в это же время в город приезжает и Софья Александровна Лешерн фон Герцфельдт. Она стала настоящей боевой подругой Осинского. Таким образом, осенью 1878 г. в Киеве окончательно сложилась структура революционного подполья, ее вершиной яв-

---

⁵⁶ *Щеголев П.Е.* Алексей Медведев // Каторга и ссылка. 1930. № 10 (21). С. 73.

⁵⁷ Деятели революционного движения в России. Справочник. Вторая половина 1850-х — 1890-е гг. Т. 2. 1870-е годы. М., 2009. С. 127.

⁵⁸ *Феохари С.И.* Дело о вооруженном сопротивлении в Киеве 11 февраля 1879 г. // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53). С. 42.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 258.

⁶⁰ Там же. Л. 185 об.

лялся ИК РСРП. Как указывалось выше, руководил им триумvirат во главе с Осинским. Он опирался на силы наиболее преданных и во все посвященных революционеров: Орлова (Павлюка), братьев Ивичевичей, Брандтнера, Л.А. Кобылянского, Гольденберга, Зубковского, Б. Костецкого, И.В. Зелинского, К.Ф. Багряновского, Н.В. Левченко, Рахальского, В.М. Лепешинского, Лешерн фон Герцфельдт, Л.А. Волкенштейн.

Существовала и сеть кружков, тесно связанных с ИК РСРП, в первую очередь кружок Басова, а также несколько рабочих кружков Киева. В них активную работу вели братья Ивичевичи, имевшие опыт такой деятельности еще в Ростове-на-Дону, А. Гобет (Анисим Федоров), Н.Н. Бубновский (Федор Предтеченский), В.В. Красовский⁶¹. Также связь с рабочими поддерживалась через столярную мастерскую, открытую на деньги либерально настроенной графини А.С. Паниной.

Активно контактировала с ИК РСРП и Л.Я. Самарская. Она вплоть до ареста вела пропаганду сначала совместно с Иг. Ивичевичем, а затем отделила женский кружок саморазвития и самообразования⁶². Также в орбиту влияния ИК РСРП входили: З. Воскресенская, В. Ремизовская, Н. Смирницкая, Ф. Зенченко, С. Пеховская, Е. Туманова, М. Избицкая, А. Лисовская, С. и О. Гамалеи, Е. Косач и другие⁶³.

Тесные союзные отношения поддерживались с остатками кружка «южных бунтарей» во главе с Дебогорием-Мокриевичем, а также с кружками киевских конституционалистов (через братьев Драгневичей, семью Гамалеев, Е.Я. Линдфорс⁶⁴) и украинофилов (преимущественно через Е. Щетинскую⁶⁵ и семью Житецких⁶⁶).

Имелись у киевских революционеров и связи с рядом сочувствовавших их делу помещиков, имения которых располагались в различных губерниях Малороссии и Новороссии. От них они получали денежную помощь, а в их имениях в случае необходимости могли найти укрытие. Среди таковых жандармские информаторы называли богатую помещицу Таврической губернии Нестроеву, С.А. Лесневич, М.Г. Глеке, супругов Гамалеев⁶⁷. Как видно из приведенных

---

⁶¹ Новицкий В.Д. Указ. соч. С. 219, 220.

⁶² Там же. С. 232.

⁶³ ГА РФ. Ф. 109. 3-е дел-во. Оп. 214. Ед. хр. 497. Л. 51, 51 об., 52, 54 об., 59.

⁶⁴ Там же. Л. 52 об., 53.

⁶⁵ Там же. Л. 53.

⁶⁶ Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933. С. 226.

⁶⁷ Свод показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях // Былое. 1907. № 8. С. 122–123.

данных, в Киеве и прилежавших к нему губерниях, действительно, сложилась разветвленная сеть революционных кружков и групп, а также просто сочувствующих, действующая в тесном контакте с ИК РСРП.

К началу осени 1878 г. революционный контингент трех крупнейших городов Юга — Киева, Одессы, Харькова — оказался фактически полностью включенным в орбиту влияния ИК РСРП, пусть и по-прежнему организационно неоформленного. В это время Осинский задумывается и создании своего печатного органа, ориентированного на пропаганду борьбы за политические свободы. Свидетельство тому — его письмо (октябрь 1878 г.) к «землеольцу» В. Трощанскому. В последних строках он прямо говорит: «Очень может быть, что скоро мы будем издавать на юге журнал на украинском языке, с террористическим направлением»⁶⁸. Возможно, идея издания именно на украинском языке была у Осинского неким политическим реверансом в сторону младоукраинцев, дабы привлечь их к единому антисамодержавному фронту.

Рост активности ИК РСРП, его новые планы требовали и стабилизации финансирования. С арестом Лизогуба (август 1878 г.) ситуация резко усложнилась. Осинский прекрасно понимал, что деятельность революционных групп не могла зависеть только от благорасположения «доноров». Необходимо было искать другие способы. И он возвращается к идее, которую еще в декабре 1877 г. высказывал в столице, — экспроприировать средства у государства. К этому же склонялся и «кружок Басова».

Поэтому на повестке дня поздней осенью — зимой 1878 г. значились три важнейшие задачи: создание в Киеве хорошо оснащенной типографии, освобождение Медведева (Фомина) и добывание денег для революции. Что касается первой, то она начала успешно реализовываться при помощи одесских товарищей⁶⁹. Очередной план побега Фомина также готовился. Однако дерзкая попытка, предпринятая 20 октября 1878 г., вновь окончилась неудачей⁷⁰. В отношении революционной экспроприации планы также строились. Намечалось ограбление почтового транспорта на дороге между Киевом и Житомиром. Проведение этой акции наметили на 9 декабря 1878 г. В этот день по тракту должны были провезти 102 тысячи рублей⁷¹. Но из этой затеи ничего не вышло. По полицейской версии, устро-

---

⁶⁸ Процесс шестнадцати террористов (1880 г.) / Под ред. и с примеч. В. Бурцева. СПб., 1906. С. 156.

⁶⁹ ГА РФ. Ф.109. 3-я экспед. 1878. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 269.

⁷⁰ Ефремов В.С. Указ. соч. С. 86.

⁷¹ Новицкий В.Д. Указ. соч. С. 100.

енное экспроприаторами «заграждение оказалось слабым, лошади порвали веревку, и дело не удалось»⁷².

После этого Осинский, судя по всему, начал разрабатывать другой план нападения на почту. С этой целью Свириденко отправился в Керчь⁷³. Он как уроженец Симферополя хорошо знал эту часть Таврической губернии и, по-видимому, должен был произвести рекогносцировку местности. В Керчь также зимой ездил и Левченко, который провел там около месяца⁷⁴.

Пока готовился план декабрьского ограбления почты в Киеве, нащупывались возможности контактов между лицами, представлявшими ИК, и земскими либералами. Устройство этого мероприятия взял на себя В.Л. Беренштам, известный киевский украинофил. Собрание проходило у него на квартире 3 декабря. Со стороны революционеров присутствовали: Осинский, Антонов (Свириденко), Ковалевская, Дебагорий-Мокриевич, Волкенштейн, Волошенко и др. Со стороны земцев, кроме хозяина квартиры, И.И. Петрункевича и А.Ф. Линдфорса, в совещании принимал участие младоукраинофил И.А. Житецкий и графиня А.С. Панина⁷⁵.

Петрункевич открыл переговоры, выступив с программной речью. В ней он попытался склонить террористов к временной приостановке действий, чтобы дать земцам время для поднятия в широких общественных кругах движения против внутренней правительственной политики с целью добиться проведения коренных реформ, в смысле конституции⁷⁶.

Дебаты проходили горячо. У революционеров не наблюдалось полного единства мнений. В их лагере можно выделить две группы. Одну представляли более многочисленные сторонники Осинского, которые не оспаривали базовых установок либералов в отношении необходимости запуска конституционного процесса⁷⁷. Камень преткновения лежал в сфере тактики действий и тех, и других. Осинский, когда-то работавший в земских структурах, весьма скептически оценивал реальные возможности земцев-либералов мирно достичь конституционной гавани. Исходя из этого, он считал, что насильственные действия революционеров против власти могут быстрее

---

⁷² Хроника социалистического движения в России. Официальный отчет. 1878–1887 гг. М., 1906. С. 86.

⁷³ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 267 об.

⁷⁴ Там же. Л. 272.

⁷⁵ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 21. М., 1993. С. 101–102.

⁷⁶ Там же. С. 101.

⁷⁷ *Дебогорий-Мокриевич В.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 59.

ослабить ее позиции в центре, сделать сговорчивее в будущем диалоге, и это даст возможность либеральному лобби добиться желаемого.

Другую, маргинальную, точку зрения озвучивала группа «бунтарей»-бакунистов, стоявшая на традиционных анархистских позициях. Таким образом, в важнейшей дискуссии именно вопрос о продолжении или прекращении террора оказался во главе угла. В итоге какой-то совместной позиции так и не было выработано.

Пока либералы в декабре 1878 г. пытались безуспешно разыгрывать конституционную карту, некоторое затишье на Юге взорвалось студенческими беспорядками в Харькове. Власть для наведения порядка решила действовать показательно жестко. В результате 14 декабря 1878 г. казаки избили студентов нагайками по прямому приказу харьковского губернатора Д.Н. Кропоткина⁷⁸.

Эти события, а также жестокое обращение с политическими преступниками в центральных тюрьмах Харьковской губернии подтолкнули Гольденберга к мысли о покушении на их непосредственного виновника — Кропоткина. Его идея получила одобрение и у верхушки ИК РСРП. ИК нужен был яркий и успешный террористический акт, чтобы вновь напомнить о себе и поддержать харьковских студентов, отомстив за насилие над ними. Возможно, на подготовке этого покушения ИК РСРП отработывал и новую стратегию, а именно удары не по второстепенным, а главным лицам в иерархии царских ставленников-управленцев Юга страны.

Для реализации акции Гольденберг получил деньги, паспорт, револьвер и рекомендательное письмо от Осинского⁷⁹. Помогали ему в подготовке теракта также прибывшие из Киева Зубковский, Волкенштейн, Кобылянский и ряд харьковских революционеров.

Пока шли приготовления к покушению, в Киеве начались переговоры о созыве съезда революционеров Юга России⁸⁰. По сохранившимся сведениям, съезд готовился для обсуждения «грандиозной программы революционной деятельности», разработанной совместно Дебогорием-Мокриевичем и Осинским. Исходя из жандармских данных, срок созыва съезда устанавливался примерно на 18 февраля 1879 г.⁸¹

Так что к началу нового 1879 г. Осинский смог добиться многого. Перед ним и его единомышленниками замаячила вполне реалистич-

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3-е дел-во. 1878 г. Ед. хр. 654. Л. 14, 20.

⁷⁹ Процесс шестнадцати террористов (1880 г.). С. 89.

⁸⁰ См., например: Из книги изданной секретно жандармами // Былое. 1904. № 5. С. 66; *Лейвин Д.Д.* Памяти Ростислава Андреевича Стеблин-Каменского // Каторга и ссылка. 1924. № 5. С. 285.

⁸¹ Из книги изданной секретно жандармами // Былое. 1904. № 5. С. 68.

ная перспектива преодолеть наконец «революционную вольницу» и объединить местных радикалов под знаменами некой целостной программы действий, по всей видимости — с ярко выраженной политико-террористической направленностью. И если бы такие планы реализовались, это явилось бы для Осинского, да и для всего тогдашнего российского революционного движения, весомым достижением.

Разгром ИК РСРП

Однако, пока ИК РСРП лихорадочно трудился над реализацией новых планов, над головой его руководства сгущались тучи. Жандармским розыскникам наконец удалось узнать место проживания Осинского и Лешерн⁸². Новицкий и Судейкин наметили арестовать Осинского, Лешерн и Волошенко в один день, дабы информация об аресте одного не спугнула остальных⁸³. В результате 24 января 1878 г. все трое были схвачены. Причем Осинский и Лешерн попытались оказать вооруженное сопротивление.

Но даже аресты столь важных революционных персон не позволяли местным властям чувствовать себя спокойно. Для характеристики ситуации, созданной революционерами в регионе в 1878–1879 гг., вполне подходит термин из более поздней исторической эпохи — «стратегия напряженности»⁸⁴. И новый удар по престижу власти, нанесенный силами ИК, еще более накалил ситуацию. В полночь 9 февраля 1879 г. Гольденберг совершил успешное покушение на губернатора и скрылся. А через два дня вышла прокламация от имени ИК, посвященная «казни» Кропоткина. Она заканчивалась словами: «Смерть за смерть, казнь за казнь, террор за террор — таков наш ответ за притеснения правительства. Пусть оно продолжает идти тем же путем — и трупы Мезенцова и Гейкинга не превратятся еще в прах, как оно снова о нас услышит»⁸⁵.

Но это была последняя крупная акция южного ИК. Уже 11 февраля киевские жандармы нанесли ему фактически смертельный удар. Аресты были произведены сразу на двух квартирах. Причем в доме Коссаровской произошло настоящее сражение между революционерами и силами полиции и жандармерии, для захвата подозреваемых последним пришлось обратиться за помощью к армейским подразделе-

---

⁸² ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 9.

⁸³ Там же. Л.10.

⁸⁴ Так называли период в политической жизни Италии с конца 1960-х по начало 1980-х гг., характеризовавшийся разгулом экстремизма.

⁸⁵ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сб. материалов и документов. Т. 2. 1876–1882 гг. М.; Л., 1965. С. 77–78.

лениям⁸⁶. Официальная реляция гласила: «11 февраля вечером, при производстве обысков, в двух местах оказано отчаянное вооруженное сопротивление, офицеры, жандармы были встречены залпами, продолжавшимися более 5 минут. Жандармы: Казанин убит, Демидов и двое городских ранены. Арестованы 5 женщин, 11 мужчин, из них четыре мужчины ранены тяжело»⁸⁷.

Значение февральских арестов для жандармского ведомства трудно переоценить. Впрочем, как и для всего революционного общества. Они привели к практически полному устранению сторонников тактики ИК РСРП на юге России. Сорван оказался и планируемый в Киеве революционный съезд⁸⁸.

Однако даже эти аресты не успокоили высшие столичные сферы, не говоря уже о местной администрации. О весьма тревожных настроениях в жандармской среде Киева в то время ярко свидетельствуют строки из доклада В.Д. Новицкого главноуправляющему III Отделением Н.К. Шмидту: «Не скрою перед Вашим высокопревосходительством, что жизнь не столько наша, сколько семей наших в городе Киеве в высшей степени тяжела в нравственном отношении, не ошибусь, если сделаю сравнение, что теперь тяжелее и опаснее живется, чем в момент самого обыска в доме Коссаровской»⁸⁹.

Опасались власти и за спокойствие в тюрьме: там одновременно находилось более полутора десятков опаснейших политических преступников, а о количестве их сторонников, остающихся на свободе, они могли только догадываться. Поэтому режим охраны был резко усилен.

Окончание следствия, готовившиеся политические процессы рождали в городе массу слухов, в том числе и таких, которые еще больше пугали власть предрежащих. Строки доклада В.Д. Новицкого от 17 марта звучали вообще апокалиптически: «Угрозы на жизнь административных лиц продолжаются; по сведениям не гласным Киев находится, быть может, накануне кровавой сцены, которая должна в нем произойти или на днях, или около время предания суду лиц за вооруженное сопротивление»⁹⁰.

Фактически город оказался на осадном положении. Абсолютное большинство членов ИК РСРП во главе с Осинским уже два месяца находились в заключении, а созданные им подпольные структуры и

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 162 об.

⁸⁷ Там же. Л. 47–48.

⁸⁸ Свод показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях // Былое. 1907. № 7. С. 148.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Ч. 1. Л. 86 об.

⁹⁰ Там же. Л. 188–188 об.

даже просто слухи о всесильном ИК и письма с угрозами представителям власти продолжали наводить страх на жандармов и губернскую власть, заставляя ее идти на беспрецедентные меры по охране порядка.

В такой обстановке и начались судебные процессы — сначала по делу об арестованных 11 февраля (30 апреля — 4 мая 1879 г.), а затем по «делу Осинского, Лешерн и Вышнякова» (6 мая — 7 мая 1879 г.). По этим делам было вынесено 4 смертных приговора (Антонов (Свириденко), Брандтнер, Осинский и Лешерн фон Герцфельдт), после конфирмации 12 мая смертную казнь Лешерн заменили на пожизненную каторгу.

Незадолго до казни, состоявшейся 14 мая, Осинский оставил своим друзьям по борьбе прощальное письмо, которое фактически стало его политическим завещанием. В нем он прямо писал о необходимости продолжать его дело, отмечая: «... мы не сомневаемся в том, что ваша деятельность теперь будет направлена в одну сторону... Ни за что более, по нашему, партия физически не может взяться. Но для того, чтобы серьезно повести дело террора, вам необходимы люди и средства»⁹¹. Вполне можно согласиться с оценкой этого документа О.В. Будницким, отмечавшим, что это письмо оказало «значительное эмоциональное воздействие на революционеров»⁹².

* * *

Репрессивная политика правительства в отношении народничества «розовой юности», подтолкнувшая Осинского к принятию идеи политического террора и реализованная им посредством создания ИК РСРП, сыграла только на обострение ситуации в империи. В результате силового противостояния с обеих сторон уровень насилия постоянно возрастал. Более того, деятельность ИК РСРП, а также киевские казни весной 1879 г. самым непосредственным образом сказались на судьбе Александра II. На первом большом судебном процессе «Народной воли» — «процессе 16-ти» в 1880 г. — один из ее лидеров А.А. Квятковский прямо заявил, что вопрос о цареубийстве поднят был благодаря событиям 1879 г., т.е. «событиям, ознаменовавшимся несколькими казнями. Так были казнены Соловьев, Дубровин, Осинский и другие»⁹³.

Дальнейшее известно. В августе 1879 г. на обломках «Земли и воли» появилась, объединившая сторонников политической борьбы «Народная воля». Народовольцы даже в семантике продемонстриро-

---

⁹¹ Осинский В.А. Письмо // Былое. 1904. № 6. С. 46–47.

⁹² Будницкий О.В. Указ. соч. С. 53.

⁹³ Процесс шестнадцати террористов (1880 г.). С. 115.

вали преемственность от южного ИК принятием названия руководящего центра: в «Народной воле» им также стал Исполнительный комитет, куда вошли многие близкие Осинскому люди. Именно силами этого органа было осуществлено царевубийство 1 марта 1881 г.

Как видим, дело политического террора, начатое Осинским и его товарищами по ИК РСРП, самым фатальным образом сказалось на судьбе не только императорской фамилии, но и нанесло тяжелый удар по самой системе российской монархической власти, которой оставалось существовать чуть более трети века.

References

Bogucharskiy V. Ya. *Aktivnoye narodnichestvo semidesyatykh godov* [Active Narodnichestvo of the Seventies]. Moscow: Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovoykh, 1912. 384 p.

Budnitskiy O.V. *Terrorizm v rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian Liberation Movement: Ideology, Ethics, Psychology (Second Half of the 19th and Early 20th Centuries)]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 399 p.

Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Spravochnik. Vtoraya polovina 1850-kh — 1890-ye gg. [Figures of Revolutionary Movement in Russia. Reference Book]. Vol. 2. 1870-ye gg. / Ed. by L.M. Lyashenko. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2009. 696 p.

Levandovskiy A.A. *Bombisty* [Bombists] // *Rodina*. 1996. N 4. P. 48–56.

Osvoboditel'noye dvizheniye v Rossii: sovremennyy vzglyad ili priverzhennost' traditsiyam? Kruglyy stol [Liberation Movement in Russia: A Modern View or Adherence to Traditions? Round Table] // *Otechestvennaya istoriya*. 1999. N 1. P. 3–18.

Revolutsionnoye narodnichestvo 70-kh godov XIX veka. Sbornik materialov i dokumentov [Revolutionary Narodnichestvo in the 1870s. Collection of Materials and Documents]. Vol. 2. 1876–1882 gg. / Ed. by S.S. Volk, V.N. Ginev. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 472 p.

Sedov M.G. *Geroicheskiy period revolyutsionnogo narodnichestva (iz istorii politicheskoy bor'by)* [Heroic Period of Revolutionary Narodnichestvo (from the History of Political Struggle)]. Moscow: Mysl', 1966. 364 p.

Troitskiy N.A. *Druz'ya naroda ili besy? Kak i kogo zashchishchali narodniki* [Friends of the People or Demons? How and Whom did the Narodniks Defend?] // *Rodina*. 1996. N 2. P. 62–72.

Troitskiy N.A. *Krestonostsy sotsializma* [The Crusaders of Socialism]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo univrsiteta, 2002. 372 p.

Troitskiy N.A. *Sof'ya Lvovna Perovskaya. Zhizn'. Lichnost'. Sud'ba* [Sofia Lvovna Perovskaya. Life. Personality. Fate]. Moscow; Saratov: Common place, 2018. 546 p.

Tvardovskaya V.A. *Sotsialisticheskaya mysl' v Rossii na rubezhe 1870-kh — 1880-kh godov* [Socialist Thought in Russia at the Turn of the 1870s and 1880s]. Moscow: Nauka, 1969. 240 p.

Поступила в редакцию
16 октября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-89-108

Е.А. Суслопарова

**ДИСКУССИЯ «О СОЦИАЛИЗМЕ»
В ПАЛАТЕ ЛОРДОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1935 г.**

E.A. Susloparova

**DEBATE “ON SOCIALISM” IN THE HOUSE
OF LORDS OF THE UNITED KINGDOM IN 1935**

Аннотация. В центре внимания автора — уникальная в своем роде дискуссия «о социализме», состоявшаяся в палате лордов Великобритании весной 1935 г. В течение долгого времени верхняя палата выполняла функции барьера на пути реализации смелого социального, политического законодательства. Вплоть до наступления XX в. социалисты никогда не были в ней представлены. С выходом на политическую авансцену лейбористской партии и в процессе ее усиления в 1920–1930-е гг. палата лордов была вынуждена адаптировать свой состав к изменившимся реалиям. В 1924 г. здесь впервые была сформирована лейбористская фракция. Спустя десятилетие лорды уже оказались готовыми серьезно дискутировать на тему достоинств и недостатков социалистического строя. В статье анализируются как основные аргументы лейбористских лордов, сторонников перехода к новому общественному строю, так и тезисы, выдвинутые консерваторами и либералами, защитниками капиталистической системы. Особый акцент сделан на освещении и оценках состоявшейся в Вестминстере дискуссии на страницах британской печати различной политической направленности. Автор приходит к выводу, что аргументы, выдвинутые как сторонниками, так и противниками социализма, во многом были схожи с тезисами, фигурировавшими в ходе аналогичной по характеру и первой в британской истории дискуссии подобного рода в нижней палате парламента в 1923 г. В то же время, проанализированная в статье полемика в палате лордов, которая проходила более десятилетия спустя, несла на себе очевидный отпечаток новой эпохи. Важное влияние на мировоззрение современников оказала «великая депрессия» 1929–1933 гг., укрепившая убеждение левых

Суслопарова Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Susloparova Elena Alekseevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

susloparovaelena@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-8889-7937

политиков в невозможности «улучшить» капитализм. Противники социализма, напротив, отстаивали точку зрения, что социалистическое будущее для Британии не просто экономически несостоятельно, но и опасно, а также несовместимо с уникальным английским национальным характером, в основе которого лежит индивидуализм.

Ключевые слова: британский парламент, палата лордов, британские политические партии, лейбористская партия, лейбористская идеология, социализм, капитализм.

Abstract. The author focuses on a one-of-a-kind debate “On Socialism”, which took place in the House of Lords of the British Parliament in the spring of 1935. For a long time, the upper chamber served as a barrier to the implementation of bold social and political legislation. Until the beginning of the 20th century socialists had never been represented in the Parliament. As the Labor Party came into political spotlight and gradually strengthened its positions in the 1920s–1930s, the House of Lords was forced to adapt its composition to changing realities. In 1924, the Labor faction was formed here for the first time. A decade later, the Lords were prepared to seriously discuss the merits and demerits of the socialist system. The article analyzes both the main arguments of the Laborites, who promoted transition to a new social system, and the theses put forward by Conservatives and Liberals, supporters of the capitalist system. Particular emphasis is placed on the coverage and feedback which the discussion held in Westminster received on the pages of the British press of various political stances. The author comes to the conclusion that the arguments put forward by both supporters and opponents of socialism were in many respects similar to the theses that appeared in the course of the discussion in the Lower house of the UK Parliament in 1923. This discussion had a similar nature and was the first of this kind in the British history. At the same time, the analyzed debate which took place in the House of Lords more than a decade later, bore an unmistakable imprint of a new era. The “Great Depression” of 1929–1933 had an important impact on the worldview of the generation, as it strengthened the conviction of left-wing politicians that capitalism was not the subject to improvement. Opponents of socialism, on the contrary, argued that a socialist future for Britain was not only economically untenable, but also dangerous, and incompatible with the unique English national character, based on individualism.

Keywords: British Parliament, House of Lords, British political parties, Labor Party, Labor ideology, socialism, capitalism.

* * *

С момента выхода в начале XX в. на британскую политическую авансцену лейбористской партии споры о необходимости замены существующего капиталистического строя более справедливым социалистическим все острее разгорались на страницах публицистических работ, в печати и на политических митингах. По мере роста и усиления лейбористов в дебаты на эту тему оказались постепенно вовлечены и парламентарии. Вообще же в Вестминстере и по сей

день крайне редко проходят дискуссии по «абстрактным» вопросам, не связанным с конкретными законопроектами, острыми внутриполитическими либо зарубежными событиями. Депутаты ценят свое время и не желают растрачивать его на обсуждение вопросов, оторванных от реальности. Еще в 1901 г. будущий первый лидер лейбористской партии К. Гарди предложил в палате общин на обсуждение формулировку о замене капитализма социализмом, однако дискуссия фактически не состоялась, а ее инициатору не дали долго говорить¹.

Между тем надежда на построение в Великобритании социалистического общества после Первой мировой войны стала казаться современникам гораздо менее несбыточной, нежели это было в конце XIX — начале XX в. Если на первых послевоенных выборах в 1918 г. британские социалисты (лейбористы) завоевали лишь 57 парламентских мест, то в 1922 г. они располагали уже 142 мандатами², впервые опередив обе вместе взятые группировки либералов, прежде, наряду с консерваторами, являвшихся прочным компонентом британской двухпартийной системы, но расколовшихся еще в декабре 1916 г.

Взлету лейбористской партии, созданной на рубеже XIX–XX вв., способствовали многие факторы, среди них — расширение избирательного права в 1918 г., заметное усиление профсоюзов, массово входивших в лейбористские ряды, интерес послевоенного небогатого избирателя к коллективистским лозунгам, модернизация самой лейбористской партии, конкретизация ее целей и задач, принятие нового Устава в 1918 г., активная организационная работа в избирательных округах.

В начале 1920-х гг. стало очевидно, что социалисты у власти в Великобритании — вовсе не утопия. На этом фоне весной–летом 1923 г. в нижней палате парламента состоялись уникальные в своем роде дебаты «о капитализме», инициированные лейбористами. Речь шла о «замене» капитализма промышленным и социальным порядком, опирающимся на общественную собственность на средства производства³. Дискуссия широко освещалась в прессе, привлекла немалое внимание современников и в целом стала яркой попыткой лейбори-

---

¹ Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 1901. Vol. 92. Col. 1175–1180.

² Joyce P. *Politics's Guide to UK General Elections 1832–2001*. London, 2004. P. 171, 182.

³ Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 1923. Vol. 161. Col. 2472. Об этой дискуссии см. подробнее: Сулопарова Е.А. Дебаты «о капитализме» в британском парламенте в 1923 г. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 6. С. 3–17.

стов как официальной парламентской оппозиции заявить о себе и привлечь внимание страны к волнующим их вопросам.

Тем не менее, в те годы британские лорды были крайне далеки от социалистических споров. На протяжении веков верхняя палата британского парламента выполняла функции своего рода барьера на пути осуществления смелого политического, социального законодательства. Яркими примерами может служить сопротивление лордов избирательной реформе 1832 г., нашумевшему законодательству «новых либералов» в начале XX в. и многое другое. Лейбористы не были представлены в верхней палате. И когда в январе 1924 г. встал вопрос о формировании первого в истории страны лейбористского кабинета, возникла беспрецедентная ситуация. Новое правительство Р. Макдональда могло оказаться без своих представителей в палате лордов, что было немыслимо с точки зрения британских традиций. В результате партия спешно сформировала скамью в верхней палате, сумев не только привлечь на свою сторону нескольких бывших либералов и консерваторов, но даже назначить из собственных рядов «новоиспеченных» лордов. Первым лидером лейбористской фракции в этой палате стал лорд Холдейн⁴. В прошлом либерал, Холдейн был сторонником весьма умеренных взглядов и в целом держался нарочито отстраненно от основной партийной массы новых соратников. Сам он отмечал в автобиографии, что первое лейбористское правительство сгладило многие предрассудки в отношении социалистов⁵. Однако практически все 1920-е гг. лейбористская фракция в верхней палате, будучи крайне малочисленной (около 10 человек), скорее «держала оборону», нежели готова была выступать со смелыми провокационными инициативами, заранее обреченными на провал.

Перелом наступил лишь в 1930-е гг. Во-первых, в начале 1930-х лейбористская партия заметно сдвинулась влево. Это было связано с трудностями, свалившимися на страну во время мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., болезненным расколом второго лейбористского кабинета в августе 1931 г., образованием коалиционного по характеру «национального правительства», переходом

---

⁴ О первых лейбористских лордах см. подробнее: *Williams P. The Labour Party and the House of Lords 1918–1931 // Parliamentary History. 1991. Vol. 10. Pt. 2. P. 323–325; Суслопарова Е.А. Появление лейбористской фракции в палате лордов в 1924 году // Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории и международных отношений. Сборник статей международной научно-практической конференции. Рязань, 2021. С. 107–113; Она же. Лейбористские лорды — новое явление британской политической жизни в 1920-е — 1930-е гг. // Политика истории. К 70-летию доктора исторических наук М.П. Айзенштат. М., 2021. С. 245–262.*

⁵ *Haldane R.B. An Autobiography. London, 1929. P. 333.*

лейбористов в оппозицию и исключением из их рядов бывшего лидера Р. Макдональда и его сторонников, представлявших правый фланг партии⁶. Во-вторых, сама фракция лордов также стала левее и в середине 1930-х гг. пополнилась авторитетными партийными и профсоюзными функционерами, выходцами из рабочей среды, в прошлом прошедшими «школу» социалистической пропаганды. Одним из самых заметных представителей этой новой плеяды лейбористских лордов был Г. Снелл, ставший по второй половине 1930-х гг. лидером фракции.

20 декабря 1933 г., спустя десять лет после памятной дискуссии 1923 г., лейбористы вновь инициировали дебаты «о частном предпринимательстве»⁷ в нижней палате, которые, впрочем, были менее резонансными, чем предыдущие. Тем не менее, в преддверии парламентских выборов 1935 г. на фоне роста недовольства партии деятельностью «национального правительства», состоявшего главным образом из консерваторов, в марте 1935 г. в палате лордов также впервые состоялись дебаты «о капитализме и социализме», не привязанные формально к обсуждению какого-либо конкретного законопроекта. В них приняли активное участие лейбористские лорды, а также их оппоненты в лице тори и либералов. Дебаты стали очевидной реминисценцией аналогичного упомянутого выше обсуждения 1923 г. в нижней палате, однако проходили уже в ином историческом контексте и с другими участниками.

В данной статье, на материалах главным образом стенограммы заседаний палаты лордов, а также ряда других источников, будут рассмотрены основные аргументы сторон и дана оценка полемике⁸. Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии уникальные в своем роде дебаты 1935 г. прежде не были объектом специального исследования. Дискутировавшаяся в верхней палате тема и сегодня представляется актуальной, поскольку затрагивала вопросы, по сути своей, далеко выходявшие за рамки социальной и экономической проблематики 1930-х гг.

Инициатором обсуждения 20–21 марта 1935 г. выступил лейборист лорд Сандерсон. Выдвинутая им формулировка практически дословно повторяла старый партийный образец 1923 г., обсуждав-

---

⁶ О событиях 1931 г. в истории партии см. подробнее: *Сулпарова Е.А.* Британские лейбористы: испытание кризисом 1931 г. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2009. № 1. С. 5–25.

⁷ Hansard. Parliamentary Debate. House of Commons. 1933. Vol. 284. Col. 1327.

⁸ Использованные в статье британские газеты “Courier and Advertiser”, “Liverpool Echo”, “Reynolds’s Illustrated News”, “Scotsman” доступны в репринтном виде на сайте: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>, представленном The British Library Board и компанией Findmypast Newspaper Archive Limited.

шийся в нижней палате. Речь шла о необходимости постепенной «замены» капитализма «общественным и социальным порядком, опирающимся на общественную собственность и демократический контроль над средствами производства и распределения»⁹. Сандерсон, выпускник Оксфордского университета, получивший титул барона в 1930 г., в прошлом долгие годы руководил Раскин колледжем, а также являлся членом Фабианского общества. В его поддержку в ходе дебатов выступили: тогдашний лидер лейбористской фракции в верхней палате, известный пацифист и в прошлом либерал лорд Понсонби; лорд Снелл; бывший министр сельского хозяйства в первом и втором лейбористских правительствах Макдональда лорд Ноэль-Бакстон; лорд Морли и ряд других. На стороне лейбористов в дебатах также принял участие еще один известный пацифист К. Аллен, представитель Независимой рабочей партии, входившей до 1932 г. в состав лейбористской, но покинувшей ее из-за идейных расхождений. Будучи давним приятелем Макдональда, Аллен получил титул барона в 1932 г. и, несмотря на социалистические взгляды, являлся в ту пору сторонником «национального правительства» во главе с исключенным из лейбористской партии бывшим лидером.

Каковы же были основные доводы, которые лорды-социалисты представили в парламенте с целью обосновать упадок капитализма и необходимость его замены новым общественным порядком? Во-первых, было подчеркнуто, что капитализм — это несправедливое распределение богатства. Земля, природные ресурсы, промышленность находятся в руках горстки людей, в то время как остальная масса прозябает в бедности. Например, лорд Снелл в ходе дебатов пафосно заявлял, что капитализм — это «нищета среди изобилия». Рефреном стала обвинительная речь лорда Понсонби, в которой присутствовали слова о том, что капитализм — это привилегии для избранных¹⁰.

Во-вторых, лейбористы настаивали, что в основе капиталистического общества лежит погоня за частной выгодой, что само по себе порочно и бесперспективно¹¹. Этот тезис был созвучен размышлениям известного лейбористского историка и публициста тех лет Р.Г. Тоуни, представленными еще в начале 1920-х гг. в знаковой для послевоенного поколения лейбористов книге «Стяжательское общество»¹². Автор с позиции этического социализма утверждал, что корыстное стремление к выгоде любой ценой, ненасытное стя-

⁹ Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords. 1935. Vol. 96. Col. 177.

¹⁰ Ibid. Col. 179, 226, 299.

¹¹ См., например: Ibid. Col. 180, 210.

¹² *Tawney R.H. The Acquisitive Society. London, 1921.*

жательство подавляет лучшие человеческие качества, провоцирует проявление низменных инстинктов и фактически создает замкнутый круг, из которого невозможно вырваться. С одной стороны, признавалось, что желание наживы всегда являлось мощным стимулом для человеческой активности, в прошлом принесло немалые плоды и способствовало прогрессу. С другой стороны, говорил один из ораторов, «мы никогда не сможем это... восхвалять и утверждать, что лучше ничего не бывает». С точки зрения христианской этики едва ли кто-то может быть удовлетворен нынешним состоянием общества, отметил лорд Ноэль-Бакстон. «Конфликт и антагонизм» сегодняшнего времени будут заменены «гармонией и кооперацией» в рамках социализма, обещали лорды¹³.

В-третьих, лейбористы подчеркивали, что капитализм порождает целый «класс» акционеро-в, который, не прилагая практически никаких усилий, паразитирует за счет труда других. Обосновывая этот тезис, лорд Сандерсон приводил пример, когда владелец капитала мог инвестировать 1 000 фунтов в разработку шахты и получать только за счет этого годовой доход в размере 100 фунтов. Рабочему ради тех же 100 фунтов приходилось весь год трудиться на шахте по восемь часов в день¹⁴.

В-четвертых, участники дебатов отметили, что одно из главных преимуществ капитализма — конкуренция — фактически исчезло, поскольку огромные концерны давно монополизировали рынок в целом ряде отраслях производства. «Все разговоры о свободном частном предпринимательстве, вероятно, были правомерны 50–60 лет назад, но в большинстве случаев его уже не существует в промышленности», — заявил лорд Страболджи¹⁵.

В-пятых, лейбористы обращали внимание на то, что ни о какой приписываемой капитализму «свободе выбора» в условиях нынешнего общества также говорить не приходится. «Пройдитесь по трущобам Шеффилда..., — возмущенно обращался к представителям тори и либералов лидер лейбористской фракции лорд Понсонби, — разве находящиеся там люди... свободны выбирать себе жилье? Разве они свободны выбирать себе работу или профессию? ... Разве у них есть право на лучшее образование? Что же тогда означает свобода?»¹⁶.

В-шестых, в ходе дебатов было откровенно сказано, что капитализм не способствует международной стабильности. Именно част-

¹³ Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords. 1935. Vol. 96. Col. 224, 254, 299.

¹⁴ Ibid. Col. 181.

¹⁵ Ibid. Col. 241.

¹⁶ Ibid. Col. 294.

нособственнический капитализм спровоцировал Первую мировую войну. Социализм же обязан положить конец подобного рода международным конфликтам¹⁷.

Лорды-социалисты настаивали в середине 1930-х гг., что на тот момент капитализм себя исчерпал, его вообще невозможно улучшить. Капиталистическая система находится «в упадке», провозгласил лорд Страболджи¹⁸. В этой связи в ходе дебатов не раз вспоминали памятную дискуссию «о капитализме» в нижней палате 1923 г., в ходе которой миллионер А. Монд пафосно говорил о фактически безграничных возможностях совершенствования капитализма. Лейбористы отмечали, что за прошедший с тех пор период не произошло никакого прорыва ни в сфере образования, ни в здравоохранении, ни в решении жилищной проблемы¹⁹. В целом это утверждение было правомерным лишь отчасти, поскольку «национальное правительство» по мере возможностей занималось социальными вопросами. Однако до создания «государства благоденствия», появления некоего социального «парашюта», позволяющего любому жителю страны чувствовать социальную защищенность, по-прежнему было еще далеко. К тому же дебаты 1935 г. проходили вскоре после «великой депрессии». Удручающие картины экономического и финансового кризиса были еще свежи в памяти современников.

Следует подчеркнуть, что мировой экономический кризис 1929–1933 гг. и практика его преодоления стали мощным аргументом, которым лейбористская партия не располагала в 1923 г. и который ее представители попытались активно использовать в ходе дискуссии 1935 г. Лорд Снелл напомнил собравшимся, что лично находился в США в начале мероприятий «нового курса» Рузвельта. Ситуацию в этой стране, говорил он, удалось улучшить «не благодаря неконтролируемой частной инициативе, а посредством контроля [со стороны государства] и планирования, которые со всеми ошибками помогли вернуть Америку практически в состояние счастья»²⁰.

Характерно, что лейбористские публицисты тех лет, в частности профессор Лондонской школы экономики Г. Ласки, в целом также весьма лестно отзывались о реформах американского президента, включавших в себя усиление государственного регулирования экономики и социальной сферы. Рузвельт — первый государственный деятель великой капиталистической страны, писал Ласки в 1934 г.,

---

¹⁷ Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords. 1935. Vol. 96. Col. 283.

¹⁸ Ibid. Col. 248.

¹⁹ Ibid. Col. 178–179.

²⁰ Ibid. Col. 227.

попытавшийся систематически использовать власть государства, чтобы решить насущные социальные вопросы, перераспределить национальное богатство, отойти от мотивации, обусловленной исключительно получением экономической прибыли. Автор не скрывал своего восхищения смелостью, необходимой для подобного рода действий²¹.

В качестве альтернативы существующему порядку лорды-социалисты отстаивали идею национализации основных отраслей промышленности и банков. Масштаб вмешательства государства в банковскую систему издавна был для лейбористов спорным и болезненным вопросом. В 1920-е гг. главный партийный эксперт в этой сфере Ф. Сноуден был убежденным противником обобществления акционерных коммерческих банков. В первой половине 1930-х гг. на фоне сдвига влево в официальной программе партии 1934 г. «За социализм и мир» объявлялось о намерении национализировать банковскую, а также и кредитную сферу в случае прихода к власти²². Однако против этой стратегии неоднократно публично высказывался известный лейборист Ф. Петек-Лоуренс, один из ответственных за разработку финансового курса партии в 1930-е гг., и ряд других деятелей²³. В конечном счете, к концу 1930-х гг. лейбористы отказались от данного тезиса.

Инициатор дискуссии «о социализме» лорд Сандерсон в ходе дебатов в верхней палате в 1935 г., тем не менее, заявлял о важности национализации банков в целом, утверждая, что эта политика не представляет никакой опасности. Ссылаясь на успешную работу гражданских служащих, учителей, военных, лорды также подчеркивали, что огосударствление вовсе не означает, что из сферы индустрии исчезнет инициатива. К тому же лейбористы напоминали, что национализация должна сопровождаться компенсационными выплатами бывшим владельцам бизнеса и предприятий²⁴. С другой стороны, лорды, в частности Снелл, с юмором обращали внимание коллег на то, что социализм вовсе не означает национализации всего и вся, полной ликвидации частной собственности вплоть до того, что человек не сможет иметь даже собственные часы²⁵.

---

²¹ *Laski H.* The Roosevelt Experiment. London, 1934. P. 1.

²² For Socialism and Peace. The Labour Party's Programme of Action. London, 1934. P. 5.

²³ См., например: Report of the 32-d Annual Conference of the Labour Party. London, 1932. P. 183–184.

²⁴ Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords. 1935. Vol. 96. Col. 182–185.

²⁵ Ibid. Col. 224.

В ходе дискуссии социализм позиционировали как общество нравственно более совершенное. Особенно ярко данная мысль прозвучала в выступлении К. Аллена, напомнившего коллегам, что этот строй культивирует среди людей «дух служения друг другу». «Социализм, который мы себе представляем, — говорил лорд Снелл, — даже в худшем виде будет предпочтительнее, чем капитализм в наилучшей форме»²⁶.

Аргументируя свои взгляды, лейбористские лорды ставили особый акцент на то, что британский вариант социализма весьма далек от марксизма, которым принято было пугать жителей «туманного Альбиона». Лейбористская идеология никогда не опиралась на эту доктрину, а сама партия представляет собой «самую конституционную» и законопослушную в мире, было заявлено в ходе дискуссии. Более того, подчеркивалось, что новый общественный порядок придет «постепенно и безболезненно». Как с иронией выразился лорд Понсонби, «капиталистическая система на момент субботы не будет заменена социалистической в понедельник»²⁷.

Несмотря на красноречие и страстное желание донести до аудитории свои аргументы, лейбористская фракция в палате лордов в 1930-е гг., однако, была по-прежнему весьма малочисленна. В результате в ходе дебатов лорды-социалисты столкнулись с дружным и численно превосходящим хором консерваторов и либералов, вставших на защиту капитализма. В ряду выступавших были такие известные фигуры, как либералы — маркиз Кру (входивший в предвоенные кабинеты и военное коалиционное правительство Г. Асквита, а также в «национальное правительство» Р. Макдональда в 1931 г.), маркиз Лотиан; консерваторы — лорд Пиль (в прошлом министр по делам Индии), маркиз Лондондерри и многие другие.

Среди основных тезисов, представленных лордами «капиталистами», можно выделить следующие. Во-первых, в ходе дискуссии многократно звучал тезис о том, что Англия — это очень индивидуалистическая и свободолюбивая страна, не склонная к коллективизму, следовательно, социалистический уклад категорически не соответствует национальному характеру. «Англичане — последняя нация в мире, к кому следует применять подобную систему, и последняя, кто ей подчинится», — утверждали лорды²⁸. Любопытно отметить, что британский менталитет в целом был излюбленной темой публичных выступлений тогдашнего лидера консерваторов

---

²⁶ Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords. 1935. Vol. 96. Col. 209, 228.

²⁷ Ibid. Col. 221–223, 298.

²⁸ См.: Ibid. Col. 201, 253, 275–276, 289.

С. Болдуина, став неотъемлемым компонентом его так называемого «нового консерватизма»²⁹. Болдуин настаивал на том, что английский народ состоит из неповторимых индивидуальностей и благодаря этому способен преодолевать любые трудности. Он полагал, что его соотечественникам свойственны законопослушность, стремление к порядку, уникальный юмор, а также нежелание поддаваться панике. Болдуин был убежден, что никто не вправе оспорить английский «созидательный гений», коммерческую жилку и умение вести торговлю³⁰.

Во-вторых, в ходе полемики прозвучала идея о том, что лейбористы, по сути, ругают капитализм «столетней давности», который давно изменился в лучшую сторону. Лейбористскую идею о том, что современный капитализм не способен совершенствоваться и исчерпал себя, лорды-«капиталисты» категорически отвергали. Они подчеркивали, как буквально на глазах в стране улучшается здравоохранение, жилищные условия, образование, еда, одежда, появляются всё новые развлечения, машины, в дом англичан входит радио, разнообразная пресса на любой вкус, появилось кино, граммофоны, неведомые сто лет назад, и т.п. Некоторые лорды приводили даже статистические данные, свидетельствовавшие об улучшении жизни. Так, например, лорд Темплмор отмечал, что если количество застрахованных работников в 1924 г. составляло в Великобритании 9,53 млн, то в 1934 г. их было уже 10,14 млн человек³¹. Обращалось также внимание на то, что современный капитализм в Англии — это отсутствие дефицита товаров. «Разве это не замечательно, что вы можете зайти в Лондоне в магазин и купить буквально всё, что угодно», — восторгался либерал лорд Райдер. Кое-кто даже позволил себе поиздеваться над некоторыми лейбористскими ораторами. Так, маркиз Лотиан язвительно отметил, что самая поздняя дата, которую лорд Снелл упоминал, изобличая изъяны капитализма, был 1880 г.³²

Не обошлось в ходе дебатов и без очередного обращения к Марксу. Собранным напомнили, что согласно учению немецкого философа, при капитализме богатые неизбежно становятся богаче, а бедные беднее. Напротив, в Великобритании за последние двадцать лет

---

²⁹ Об этом см.: *Powell D. British Politics, 1910–1935. The Crisis of the Party System.* London; New York, 2004. P. 144; *Ramsden J. The Age of Balfour and Baldwin, 1902–1940.* London; New York, 1978. P. 211; *Суслопарова Е.А.* Британский премьер-министр С. Болдуин об английском национальном характере // *Британия: история, культура, образование.* Ярославль, 2018. С. 343–350.

³⁰ *Baldwin S. On England and other Addresses.* London, 1927. P. 2–3.

³¹ *Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords.* 1935. Vol. 96. Col. 199.

³² *Ibid.* Col. 250, 264.

бедные стали жить лучше, а обогащение самых привилегированных слоев общества замедлилось, они «стали беднее», утверждал один из ораторов³³. Следовательно, обличающая марксистская критика капитализма к их стране на сегодня неприменима.

В-третьих, было отмечено, что социализм — это всегда бюрократизация. «У государственного департамента уходят месяцы, чтобы принять какое-либо решение, — говорил лорд Маунт-Темпл, — в то время как частная фирма или индивидуалист-предприниматель тратят на это всего несколько дней»³⁴. Капитализм — это наиболее гибкая и эффективная система, лучше которой пока еще ничего не придумали, утверждали лорды.

В-четвертых, защитники капитализма подчеркивали, что при социализме нет частного соревнования, конкуренции, а это крайне пагубно для экономики, которая будет буквально задыхаться в тисках государственной монополии. В частности, в ходе дискуссии говорилось, что передача собственности в руки государства приводит к плачевным результатам, и бизнес работает в убыток. В качестве примера приводилась ситуация с железными дорогами в британских доминионах³⁵. Более того, лорды предостерегали, что социалисты не остановятся на национализации лишь нескольких отраслей, остальные сферы хозяйства будут напоминать «уток, бегающих по ферме в ожидании, когда фермерша перережет им горло»³⁶.

Весьма оживленные споры в ходе дебатов возникли по вопросу о том, насколько правомерна национализация в целом. «Нашу собственность собираются украсть или мы получим полную либо частичную компенсацию?» — задавался вопрос в стенах палаты. Оппоненты лейбористов предостерегали, что национализация — это фактически «форма экспроприации», поскольку социалисты не намерены выплачивать компенсацию бывшим владельцам по рыночной стоимости. Выступающие подчеркивали, что национализация не несет в себе никакого обещанного социалистами демократического контроля над производством, поскольку управление таким образом переходит в руки государственной бюрократии. Обобществление экономики в конечном счете чревато деспотизмом и утратой демократических свобод³⁷.

Лорды, представлявшие капиталистов, настаивали, что механизм конкуренции в полной мере работает, несмотря на то что на

---

³³ Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords. 1935. Vol. 96. Col. 265.

³⁴ Ibid. Col. 195.

³⁵ Ibid. Col. 193–194, 200.

³⁶ Ibid. Col. 203.

³⁷ Ibid. Col. 190, 218, 271.

рынке во многих случаях властвуют уже крупные игроки в лице картелей и корпораций. Эти промышленные объединения располагают мощными ресурсами, что идет лишь на пользу современной экономике и развитию науки.

Нашлись контраргументы и против осуждения социалистами стяжательства, погони капиталистов за частной прибылью: ведь они являются надежными двигателями прогресса. Например, лорд Пиль говорил, что не видит ничего «противного» в этом проявлении человеческой природы, если речь не идет о какой-либо болезненной жадности. Что касается акционерного капитала, благодаря которому якобы паразитируют богачи, Пиль напомнил, что помимо крупных вкладчиков в современном обществе имеется множество мелких акционеров, которые таким образом также получают доход от корпораций и деятельности крупного бизнеса. В частности, он приводил пример банка Барклайс, имеющего не менее 60 тыс. акционеров, вовсе не являющихся в большинстве своем «денежными баронами»³⁸.

Лорды, представлявшие капиталистов, не склонны были также согласиться с тем утверждением, что социализм наступит «постепенно», как успокаивали лейбористские ораторы. «Какая разница, — возмущался лорд Райдер. — Разве нас не должен интересовать конечный итог? К чему мы хотим прийти? Разве логическим результатом этих доктрин не будет исчезновение частного предпринимательства и частного капитала? В конце концов государственные служащие вытеснят свободных людей. Рабочие этой страны станут частью государственной машины», — предостерегал выступавший. Государство должно существовать для индивидуумов, но не индивидуумы для государства, таков был жесткий вердикт лорда Райдера³⁹.

Весьма наглядным аргументом в пользу того, что капитализм, несмотря на все издержки, позволяет инициативным людям из низов подняться по социальной лестнице очень высоко, стала назойливая апелляция к биографии непосредственного участника дебатов лейбориста лорда Снелла. Как говорил маркиз Лондондерри, Снелл «лично являет собой бросающийся в глаза образец того, как человек при капиталистической системе может процветать, развиваться и достичь заслуженного и почетного статуса». При системе, которую лорд Снелл столь красноречиво описывает, продолжал оратор, он сам сумел преодолеть все трудности и оказаться сейчас перед нами «в качестве не только одного из самых уважаемых людей в палате, но и в стране»⁴⁰.

³⁸ Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords. 1935. Vol. 96. Col. 233–235.

³⁹ Ibid. Col. 252.

⁴⁰ Ibid. Col. 303–304.

Сыну простого сельского рабочего Гарри Снеллу, действительно, пришлось в молодости быть слугой, конюхом, паромщиком. Увлечшись социалистическими идеями, он начал в 1880-е гг. сотрудничать с Социал-демократической федерацией, а затем примкнул к лейбористам. В 1922 г. Снелл впервые стал депутатом палаты общин от лейбористской партии, а в 1931 г. получил титул барона. Сам лейборист в автобиографии с легкой иронией называл верхнюю палату «особой ассамблеей» и вспоминал, что, впервые перешагнув ее порог, буквально ощутил себя маленьким ребенком и осознал, что являлся плебеем в глазах большинства ее членов. Более того, Снелл отмечал, что пребывание в верхней палате стало для него непростым опытом, поскольку на заседаниях часто царил довольно тягостная атмосфера, открыто выражать свои эмоции среди лордов было не принято⁴¹. Тем не менее, Снелл в самом деле был одним из первых и ярких примеров того, как человек из самых низов смог стать лордом королевства.

Важно отметить, что дебаты «о капитализме» 1923 г. проходили еще до создания первого лейбористского кабинета, следовательно, партийные оппоненты при всем желании не имели тогда возможности упрекать самих социалистов у власти за допущенные просчеты. Опыт первого и в особенности второго лейбористского кабинетов 1929–1931 гг., чье формирование практически совпало с наступлением мирового экономического кризиса, с которым лейбористы не сумели справиться, давал богатую почву для всесторонних обвинений в том, какие разрушительные последствия для страны повлек за собой недавний «социалистический режим». Так, например, лорд Маунт-Темпл безжалостно припомнил лейбористам, что они использовали государственные деньги на «расточительные» общественные работы, а в результате безработица только увеличилась⁴².

В качестве примера того, до чего может довести строительство социализма, лорды без устали приводили Советскую Россию. «Разве может быть лучшее доказательство провала социализма, нежели Россия? Россия, с ее огромными минеральными и другими ресурсами...», — заявлял лорд Маунт-Темпл. Это «ужасный опыт страданий населения», вторил ему лорд Райдер⁴³. В действительности опыт Советской России воспринимался в Великобритании не столь однозначно, современники видели как позитивные, так и негативные его стороны. Среди британцев, побывавших в этой стране после установления советской власти, были как апологеты режима, так и его яростные критики. Например, еще в 1920 г. Москву и ряд других

---

⁴¹ *Snell, Lord (Snell H.) Men, Movements, and Myself.* London, 1936. P. 256–258.

⁴² Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords. 1935. Vol. 96. Col. 195, 310.

⁴³ *Ibid.* Col. 190–191, 252. См. также: *Ibid.* Col. 204.

городов посетила специальная рабочая делегация членов лейбористской партии и профсоюзов во главе с Б. Тернером, отметившая репрессивный характер режима, но подчеркнувшая право советских людей самим выбирать путь развития страны⁴⁴. Известный философ Б. Рассел, приезжавший вместе с ними, привез на Родину главным образом негативные впечатления⁴⁵.

В 1930 г. в СССР побывала группа лейбористских парламентариев в составе Э. Бивена, Дж. Стрейчи и Дж. Страусса, призвавшая в своем итоговом отчете активно развивать торговые связи⁴⁶. В 1931 г. состоялся визит в Москву и ряд других городов известного писателя, драматурга, а также члена Фабианского общества Б. Шоу, которого в Кремле принимал И.В. Сталин. После знаменательной встречи в истории остались слова британского классика: «Я ожидал увидеть русского рабочего, а встретил грузинского джентльмена»⁴⁷. Во время прощального обеда перед отъездом на Родину Шоу заявил, обращаясь к советским гражданам: «Я покидаю страну надежды и возвращаюсь в страны отчаяния»⁴⁸. За эти слова его осуждали многие на Западе. Фабианцы Сидней и Беатриса Вебб побывали в СССР годом позже и в 1935 г. опубликовали книгу «Советский коммунизм: новая цивилизация?», в которой отдали дань уважения достижениям нового государства. Яркой иллюстрацией увлеченности фабианцев советским «экспериментом» было то, что в последующих более поздних изданиях этой книги вопросительный знак в конце заголовка был снят⁴⁹.

В этой связи лорд Кренворт отчасти справедливо говорил в ходе парламентских дебатов о том, что «те, кто ездил изучать Россию, по меньшей мере в 90 % случаев находили там то, что сами желали увидеть. Если до начала поездки они не испытывали симпатий к принятой там общественной системе, они возвращались домой с рассказами о печальных лицах, всепроникающем страхе... Если же... они верили в эту систему, они делились впечатлениями о счастливых лицах, прекрасных фабриках и процветании». В качестве дополнительного довода в этой связи в ходе дискуссии 1935 г. упоминалось и то, что Россия качнулась в сторону социализма, поскольку ее население «никогда не знало свободы»⁵⁰.

---

⁴⁴ British Labour Delegation to Russia 1920. Report. London, 1920.

⁴⁵ *Russell B.* The Practice and Theory of Bolshevism. London, 1920.

⁴⁶ *Bevan A., Strachey J., Strauss G.* What We Saw in Russia. London., 1931.

⁴⁷ Цит. по: *Gibbs A.M.* A Bernard Shaw Chronology. Basingstoke, 2001. P. 282.

⁴⁸ Цит. по: *Rubinstein A.T.* The Great Tradition of English Literature from Shakespeare to Shaw. New York, 1953. P. 921.

⁴⁹ *Webb S., Webb B.* Soviet Communist: A New Civilisation. 3-rd ed. London; New York; Toronto, 1944.

⁵⁰ Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords. 1935. Vol. 96. Col. 289.

В процессе обсуждения лейбористы столкнулись с еще одной дополнительной трудностью. В качестве подтверждения того, на какой опасный путь могут ступить социалисты в преследовании своих идеалов, лорды многократно приводили взгляды и пропагандистскую деятельность известного лейбориста С. Криппса. В те годы это имя постоянно пестрело на страницах газет, отпугивая от партии умеренного «колеблющегося» избирателя. Криппс, преуспевающий адвокат, племянник упомянутой выше представительницы Фабианского общества Б. Вебб, вступил в лейбористские ряды лишь в 1930 г., однако уже вскоре стал одним из ведущих партийных парламентариев. В 1930-е гг. его имя было на слуху практически у каждого лейбористского активиста. В 1933 г. Криппс, все более эволюционировавший по своим взглядам влево, стал председателем Социалистической лиги, собравшей под своими знаменами представителей левого крыла лейбористов⁵¹.

В период, совпавший с дебатами «о социализме», Криппс вел активную публицистическую и пропагандистскую работу, подчеркивая в своих многочисленных выступлениях, что классовый антагонизм является неотъемлемым компонентом современной капиталистической системы. Лейборист М. Фут отмечал позднее, что марксистские лозунги Криппса были довольно «хаотичными»: он провозглашал классовую войну, даже не изучив толком очертания поля боя⁵². В своих проектах борьбы с капитализмом в 1930-е гг. Криппс дошел до того, что даже допускал возможность временной социалистической диктатуры, с тем чтобы пресечь сопротивление правых политических сил, а также выступал за упразднение палаты лордов в случае препятствия левому лейбористскому законодательству⁵³.

В результате лорды, защитники капитализма, охотно использовали в ходе дебатов 1935 г. имя Криппса в качестве своего рода пугала. «Сегодняшняя доктрина сэра Стаффорда Криппса и его последователей... — говорилось в стенах палаты лордов, — является фактически антитезисом того мягкого, человеколюбивого социализма, который наполнял собой... выступления социалистов на раннем этапе развития»⁵⁴.

---

⁵¹ О Криппсе и его деятельности в эти годы см. подробнее: *Суплопарова Е.А. Стаффорд Криппс (1889–1952): политический портрет // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 213–233.*

⁵² *Footе M. Aneurin Bevan. A Biography. In 2 vol. Vol. I. 1897–1945. London, 1962. P. 156.*

⁵³ См., например: *Cripps S. Can Socialism Come by Constitutional Methods? London, 1933. P. 4–7.*

⁵⁴ *Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords. 1935. Vol. 96. Col. 307–308. См. также: Ibid. Col. 303.*

В целом лорды конечно же не отрицали несовершенств и пороков современного мира, но многие из них склонны были в ходе дискуссии списывать это скорее на человеческую природу, отдельные частные изъяны, а не на систему в целом. «Разве нет проблем, вызванных пьянством или увлечением азартными играми? Разве не существует несчастных людей, унаследовавших болезнь, за которую капиталистическая система не несет никакой ответственности?» — говорил один из ораторов⁵⁵. Глобальные проблемы экономики, такие как безработица, выступавшие также были склонны связывать скорее с последствиями Первой мировой войны, но никак не с капиталистической системой как таковой.

В целом консервативные и либеральные лорды, не стесняясь, говорили буквально о «триумфе» современного капитализма, настаивая, что лейбористы, инициировав дискуссию, искусственно сконцентрировали свое внимание на его ущербности, позабыв о преимуществах, которые со всей очевидностью превосходят любые недостатки. Дискуссия «о социализме» завершилась голосованием в верхней палате 21 марта 1935 г., по итогам которого 10 лордов-социалистов поддержали формулировку о необходимости «замены» капитализма, 81 представитель верхней палаты высказался против⁵⁶.

Британская пресса не осталась безучастной к дебатам «о социализме». Так, например, шотландская газета «Скотсмэн» отмечала, что дискуссия в основном носила «академический» характер, за исключением выступления лорда Снелла, явившего собой «Гайд-Парк в худшем проявлении». Издание не отказало себе в удовольствии позлорадствовать на тему того, что даже бывший лейборист Ф. Сноуден, предложивший в 1923 г. в нижней палате резолюцию о «замене» капитализма и исключенный из партии в 1931 г. за поддержку «национального правительства», к 1935 г. сам перебрался в палату лордов и давно перестал настаивать на ущербности капитализма. В редакторской статье газета «Скотсмэн» также подчеркивала, что социализм неизбежно влечет за собой отказ от индивидуальной свободы и использование средств насилия⁵⁷. Социализм — это «чистая авантюра», порожденная «педантичным умом Карла Маркса», ради которой нас просят отказаться от капитализма, обеспечивающего неизменное улучшение жизни, возмущалась буржуазная печать⁵⁸.

Лейбористская «Дейли геральд», напротив, выразила сожаление, что большинство лордов оказалось «вполне довольно текущим

⁵⁵ Ibid. Col. 251.

⁵⁶ Ibid. Col. 315.

⁵⁷ Scotsman. 1935. 21 March.

⁵⁸ Courier and Advertiser. 1935. 22 March.

состоянием дел». По итогам обсуждения газета вышла на следующий день под громким заголовком: «Лорды проголосовали против социализма», отметив, что такой исход событий был вполне предсказуем⁵⁹. Журналисты, придерживавшиеся левых взглядов, также по завершении дебатов выразили сожаление, что лейбористские лорды недостаточно заострили внимания на том, что капитализм чреват новой войной⁶⁰. Этот тезис звучал в ходе дискуссии в верхней палате, но действительно несколько затерялся и явно не был ключевым.

Наконец, в прессе можно было встретить и ироничные комментарии на тему того, что у лордов, очевидно, слишком много свободного времени и им больше нечем заняться. «Почему бы им не обсудить Генриха VIII? Европа бурлит, — писала газета «Эхо Ливерпуля», — но палата лордов сохраняет хладнокровие...»⁶¹.

Если сравнивать дебаты 1935 г. с дискуссией аналогичного содержания, состоявшейся в нижней палате в 1923 г., то в целом можно увидеть немало схожих аргументов как с одной, так и с другой стороны. Так, например, тезисы о несправедливом распределении богатства при капитализме, нерешенных социальных проблемах, засилье трестов и монополий, убивающих свободную конкуренцию на рынке, широко обсуждались еще в 1923 г. Относительно новым, пожалуй, было стремление сделать заметный акцент на нравственном несовершенстве капитализма. В основном это была заслуга участника полемики 1935 г. лорда Аллена. Наряду с этим пережившие «великую депрессию» левые парламентарии старались привлечь большее внимание к невозможности улучшить капитализм. В этой связи уместно привести мнение будущего лидера лейбористской партии К. Эттли, участвовавшего в обсуждении аналогичной проблематики в нижней палате парламента. Эттли настаивал, что безгранично самоуверенная речь во славу капитализма, подобная той, которую произнес в парламенте миллионер А. Монд в 1923 г. в ходе первых дебатов «о капитализме», в начале 1930-х гг. была бы уже просто немыслима⁶².

В целом наиболее удачным и запоминающимся выступлением в защиту социалистического строя отличился в 1935 г. лидер лейбористской фракции лорд Понсонби, с горечью отметивший, что его как социалиста принято обвинять в «предательстве» собственного класса. Понсонби был сыном личного секретаря королевы Виктории.

⁵⁹ Daily Herald. 1935. 22 March.

⁶⁰ См., например: Reynolds's Illustrated News. 1935. 24 March.

⁶¹ Liverpool Echo. 1935. 22 March.

⁶² Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 1933. Vol. 284. Col. 1378.

По его собственным словам, он никогда не знал, что значит брести голодным по улице, жить в трущобах или не иметь возможности получить образование⁶³. В целом Понсонби являл собой классический пример богатого англичанина, сблизившегося с лейбористами в годы Первой мировой войны на почве пацифистских воззрений.

Что касается лордов — защитников капитализма, то среди них сложно выделить в рассмотренной выше дискуссии какого-то одного самого яркого оратора, в отличие от 1923 г., где «звездой» дебатов несомненно был миллионер А. Монд. Аргументы, приводимые ими в 1935 г., во многом были созвучны памятной дискуссии 1923 г. Вновь звучали рассуждения, что никакой иной общественный строй не способствовал в таком масштабе увеличению богатства страны, как капитализм, что условия жизни бедных людей постепенно улучшаются, а также содержались призывы к социалистам не драматизировать ситуацию. В обеих дискуссиях многократно фигурировал уникальный английский национальный характер, которому якобы был «противопоказан» коллективизм. Однако в ходе обсуждения 1935 г. намного чаще звучала апелляция к плачевному, с точки зрения консервативных и либеральных лордов, опыту советского государства, чья история к тому времени уже насчитывала почти два десятка лет и являлась поучительным примером.

Лорды, будучи в массе своей представителями британского истеблишмента, возможно, вполне искренне идеализировали современный им капитализм, поскольку в непосредственной жизни скорее сталкивались с его преимуществами, нежели недостатками. В этой связи далеко не случайным был призыв лидера лейбористской фракции к лордам-капиталистам пройти по трущобам Шеффилда. Тезис столичного лорда, очевидно, почерпнутый из личного опыта, о возможности для современного жителя Британских островов «купить всё, что угодно» также выглядел сомнительным, учитывая весьма низкий в те годы уровень доходов большинства рабочих.

Аргументация против социализма, опирающаяся на опыт Советской России, была не вполне справедлива. Лорды-капиталисты намеренно смешивали социалистическую и коммунистическую идеологию, с тем чтобы драматизировать дебаты и обосновать свою позицию. В этой связи важно отметить, что опыт революционного насилия подвергался неизменной критике на страницах работ лейбористских публицистов.

В целом по итогам дискуссии каждая из сторон осталась при своем мнении. Тем не менее, приведенные выше аргументы «за» и

---

⁶³ Hansard. Parliamentary Debates. House of Lords. 1935. Vol. 96. Col. 298.

«против» капитализма дают достаточно широкое представление о настроениях и общественно-политических взглядах британской парламентской элиты середины 1930-х гг.

References

Footo M. *Aneurin Bevan. A Biography*. In 2 vols. Vol. I. 1897–1945. London: Macgibbon & Kee, 1962. 536 p.

Gibbs A.M. *A Bernard Shaw Chronology*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. 451 p.

Joyce P. *Politico's Guide to UK General Elections 1832–2001*. London: Politico's, 2004. 410 p.

Powell D. *British Politics, 1910–1935. The Crisis of the Party System*. London; New York: Routledge, 2004. 223 p.

Ramsden J. *The Age of Balfour and Baldwin, 1902–1940*. London; New York: Longman, 1978. 413 p.

Rubinstein A.T. *The Great Tradition of English Literature from Shakespeare to Shaw*. New York: Monthly Review Press, 1953. 946 p.

Susloparova E.A. *Britanskiye leyboristy: ispytaniye krizisom 1931 g.* [British Labor Party: Tried by the Crisis of 1931] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2009. N 1. P. 5–25.

Susloparova E.A. *Britanskiy prem'yer-ministr S. Bolduin ob angliyskom natsional'nom kharaktere* [British Prime Minister S. Baldwin on the English National Character] // *Britaniya: istoriya, kul'tura, obrazovaniye* [Britain: History, Culture, Education]. Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni K.D. Ushinskogo, 2018. P. 343–350.

Susloparova E.A. *Debaty "o kapitalizme" v britanskom parlamente v 1923 g.* [Debate "about Capitalism" in the British Parliament in 1923] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2014. N 6. P. 3–17.

Susloparova E.A. *Leyboristskiye lordy — novoye yavleniye britanskoy politicheskoy zhizni v 1920-ye — 1930-ye gg.* [The Labor Lords, New Phenomenon in British Political Life in the 1920s and 1930s] // *Politika istorii. K 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk M.P. Aizenshtat* [The Politics of History. To the 70th Anniversary of Doctor in History M.P. Aizenshtat]. Moscow: PE Smirnova M.A., 2021. P. 245–262.

Susloparova E.A. *Poyavleniye leyboristskoy fraktsii v palate lordov v 1924 godu* [The Emergence of the Labor Faction in the House of Lords in 1924] // *Aktual'nyye problemy izucheniya i prepodavaniya vseobshchey istorii i mezhdunarodnykh otnosheniy. Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Topical Problems of Studying and Teaching World History and International Relations. A Collection of Articles of the International Scientific-Practical Conference]. Ryazan': PE Konyakhin, 2021. P. 107–113.

Susloparova E.A. *Stafford Kripps (1889–1952): politicheskii portret* [Stafford Cripps (1889–1952): A Political Portrait] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2018. N 5. P. 213–233.

Williams P. *The Labour Party and the House of Lords 1918–1931* // *Parliamentary History*. 1991. Vol. 10. Pt. 2. P. 317–341.

Поступила в редакцию
14 октября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-109-120

Ю.С. Простакова

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЗАПАДА КАК СОЮЗНИКА В СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Yu.S. Prostakova

THE SHAPING OF THE IMAGE OF THE WEST AS AN ALLY IN THE SOVIET CENTRAL PERIODICALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Аннотация. Предметом исследования является образ Запада как союзника, создаваемый советскими СМИ в годы Великой Отечественной войны. Для советской пропаганды периодическая печать имела важнейшее значение, так как именно она способствовала формированию у общества представлений как о внешнем мире, так и о ситуации в стране. В период войны главной целью газет становилась мобилизация масс. Научные работы по данной и схожей проблематике имели, как правило, обзорный характер, не учитывавший динамику и многочисленные нюансы в отношениях с союзниками на протяжении всего периода Великой Отечественной войны, равно как и механизмы работы советской пропаганды в освещении внешнеполитической ситуации. Анализ обширного комплекса источников, в

Простакова Юлия Сергеевна, аспирант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, научный сотрудник Национального архива Республики Беларусь

Prostakova Yulia Sergeevna, Postgraduate Student, Department of Russian History, Faculty of History, Belarusian State University, Researcher, National Archives of the Republic of Belarus

prostakova.y@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1967-1982

В соответствии с решением Организационного комитета Шестого Международного российско-белорусского конкурса студенческих научных работ по истории «Общий путь к Великой Победе: подвиг народа бессмертен» статья победителя конкурса с белорусской стороны рекомендуется к публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 8. История», статья победителя конкурса с российской стороны рекомендуется к публикации в издании «Журнал Белорусского государственного университета. История». Победителем конкурса в 2021 г. с белорусской стороны стала Ю.С. Простакова с докладом «Формирование образа Запада как союзника в советской центральной периодической печати в годы Великой Отечественной войны».

том числе публикаций центральной периодической печати (газет «Правда», «Известия», «Красная звезда»), позволяет всесторонне исследовать формирование и эволюцию образа Запада как союзника по антигитлеровской коалиции в советской печати в 1941–1945 гг. Вся деятельность СМИ находилась в ведении Управления пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), где ответственность за нее возлагалась на Отдел печати. В результате информация, которая доводилась до советского населения, была тщательно отобрана и идеологически выверена. Это, безусловно, касалось материалов, посвященных США и Великобритании. Информация о деятельности и помощи союзников прежде всего должна была убедить советского читателя, что страна не была оставлена один на один с врагом. В то же время советская пресса избегала излишне восторженного тона по отношению к вчерашним идеологическим противникам. Эволюция образа союзников по антигитлеровской коалиции в центральной периодической печати Советского Союза в период Великой Отечественной войны прошла несколько этапов и во многом зависела от положения дел на советско-германском фронте.

Ключевые слова: антигитлеровская коалиция, Великая Отечественная война, советская пропаганда, центральная советская печать, образ союзника, общественное сознание.

Abstract. The subject of the study is the image of the West as an ally as it was shaped by the Soviet media during the Great Patriotic War. For Soviet propaganda, the periodical press was very important because it contributed to the formation of public perceptions of both the outside world and the situation in the country. During the war, the main goal of newspapers was to mobilize the masses. Scientific works on similar problems were, as a rule, of an overview character which did not consider the dynamics and numerous nuances in relations with the allies throughout the entire period of the Great Patriotic War, as well as the mechanisms of Soviet propaganda in the coverage of the foreign policy. An analysis of an extensive set of sources, including publications of the central periodical press (*Pravda*, *Izvestiya*, *Krasnaya zvezda*), allows a comprehensive study of the formation and evolution of the image of the West as an ally of the anti-Hitler coalition in the Soviet press in 1941–1945. All the activities of the media were under the control of the Directorate of Propaganda and Agitation of the Communist Party's Central Committee, and the responsibility for it was vested in the Press Department. As a result, the information conveyed to the Soviet population was selected and ideologically verified. This certainly applied to material about the United States and Great Britain. Information about the activities and assistance of the allies was primarily intended to convince the Soviet reader that the country had not been left alone with the enemy. At the same time, the Soviet press avoided an overly enthusiastic tone toward yesterday's ideological adversaries. The evolution of the image of the allies within the anti-Hitler coalition in the central periodical press of the Soviet Union during the Great Patriotic war went through several stages and depended largely on the situation on the Soviet-German front.

Keywords: anti-Hitler coalition, the Great Patriotic War, soviet propaganda, soviet central press, image of the ally, public consciousness.

Несмотря на сохранение устойчивого интереса исследователей к истории Великой Отечественной войны, многие аспекты этого важнейшего события XX в. остаются недостаточно изученными. Среди них, в частности, проблема представления партнеров по антигитлеровской коалиции советскими СМИ, а также использование инструментария советской пропаганды для формирования образа союзников. Помимо этого, тема изучения образа Запада как союзника в годы войны укладывается в более широкую тему взаимоотношений Запада и остального мира, где под термином «Запад» подразумеваются капиталистические страны с наиболее развитым экономическим потенциалом, в первую очередь США и Великобритания.

В советской историографии представлено большое количество исследований, посвященных взаимоотношениям Советского Союза с западными странами. Однако условия холодной войны препятствовали формированию объективного взгляда на совместные действия СССР и США в годы Второй мировой войны и тем более — положительного образа бывших союзников, хотя именно такой образ продвигала советская пресса в военные годы.

Тема интерпретации образа врага и союзника как основного элемента межгосударственных отношений СССР и США стала актуальной для историков уже после распада Советского Союза. Ряд обобщающих работ по истории центральной периодической печати 1941–1945 гг. принадлежит И.И. Широкоград. Автор выделила основные направления советской информационной и цензурной политики, дала периодизацию развития основных изданий¹, что очень важно при разработке более частных тем, связанных с анализом СМИ.

Из современных исследователей стоит отметить А.В. Голубева, основной сферой интересов которого является изучение внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества, в частности, особенностей массового сознания советского общества в 1920–1940-е гг. В своей монографии историк дает общий анализ формирования образа врага и образа союзника на начальном этапе войны, характеризует периодическую печать как один из инструментов формирования стереотипов, используя при этом широкую источниковую базу².

¹ Широкоград И.И. Центральная периодическая печать СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Дис. ... доктора ист. наук. М., 2002.

² Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008.

Важными исследованиями по данной проблематике представляются работы И.О. Колдомасова. Автор делает попытку проанализировать использование категорий «образ врага» и «образ союзника», применяя их к представлениям советского общества о внешнем мире в годы Великой Отечественной войны³, а также дает характеристику основных принципов построения образа союзника в печатных СМИ Советского Союза⁴.

Анализ газет позволяет увидеть отношения Великобритании, США и СССР такими, какими они представлялись гражданам Советского Союза, поскольку пресса, наряду с радио, была основным источником информации о происходивших событиях. У советских людей не было другого представления о союзниках и внешнем мире кроме того, что транслировалось через советские СМИ. Безусловно, печатные издания проходили жесткую цензуру и являлись составной частью пропагандистского аппарата советского государства. Задача сформировать «правильный» образ союзника в советском обществе оставалась одной из важнейших для советской системы на протяжении всего периода Второй мировой войны.

В СССР существовали различные виды периодических изданий — центральные, военные, отраслевые, республиканские, областные, районные и др. Главная информация об антигитлеровской коалиции и союзниках появлялась в центральной периодической печати — «Правде», «Известиях», «Красной звезде». В других газетах информация о международных отношениях в основном являлась перепечаткой статей из этих изданий.

Информация о странах Запада, публиковавшаяся в советских СМИ перед началом Великой Отечественной войны, обычно представляла будущих союзников в качестве агрессоров в Европе. Данная оценка прослеживается в статье, вышедшей в конце 1939 г. в «Известиях». В ней говорилось, что Англия и Франция оказывали давление на Швецию и Норвегию. В частности, автор утверждал: «Англия и Франция всеми силами пытаются создать новый плацдарм войны». Газета при этом ссылалась на высказывания французского полковника Ш. Фабри, который требовал от нейтральных стран безоговорочного выполнения всех условий Англии и Франции, необхо-

---

³ Колдомасов И.О. Категория «образ» в историко-психологическом исследовании (на примере образов врага и союзника) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. № 4. С. 36–43.

⁴ Колдомасов И.О. Формирование образа союзников с помощью печатных СМИ в советском обществе военных лет (1941–1945 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2009. № 7. С. 75–80.

димых для того, чтобы превратить Финляндию в очаг войны. Статья завершается утверждением: «То, что в Париже называют медленно складывающимся блоком миролюбивых наций, есть в сущности не что иное, как новая попытка западных государств создать антигерманский фронт нейтральных стран. Этим целям служит и Лига наций. Англия и Франция пытаются заманить в этот блок нейтральные страны обещанием, что они получают в экономической области большие преимущества»⁵. Данное мнение, транслируемое советской пропагандой, было обусловлено тем, что между Советским Союзом и Германией в 1939 г. был заключен договор о ненападении.

Однако после 22 июня 1941 г. главными задачами советского пропагандистского аппарата стали формирование положительного образа западных стран и перевод Германии из категории «друга» во «врага». Безусловно, этот процесс должен был находиться под контролем властей, чтобы четко регулировать степень симпатии к англичанам и американцам. Советский народ нужно было убедить в наличии и полезности союзников, но вместе с тем — не в жизненной необходимости их помощи.

В 1939–1941 гг. в центральных газетах публиковались небольшие военные сводки о воздушной борьбе Англии против Германии. Как правило, источником этой информации являлось немецкое информбюро, сами же материалы печатались на последних страницах периодических изданий, что служило знаком незначительности данных событий для советского общества. Но с конца июля 1941 г. в прессе стало уделяться заметно больше внимания англо-американской тематике. По подсчетам Н.Д. Козлова, общий объем материалов о жизни союзных государств в газетах и журналах увеличился в среднем в четыре раза⁶.

Расширились и тематические рамки публиковавшихся материалов о западных странах: тексты выступлений государственных деятелей и деятелей культуры, хроника боевых действий, зарисовки о повседневной жизни, карикатуры. Главной функцией всех статей, касавшихся международной тематики, являлось не донесение информации, а решение задач пропаганды: делался акцент на классовом делении западных обществ, высказывалось критическое отношение к образу жизни в союзных государствах и подчеркивались преимущества советской системы.

---

⁵ Германская печать о попытках англо-французского блока создать новые очаги войны // Известия. 1940. № 11. С. 4.

⁶ Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 1995. С. 64–65.

Для времени становления дружественных отношений между СССР и западными странами характерно появление нового вида статей в центральной периодической печати Советского Союза — сообщения о массовой поддержке в будущих союзных странах борьбы советского народа. В «Красной звезде» 2 июля 1941 г. было опубликовано сообщение о демонстрациях в Нью-Йорке, целью которых было призвать США к сотрудничеству с СССР для разгрома Гитлера. Также в статье говорилось, что аналогичные общественные акции происходили и в других городах Соединенных Штатов⁷. Митинги солидарности с СССР собирались и в Лондоне. Советские газеты писали о различных собраниях в Англии в поддержку СССР. Например, 29 июня 1941 г. служащие «Метрополитен Уотер» в Лондоне приняли резолюции, в которых говорилось о полной готовности поддержать Советский Союз⁸.

Характерной особенностью подобных статей являлось то, что в них и в других материалах на международную тему нечасто публиковались точные цифры. Советские пропагандистские материалы избегали конкретики, однако в статьях о «митингах солидарности» обычно приводились статистические данные. Это делалось с целью показать советским гражданам масштаб поддержки. Так, в «Правде» в одной из статей говорилось, что в Шотландии на митинге присутствовало 1500 человек⁹.

Отдельное внимание уделялось высказываниям западных знаменитостей. Например, приводились призывы к разгрому Гитлера американского писателя Т. Драйзера, который утверждал, что ничто не имеет большего значения для либеральной и демократической Америки, чем успех России в борьбе против нацизма. «Дело русских является всегда и везде подлинным делом демократии, ибо Россия уже сделала для простого человека больше, чем какая-либо страна в истории»¹⁰.

Одним из главных на переговорах с будущими союзниками стал вопрос об экономической помощи Советскому Союзу. Начиная с лета 1941 г. стало увеличиваться количество статей, посвященных американской экономической помощи. Иногда эта информация подавалась косвенно: описывались митинги в поддержку СССР, на которых собравшиеся требовали предоставления Советскому Союзу

---

⁷ Массовые митинги в поддержку СССР // Красная звезда. 1941. № 153. С. 4.

⁸ Движение солидарности с Советским Союзом в Англии // Правда. 1941. № 182. С. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ На защиту Советского Союза // Известия. 1941. № 154. С. 4.

экономической помощи. Или же о готовности западных стран предоставить такую помощь СССР говорилось со ссылками на слова представителей Англии и США.

Когда заработал ленд-лиз, информация об этой программе подавалась через выступления первых лиц Великобритании и США, а также отчеты официальных лиц о планируемых или осуществленных поставках. Подобных статей было крайне мало, и в них отсутствовали какие-либо количественные показатели. Поэтому советскому читателю довольно сложно было представить размеры союзнической помощи. Сам факт такой помощи со стороны западных держав признавался, но она оценивалась как второстепенная для СССР.

Союзнические отношения были окончательно оформлены в 1942 г.¹¹, после чего в советской прессе Великобритания и США стали называться «союзниками», что закрепляло в советской пропаганде положительный образ этих стран. Соответствующий посыл прочитывался уже в заголовках — «Налеты авиации союзников на Германию и Италию»¹², «Налеты авиации союзников на Северную Францию и Германию»¹³. Это был сигнал аудитории о новом уровне отношений между странами.

Советская пресса освещала и награждения высших военных чинов союзных государств орденами СССР. Например, «Известия» 7 июня 1944 г. опубликовали статью о том, что в посольстве СССР в Вашингтоне 6 июня 1944 г. состоялось вручение ордена Суворова 1й степени начальнику генерального штаба американской армии генералу Дж. Маршаллу, удостоенному этой награды «за выдающуюся военную деятельность и заслуги в деле руководства американскими вооруженными силами в борьбе против общего врага Советского Союза и США – гитлеровской Германии»¹⁴. Благодаря подобным материалам поддерживался позитивный образ союзника.

---

¹¹ Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1: 1941–1943 гг. М., 1983. С. 123; Соглашение между Правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943. М., 1984. С. 194.

¹² Налеты авиации союзников на Германию и Италию // Красная звезда. 1943. № 11. С. 4.

¹³ Налеты авиации союзников на северную Францию и Германию // Правда. 1943. № 15. С. 4.

¹⁴ Вручение ордена Суворова начальнику генерального штаба американской армии генералу Джорджу К. Маршаллу // Известия. 1944. № 134. С. 4.

Иногда на страницах центральной советской периодики появлялись небольшие заметки об экономическом положении США. Например, такой материал был напечатан в «Правде» 13 января 1943 г. В нем сообщалось, что американская авиационная промышленность рассчитывает в 1943 г. удвоить производство по сравнению с прошлым годом¹⁵.

В целом с 1943 г. можно отметить общее снижение количества статей, посвященных союзным странам, что было связано с улучшением положения Советского Союза на фронтах. Руководство СССР стало исходить из того, что победу над противником можно одержать и без помощи стран-союзниц. Поэтому все меньше сообщалось о митингах в Великобритании и США в поддержку СССР или с требованиями об открытии второго фронта. К зиме 1943 г. такие статьи полностью исчезли из советской периодики.

На протяжении всей войны регулярно публиковались сводки о боевых действиях союзников на Тихом океане. Например, 3 ноября 1943 г. в «Известиях» сообщалось о высадке войск союзников на острове Бугенвиль¹⁶. В «Правда» 21 октября 1944 г. рассказывалось о появлении союзников на Филиппинских островах. В публикации отмечалось: «В результате крупных комбинированных операций союзные войска захватили восточное побережье острова Лейте (Филиппинские острова). Союзные войска понесли небольшие потери. Высадке предшествовали энергичная бомбардировка с воздуха и обстрел с кораблей»¹⁷.

В пропаганде и в массовом сознании СССР особое место занимала тема второго фронта. Союзники вели боевые действия против Италии и Германии в Северной Африке, и заметки об этом публиковались в периодической печати Советского Союза¹⁸, зачастую с картами. Однако советское руководство не рассматривало этот ТВД как второй фронт и продолжало настаивать на отправке союзных войск в Северную Францию.

Когда операция «Оверлорд» все-таки началась (6 июня 1944 г.), в центральной советской периодике сразу же вышли статьи о высадке союзников в Нормандии. Например, в «Известиях» сообщалось, что под командованием генерала Д. Эйзенхауэра военно-морские силы союзников при поддержке военно-воздушных соединений начали атаковать северное побережье Фран-

---

¹⁵ Рост авиационной промышленности в США // Правда. 1943. № 13. С. 4.

¹⁶ Война на Тихом океане // Известия. 1943. № 260. С. 4.

¹⁷ Война на Тихом океане // Правда. 1944. № 253. С. 4.

¹⁸ Военные действия в Италии // Известия. 1943. № 266. С. 4.

ции¹⁹. Здесь же размещалась статья о соответствующем приказе Эйзенхауэра и публиковался его фотоснимок. А в еще одной публикации этого же номера, помимо текстовой информации, имелась карта боевых действий. Карты и прежде печатались под сводками военных действий союзников, однако во время проведения операции в Северной Франции они появлялись в «Красной звезде» с периодичностью раз в три номера, а иногда и чаще.

В «Правде» 14 июня 1944 г. вышло редакционное интервью И.В. Сталина. Советский лидер, в частности, заявлял: «Это несомненно блестящий успех наших союзников. Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения. Как известно, “непобедимый” Наполеон в свое время позорно провалился со своим планом форсировать Ла-Манш и захватить Британские острова. Истерик Гитлер, который два года хвастал, что он проведет форсирование Ла-Манша, не рискнул сделать даже попытку осуществить свою угрозу. Только британским и американским войскам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша и массовой высадки десантных войск. История отметит это дело как достижение высшего порядка»²⁰. Сталин употребил словосочетания «блестящий успех», «достижение высшего порядка», что с его стороны демонстрировало максимальную степень уважения к действиям союзникам. Вместе с тем он не преувеличивал роль высадки в Нормандии. И в интервью, и в статьях, посвященных этому событию, отсутствовало указание на то, что данная операция — это серьезный шаг к разгрому нацистской Германии. В целом следует отметить довольно сухой тон публикаций о действиях союзников в ходе операции «Оверлорд».

Совершенно иначе в советской прессе освещались победы Красной армии. Так, разгром гитлеровцев под Сталинградом назывался «величайшей победой во всей нынешней войне»²¹. Слова о том, что «битва под Сталинградом имеет огромное стратегическое и моральное значение»²², формировали в сознании граждан образы величия и могущества Красной армии, поводили к мысли, что одержанная на Волге победа является одной из ключевых и поворотных в ходе войны. Действия и победы союзников в Северной

---

¹⁹ Сообщение штаба верховного командования экспедиционных сил союзников // Известия. 1944. № 134. С. 4.

²⁰ Тов. Сталин о вторжении в Северную Францию // Правда. 1944. № 142. С. 1.

²¹ Величайшая победа в нынешней войне // Известия. 1943. № 27. С. 4.

²² Под Сталинградом немцев постигла военная катастрофа гигантского масштаба // Известия. 1943. № 27. С. 4.

Франции оценивались гораздо скромнее. Хотя заслуги союзников и не преуменьшались, так как следовало показывать, что на нашей стороне сражаются сильные армии, но вместе с тем всячески подчеркивалось, что роль СССР в войне намного более значима, нежели роль союзников.

Если поначалу о высадке в Нормандии говорилось достаточно подробно (например, 8 июня 1944 г. эта информация занимала большую часть последней страницы «Правды»²³), то уже к 5 июля 1944 г. количество публикаций по данной теме значительно уменьшилось²⁴. Во многом это было связано с началом грандиозной операции Красной армии «Багратион» и, соответственно, появлением статей на эту тему. Печатались материалы о позитивном восприятии действий советских войск на территории БССР со стороны стран-союзниц. Так, после освобождения Минска от немецкой оккупации в «Правде» 5 июля 1944 г. вышла статья о реакции на успехи операции «Багратион» в английской и американской периодике. В частности, приводилось и такое высказывание союзников: «Уже сейчас это наступление повлекло за собой истребление большего, чем в какой-либо другой отдельной операции, числа германских частей»²⁵.

Советская пропаганда была гораздо больше заинтересована в информировании читателя о признании достижений и побед СССР со стороны западных держав, чем в выстраивании их положительного образа и отмечании их военных заслуг. В 1943–1945 гг. в советской центральной печати публиковались переводы американских и британских статей, где давалась высокая оценка действиям Красной армии. Например, победам под Сталинградом были посвящены переводные материалы под названиями «Под Сталинградом немцев постигла военная катастрофа гигантского масштаба»²⁶, «Величайшая победа в нынешней войне»²⁷, «Оборона Сталинграда — самая героическая глава в истории нашей эпохи»²⁸. В «Красной звезде» 6 февраля 1943 г. вышла статья английского журналиста У. Стада, в которой он размышлял о победе под Сталинградом и, в частности, отмечал: «Это великое испытание военной силы не имеет себе равного и может

---

²³ Высадка союзных войск продолжается // Правда. 1944. № 137. С. 4.

²⁴ Военные действия союзников в Северной Франции // Правда. 1944. № 160. С. 4.

²⁵ Одна из величайших военных побед // Правда. 1944. № 160. С. 4.

²⁶ Под Сталинградом немцев постигла военная катастрофа гигантского масштаба // Известия. 1943. № 27. С. 4.

²⁷ Величайшая победа в нынешней войне // Известия. 1943. № 27. С. 4.

²⁸ Оборона Сталинграда — самая героическая глава в истории нашей эпохи // Известия. 1943. № 27. С. 4.

привести к исключительно знаменательным последствиям. Нельзя найти в истории ни одного примера окружения и полного уничтожения осаждающей армии»²⁹.

По мере нарастания побед Красной армии и формирования в мировом общественном мнении образа могучего советского государства интерес к союзникам в СССР приобрел более узконаправленный характер. Основными материалами становились военные сводки, решения конференций «Большой тройки», статьи с одобрениями решений встреч лидеров антигитлеровской коалиции. Всё реже появлялись публикации об экономическом положении стран-союзниц и о культурном обмене между США, Великобританией и Советским Союзом. Сводки о боевых действиях союзников подавались сухо, но вместе с тем уважительно. Однако всячески подчеркивалось, что их вклад в победу над гитлеровской Германией неизмеримо меньше, чем вклад Советского Союза. В статьях о встречах «Большой тройки» не содержалось точных сведений о принятых на них решениях. Публикаций с одобрением таких встреч становилось всё меньше. Информация о митингах иностранных граждан заменялась статьями об аналогичных коллективных акциях советских людей. После Потсдамской конференции статей о союзниках стало еще меньше, а к концу августа 1945 г. они практически совсем исчезли.

Таким образом, на протяжении Великой Отечественной войны образ союзников менялся, что можно проследить по содержанию посвященных им статей в советской периодической печати. Если в начале войны материалы о западных союзниках появлялись в каждом номере газет, причем нередко печатались на первых страницах, то с началом систематических успехов Красной армии тематика союзных отношений стала затрагиваться все реже.

References

Golubev A.V. *“Yesli mir obrushitsya na nashu Respubliku”*: *sovetskoye obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1920–1940-ye gg.* [“If the World Descended Upon Our Republic”: Soviet Society and the Foreign Threat in the 1920s–1940s]. Moscow: Kuchkovo pole, 2008. 381 p.

Koldomasov I.O. *Formirovaniye obraza soyuznikov s pomoshch'yu pechatnykh SMI v sovetskom obshchestve voyennykh let (1941–1945 gg.)* [The Formation of the Image of Allies through Printed Media in the Soviet Society during the War (1941–1945)] // *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Series “Istoriya. Politologiya”*. 2009. N 7. P. 75–80.

---

²⁹ Огромной немецкой армии нанесено такое поражение, какого никогда не испытывали германские войска // Красная звезда. 1943. № 30. С. 4.

Koldomasov I.O. *Kategoriya "obraz" v istoriko-psikhologicheskom issledovanii (na primere obrazov vruga i soyuznika)* [Category "Image" in Historical-Psychological Research (Enemy and Ally's Cases)] // *Gumanitarno-pedagogicheskiye issledovaniya*. 2018. N 4. P. 36–43.

Kozlov N.D. *Obshchestvennoye soznaniye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Public Consciousness in the Years of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Saint Petersburg: Leningradskiy oblastnoy institut usovershenstvovaniya uchiteley, 1995. 138 p.

Shirokorad I.I. *Tsentral'naya periodicheskaya pechat' SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.): diss. ... doktora istoricheskikh nauk* [Central Periodical Press of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945): Doctor in History Diss.]. Moscow: Rossiyskiy universitet druzhby narodov, 2002. 363 p.

Поступила в редакцию
10 декабря 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-121-137

М.Ф. Польшов

**«ЕСЛИ МЫ ПОТЕРЯЕМ ЧЕХОСЛОВАКИЮ,
Я УЙДУ С ПОСТА ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ».
Л.И. БРЕЖНЕВ И ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС 1968 г.**

M.F. Polynov

**“IF WE LOSE CZECHOSLOVAKIA, I WILL STEP
DOWN FROM THE POST OF GENERAL SECRETARY”.
L.I. BREZHNEV AND THE CZECHOSLOVAK CRISIS OF 1968**

Аннотация. Одной из самых острых внешнеполитических проблем для СССР и его союзников по Варшавскому договору стал кризис в отношениях между ними и Чехословакией, возникший в 1968 г. Автор статьи, опираясь на рассекреченные документы, в том числе Политбюро ЦК КПСС, показал, что в руководстве СССР и его восточноевропейских союзников существовало серьезное опасение, что реформы, начавшиеся в ЧССР, открыли перспективу отхода этой страны от социализма и последующего выхода ее из Варшавского договора. Особую тревогу вызывали открыто действовавшие там антисоциалистические и антисоветские силы. Руководители СССР, особенно Л.И. Брежнев, стремились выйти из сложившейся острой ситуации через политические компромиссы, выполнение чехословацкой стороной взятых на себя во время многосторонних совещаний обязательств. Изначально они избегали военного вмешательства в дела Чехословакии, на чем настаивали союзники СССР, члены ОВД — Польша, ГДР, Болгария, Венгрия. Однако чехословацкое руководство — в первую очередь это относится к А. Дубчеку — не выполняли достигнутых договоренностей (в частности, о прекращении антисоветской кампании в СМИ, о кадровых изменениях), хотя именно это могло бы предотвратить ввод войск. К августу 1968 г. возможности выйти из создавшегося положения политическими методами были исчерпаны. Ответственность за ввод войск несут не только пять стран ОВД, но и тогдашние руководители Чехословакии. СССР и другие страны ОВД при принятии решения о вводе войск в ЧССР руко-

---

Польшов Матвей Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Polynov Matvey Fedorovich, Doctor in History, Professor, Department of Contemporary History of Russia, Institute of History, Saint Petersburg State University

m.polynov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-6842-8930

водствовались мотивом спасения социализма в этой стране и ее сохранения в составе Варшавского договора. Единство ОВД в условиях холодной войны позволяло обеспечивать баланс сил с блоком НАТО на Европейском континенте. Теоретическое обоснование права вмешательства в дела той или иной страны социалистического содружества со стороны других соцстран ради спасения социализма было дано после ввода войск, на Западе эта политика станет известна как «доктрина Брежнева».

Ключевые слова: Организация Варшавского договора, Политбюро ЦК КПСС, Л.И. Брежнев, А. Дубчек, «пражская весна», ввод войск в Чехословакию.

Abstract. The crisis in relations with Czechoslovakia, arose in 1968, was one of the most acute foreign policy problems for the Soviet Union and its Warsaw Pact allies. The author of the article, which is based on declassified documents, including the ones of the Politburo of the CPSU Central Committee, showed that the USSR authorities and their East European allies were seriously afraid that the reforms launched in Czechoslovakia would open the prospect of the departure from socialism and the subsequent withdrawal of the country from the Warsaw Pact. The anti-socialist and anti-Soviet forces that were openly operating there were of particular concern. The leaders of the USSR, especially L.I. Brezhnev, sought to resolve this acute situation through political compromises with Czechoslovak side and its fulfillment of the commitments made during the multilateral meetings. Initially they avoided a military intervention in Czechoslovakia, which was insisted upon by the allies of the Soviet Union, the members of the ATS, i.e., Poland, GDR, Bulgaria, and Hungary. However, the Czechoslovak leaders, A. Dubček in the first place, did not comply with the reached agreements (in particular, stopping the anti-Soviet media campaign and personnel changes), although this could have prevented the entry of troops. By August 1968, the possibilities of getting out of the situation by political means had been exhausted. Not only the five Warsaw Pact countries were responsible for the invasion, but also the leaders of Czechoslovakia. The USSR and the other ATS countries were guided by the motive of saving socialism in Czechoslovakia and its preservation as part of the Warsaw Pact when making the decision to send in troops. The ATS unity during the Cold War made it possible to ensure the balance of power with the NATO on the European continent. The theoretical justification of the right to interfere in the affairs of one or another country of the socialist commonwealth by other socialist countries to save socialism was given after the entry of troops. In the West, this policy will become known as the “Brezhnev Doctrine”.

Keywords: Warsaw Pact Organization, Politburo of the CPSU Central Committee, L.I. Brezhnev, A. Dubček, “Prague Spring”, Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia.

* * *

Одним из главных приоритетов внешней политики СССР после образования военно-политических блоков НАТО (1949 г.) и Организации Варшавского договора (1955 г.) являлось сохранение

статус-кво на Европейском континенте. Этого можно было добиться благодаря политической и военной монолитности ОВД. Поэтому советские руководители придавали огромное значение укреплению союзнических отношений между странами, входящими в эту организацию. Однако внутри ОВД перманентно возникали серьезные кризисы, угрожавшие ее единству. Подобная ситуация возникла и в 1968 г., когда реформы, проводившиеся в Чехословакии, вызвали опасения у СССР и его союзников в том, что они ведут к отстранению компартии от власти, ликвидации социализма и выходу страны из Варшавского договора.

Политика СССР в период «событий в Чехословакии», положение, сложившееся в этой стране, попытки разрешения кризиса в отношениях между ЧССР и союзными государствами многократно являлись предметом исследований историков¹. Опубликованы также сборники статей, с совместным участием зарубежных и российских ученых², в которых действия СССР практически всеми авторами характеризуются терминами «оккупация», «интервенция», «вторжение».

В реальности же события, происходившие вокруг Чехословакии в 1968 г., являлись более сложными и противоречивыми, и поэтому односторонний «обвинительный» подход едва ли может дать объективное представление о них. Кроме того, в исследованиях явно недостаточное внимание уделяется освещению позиции, деятельности, политики Л.И. Брежнева по разрешению возникшего кризиса.

Противоречия между Чехословакией и другими странами ОВД стали формироваться постепенно. Во второй половине 1960-х гг. в ЧССР осуществлялись экономические реформы. С избранием в январе 1968 г. А. Дубчека первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии начались и политические реформы. На апрельском пленуме ЦК КПЧ 1968 г. был принят новый программный документ партии «Программа действий КПЧ», в котором предусматривалось реформирование политической сис-

---

¹ Пихоя Р.Г. Чехословакия, 1968 год. Взгляд из Москвы: По данным ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–14; № 6. С. 3–20; Платошкин Н. Н. Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Ч. 2. М., 2016; Стыкалин А.С. «Доктрина ограниченного суверенитета» в восточно-европейской политике СССР и ее пересмотр (1956–1989 гг.) // Новое прошлое. The New Past. 2019. № 3. С. 60–79; Яжборовская И.С. «Социалистическое сотрудничество» и «доктрина Брежнева» // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 3–19, и др.

² «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания / Гл. ред. Н.Г. Томилина, С. Кернер, А.О. Чубарьян. М., 2010; 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2021.

темы, обеспечение реальной свободы слова, печати, ликвидация цензуры и т.д.³

В Москве открытой критике «Программа...» не подвергалась, а центральный орган КПСС газета «Правда» освещала основные ее положения⁴.

Отмена цензуры в Чехословакии быстро привела к утрате контроля КПЧ над средствами массовой информации, в том числе и над телевидением. Общественно-политическая ситуация быстро радикализировалась, а оппозиционную часть интеллигенции уже не устраивала умеренная «Программа действий ...». 27 июня 1968 г. она опубликовала манифест под названием «Две тысячи слов», в котором содержался призыв к населению взять в свои руки процесс демократизации, быть готовыми заменить законные органы власти «народными» и «гражданскими» комитетами, а также «собственной службой охраны порядка», добиваться «подлинной» федерализации, что означало бы развал единой Чехословакии на два государства, противодействовать «вмешательству иностранных сил» (т.е. СССР) во внутренние дела страны⁵.

В Москве этот документ не оставили без внимания. Он обсуждался на самом высоком уровне. Уже менее чем через неделю после его опубликования, 3 июля, Политбюро ЦК КПСС направило в адрес Президиума ЦК КПЧ письмо, в котором с тревогой отмечалось: «Всё содержание платформы “2000 слов” обращено против КПЧ, направлено на расшатывание позиций социализма в Чехословакии... Авторы зовут к подрывной деятельности в каждом городе, в каждом районе, на каждом заводе»⁶. В письме рекомендовалось «немедленно приступить к осуществлению конкретных мер по действительному отпору антисоциалистическим силам, для защиты дела социализма»⁷.

Российский историк М.Ю. Прозуменщиков отмечает, что «“2000 слов” стали во многом переломным моментом в советско-чехосло-

---

³ Из программы действий Коммунистической партии Чехословакии, принятой на апрельском пленуме ЦК КПЧ 5 апреля 1968 г. // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы / Гл. ред. Н.Г. Томилина, С. Кернер, А.О. Чубарьян. М., 2010. С. 32.

⁴ Доклад тов. А. Дубчека на Пленуме ЦК КПЧ // Правда. 1968. 3 апреля. С. 5; Мартовско-апрельский Пленум ЦК КПЧ // Правда. 1968. 12 апреля. С. 4.

⁵ Две тысячи слов // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е — 1980-е / Сост. М.Ш. Барбакадзе. Т. 2. М., 2005. С. 302–307.

⁶ Президиуму Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии // Чехословацкий кризис 1967–1968 гг. в документах ЦК КПСС / Гл. ред. Н.Г. Томилина. М., 2010. С. 113.

⁷ Там же. С. 115.

вацких отношениях, когда большинство советских лидеров психологически смирились с неизбежностью военного решения проблемы»⁸. На наш взгляд, с этим утверждением можно согласиться лишь отчасти, так как оно не относится к Л.И. Брежневу.

В Москве существовало опасение, что «период подготовки к XIV съезду [КПЧ] правые силы пытаются использовать для того, чтобы на самом съезде расставить своих людей на ключевых позициях в партии и навязать партии такую линию, которая вела бы ее к отказу от испытанных марксистско-ленинских принципов»⁹. Манифест «Две тысячи слов» (и пассивная реакция на него руководства КПЧ) во многом предопределил не только тенденции внутривнутриполитической жизни Чехословакии в предстоящие месяцы, но и отношения ЧССР с ее союзниками по Варшавскому договору.

Возникшая сложная ситуация в союзной стране заставила руководителей пяти государств ОВД (формально — лидеров правящих партий) выработать общие согласованные оценки и позицию. Встреча Л.И. Брежнева, Я. Кадара (Венгрия), Т. Живкова (Болгария), В. Ульбрихта (ГДР) и В. Гомулки (Польша) состоялась 14–15 июля в Варшаве. В повестке дня значился только один вопрос — «оценка положения в Чехословакии»¹⁰.

Первым выступил В. Гомулка, который заявил, что в Чехословакии идет «процесс превращения социалистического государства, социалистической Чехословакии в республику буржуазного типа..., происходит переход компартии Чехословакии в партию социал-демократического типа»¹¹. Я. Кадар считал: «... события идут по югославскому пути и в связи с этим несут в себе опасность буржуазной реставрации»¹². В. Ульбрихт доказывал: «Речь идет о контрреволюционных силах..., о демонтаже социализма вообще»¹³.

Т. Живков убеждал, что обстановка в ЧССР «не в руках Дубчека», и предложил образовать «рабоче-крестьянское правительство»¹⁴.

---

⁸ *Прозуменичиков М.* «...Вы поймите, что мы не имели другого выхода». Проблемы разработки и принятия решений высшим советским руководством в ходе чехословацкого кризиса 1968 года // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания. С. 27.

⁹ Президиуму Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии // Чехословацкий кризис 1967–1968 гг. в документах ЦК КПСС. С. 113.

¹⁰ Стенограмма совещания в Варшаве руководителей ЦК БКП, ЦК ВСРП, ЦК КПСС, ЦК ПОРП и ЦК СЕПГ // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. С. 134.

¹¹ Там же. С. 111.

¹² Там же. С. 123.

¹³ Там же. С. 127.

¹⁴ Там же. С. 135.

Последним выступил Л.И. Брежнев, который в целом поддержал оценки лидеров ПОРП, ВСРП, СЕПГ и БКП и заявил, что «Чехословакия стоит на опасном пути ухода из социалистического лагеря... мы должны принять все меры и использовать все средства, чтобы этому воспрепятствовать»; «внутренние контрреволюционные силы совместно с империалистической реакцией, рассчитывают повернуть Чехословакию на капиталистический путь развития, ослабить мощь Варшавского договора, разрушить единство социалистической системы»¹⁵.

По итогам встречи было принято обращение к ЦК КПЧ, известное теперь как «Варшавское письмо», в котором содержался недвусмысленный вывод: «... угроза основам социализма в Чехословакии подвергает опасности общие жизненные интересы остальных социалистических стран. Народы наших стран никогда не простили бы нам равнодушия и беспечности перед такой опасностью». Руководству КПЧ рекомендовалось ликвидировать все политические организации, клубы и т.д., выступающие против социализма; взять под контроль печать, радио, телевидение, провести кадровую чистку¹⁶.

Варшавская встреча сильно повлияла на позицию Брежнева, он стал занимать более решительную позицию в отношении Чехословакии и А. Дубчека. Однако ему, как генеральному секретарю, нужно было получить поддержку Пленума ЦК КПСС, который экстренно был созван уже через два дня после варшавского совещания — 17 июля.

На Пленуме Л.И. Брежнев ознакомил присутствующих с оценками чехословацких событий, прозвучавшими на Варшавском совещании. Обсуждения прошли в духе признания угрозы социализму в братской Чехословакии и необходимости его спасти, в том числе и военными методами. В то же время сам Брежнев считал, что еще не исчерпаны до конца политические средства. В заключительном слове на Пленуме он сделал вывод: «... прежде чем принять крайние меры, мы используем вместе с братскими партиями все политические средства..., чтобы защитить социалистические завоевания в Чехословакии»¹⁷.

Линия Брежнева была одобрена и на Политбюро ЦК КПСС 19 июля. Оно обратилось к Президиуму ЦК КПЧ с предложением о «двусторонней встрече на самом высоком уровне — в полном со-

---

¹⁵ Там же. С. 137.

¹⁶ Там же. С. 159.

¹⁷ Цит. по: *Прозуменичиков М.* Указ. соч. С. 30.

стве Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ. Это дало бы возможность наиболее полно и всесторонне по-товарищески обсудить интересные нас в настоящее время проблемы»¹⁸.

Эта инициатива была принята чехословацкой стороной, встреча состоялась в небольшом приграничном чехословацком городке Чиерна-над-Тисой 29 июля — 1 августа 1968 г.

О значении, которое придавала этой встрече советская сторона, говорит тот факт, что в переговорах участвовал почти весь состав Политбюро ЦК КПСС: Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, М.А. Суслов, П.Е. Шелест, А.Н. Шелепин, К.Т. Мазуров, Г.И. Воронов, А.Я. Пельше, а также кандидаты в члены Политбюро П.Н. Демичев, П.М. Машеров, секретари ЦК КПСС К.Ф. Катушев, Б.Н. Пономарев. С чехословацкой стороны также прибыли практически все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПЧ во главе с А. Дубчеком.

Необычность мероприятия заключалась в том, пишет немецкий историк С. Шаттенберг, что впервые встречались два Политбюро, или Президиума¹⁹.

Точной информации о содержании переговоров в Чиерне-над-Тисой получить невозможно, поскольку стенограмма их не велась. Отсутствие стенограммы станет основанием для обеих сторон по-своему интерпретировать ход и результаты переговоров после их завершения. Среди советских участников встречи более полное представление о ней дают мемуары П.Е. Шелеста, среди чехословацких участников — А. Дубчека²⁰.

Разногласия между сторонами начались уже в первый день переговоров. Чехословацкая делегация выразила несогласие с оценкой, сделанной в письме «Варшавской пятерки», адресованном ЦК КПЧ, — о внутрипартийной ситуации в Чехословакии, наличии угрозы социализму в стране²¹. «У нас нет отхода от социализма, нет контрреволюции, и мы не согласны с письмом Варшавского совещания», — убеждал А. Дубчек.

Л.И. Брежнев, после выступления А. Дубчека в первый день заседания, пытался добиться ответа на поставленные ему вопросы:

---

¹⁸ Президиуму Центрального Комитета КПЧ. Постановление Политбюро ЦК КПСС. 19 июля 1968 г. // Чехословацкий кризис 1967–1968 гг. в документах ЦК КПСС. С. 136–137.

¹⁹ Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны / Пер. с нем. М., 2018. С. 374.

²⁰ Шелест П.Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 2016. С. 373–399; Дубчек А. Надежда умирает последней. М., 2019. С. 203–208.

²¹ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 375.

«Что это такое — “консерваторы” и “прогрессисты”? Кто это правые силы?» «Дубчек, — вспоминает Шелест, — не дал никаких конкретных ответов ...»²².

Практически все выступавшие от советской делегации обвиняли чехословацких руководителей в отходе от марксизма-ленинизма, в утрате КПЧ своей руководящей роли, утрате контроля над СМИ, особенно над телевидением. Дискуссии между делегациями не привели к взаимоприемлемым договоренностям. Каждая из сторон отстаивала свои позиции. «На третий день, — отмечает А. Дубчек, — переговоры застряли на мертвой точке»²³.

Члены советской делегации к такому выводу пришли уже на второй день. «Всей делегацией собрались в вагоне у Брежнева. Тот совсем разбитый, немощный, растерянный. Обсуждаем вопрос, как же быть дальше. Ведь ясно, что совещание в Чиерне-над-Тисой не удалось. Ничего хорошего, кроме обострения с Чехословакией, оно не принесло. Чехи чувствуют себя победителями»²⁴.

На третий день Л.И. Брежнев из-за болезни не поехал на переговоры и остался в своем вагоне. А. Дубчек навестил его. «Советский лидер, — вспоминал он, — жалуется на усталость и головные боли»²⁵. Этот факт подтверждается и в мемуарах П.Е. Шелеста: «Л.И. Брежнев до крайности нервничает, теряется, его бьет лихорадка. Он жалуется на сильную головную боль и рези в животе»²⁶.

Однако именно эти неформальные переговоры между двумя лидерами в брежневском вагоне привели к важным устным договоренностям, благодаря которым встреча в Чиерне-над-Тисой завершилась обнадеживающим компромиссом. Историк Н.Н. Платошкин отмечает, что Брежнев и Дубчек договорились о следующем: 1) КПЧ восстановит прежний контроль над СМИ; 2) взаимная острая полемика на страницах СМИ будет немедленно прекращена; 3) будут распущены все антикоммунистические клубы и партии; 4) со своих постов будут удалены Ф. Кригель, Ч. Цисарж и руководитель чехословацкого телевидения И. Пеликан²⁷.

Тогда же Л.И. Брежнев предложил созвать новую встречу лидеров стран ОВД, но уже с участием Чехословакии. По настойчивой просьбе А. Дубчека местом встречи выбрали ЧССР, г. Братиславу.

---

²² Шелест П.Е. Указ. соч. С. 375.

²³ Дубчек А. Указ. соч. С. 207.

²⁴ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 397.

²⁵ Дубчек А. Указ. соч. С. 207.

²⁶ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 383–384.

²⁷ Платошкин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 519.

Совещание представителей шести стран ОВД (СССР, ГДР, Болгарии, ЧССР, Польши, Венгрии) состоялось 3 августа. Практически весь день ушел на выработку совместного документа.

Братиславское заявление было подписано всеми делегациями. В нем, в частности, подтверждались «общие закономерности социалистического строительства»; было заявлено, что «защита завоеваний социализма является общим интернациональным долгом всех братских партий»²⁸.

Решения двух вышеназванных совещаний породили надежду на политическое решение чехословацкой проблемы, казалось, что угроза военного вмешательства, о чем говорили на Варшавском совещании 14–15 июля, ликвидирована.

Однако чехословацким руководством результаты переговоров на этих двух совещаниях интерпретировались как победа КПЧ. Несмотря на данные А. Дубчеком устные обещания в Чиерне и принятие заявления в Братиславе, в общественно-политической жизни Чехословакии никаких ожидаемых руководством СССР и стран ОВД изменений не происходило. По-прежнему в чехословацких СМИ публиковались антисоветские материалы. Более того, их содержание стало еще более недружественным, газеты каждый день резко критиковали СССР²⁹. А. Дубчек не собирался также осуществлять кадровые изменения, о которых говорилось в «брежневском вагоне». Всё это не осталось незамеченным в Москве. По инициативе Л.И. Брежнева 9 августа состоялся телефонный разговор с А. Дубчеком. «Этим звонком, — сказал генсек ЦК КПСС, — я хотел напомнить о нашей договоренности в Чиерне-над-Тиссой, в Братиславе, хотел, чтобы ты понял, у нас зарождается некоторое беспокойство, что эти решения не находят исполнения». А. Дубчек очередной раз дал обещание: «Мы работаем над этими вопросами»³⁰.

После братиславской встречи антисоветская кампания в чехословацкой прессе усилилась. Этот вопрос 13 августа обсуждался даже на Политбюро ЦК КПСС. В принятом постановлении отмечалось, что в Чехословакии «ряд органов печати... антисоветские, антисоциалистические»; «особенно подстрекательскую роль играют “Литерарни листы”, “Млада фронта”, “Репортер”. Газета “Литерарни листы” от 8

---

²⁸ Постановление Политбюро ЦК КПСС «Об информации братских партий по итогам встречи в Чиерне-над-Тиссой и совещания в Братиславе. 13 августа 1968 г. // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. С. 192.

²⁹ *Платошкин Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 528; *Прозуменичиков М.* Указ. соч. С. 33.

³⁰ Запись телефонной беседы Генерального секретаря ЦК КПСС с Первым секретарем ЦК КПЧ А. Дубчеком. 9 августа 1968 г. // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. С. 187.

августа с.г. опубликовала статью “От Варшавы до Братиславы”, в которой политика соцстран приравнивается к гитлеровской политике»; «продолжает разрастаться шумная кампания в защиту выступления генерала Прхлика против Организации Варшавского договора»³¹.

Л.И. Брежнев продолжал свою «телефонную дипломатию», добиваясь от А. Дубчека реализации достигнутых договоренностей и рассматривая это как возможность избежать применения крайних мер, т.е. ввода войск. Вечером 13 августа между ними состоялся последний телефонный разговор, продолжавшийся 80 минут³². При этом генсек не стремился оказать давление на чехословацкого лидера. В процессе разговора он назвал его “Саша” 30 раз и только два раза — “Александр Степанович”.

Действительно, Л.И. Брежнев говорил в дружеском тоне: «Саша, я понимаю, что ты нервничаешь, я понимаю, что очень сложная для тебя ситуация. Но ты пойми, что я говорю с тобой как с другом, я хочу тебе только добра»³³.

Советский руководитель уже не в первый раз поставил перед А. Дубчеком вопрос о том, чтобы ЦК КПЧ взял под контроль все средства массовой информации: печать, радио, телевидение. Он убеждал собеседника в том, что СССР добросовестно выполняет Братиславское соглашение о прекращении критики в СМИ друг друга, а «что касается чехословацких средств массовой информации, то они продолжают беспрепятственно нападать на КПСС, на Советский Союз и дошли до того, что нападают на руководителей нашей партии»³⁴.

Л.И. Брежнев добивался от А. Дубчека решения кадровых вопросов: смещения с занимаемых должностей секретаря ЦК КПЧ Ч. Цисаржа, председателя Национального фронта Ф. Кригеля и руководителя чехословацкого телевидения И. Пеликана. «Если эти вопросы поставишь сегодня на Президиуме, еще можно, это последний шанс, спасти дело без больших издержек, без больших потерь. Хуже будет, когда эти потери будут крупными»³⁵.

---

³¹ «Об указании совпслу в Праге о недопустимости антисоциалистических и антисоветских публикаций в чехословацких средствах массовой пропаганды». Постановление ЦК КПСС. 13 августа 1968 г. // Чехословацкий кризис 1967–1968 гг. в документах ЦК КПСС. С. 167–169.

³² Беседа Л.И. Брежнева с А.С. Дубчеком об освещении средствами массовой информации Чехословакии Совещания в Чиерне-над-Тиссой и Братиславе, о выполнении договоренностей с чехословацкой стороной, достигнутых на этих совещаниях, о кадровых вопросах. 13 августа 1968 года // Чехословацкий кризис 1967–1968 гг. в документах ЦК КПСС. С. 851–861.

³³ Беседа Л.И. Брежнева с А.С. Дубчеком.... С. 855–856.

³⁴ Там же. С. 853.

³⁵ Там же. С. 854.

А. Дубчек же продолжал говорить на эту тему обтекаемо: «Мы обещали решать эти вопросы, и принимаем все меры к тому, чтобы их решать правильно». После такого ответа Л.И. Брежнев вынужден был прямо сказать: «Мне Политбюро поручило переговорить с тобой и спросить тебя конкретно, будешь ли ты сегодня решать кадровые вопросы или нет». И на этот прямой вопрос был дан уклончивый ответ: «Эти вопросы должен решать Пленум»³⁶.

После такого ответа советский руководитель достаточно откровенно дал понять, что «такое отношение к выполнению обязательств, принятых в Чиерне-над-Тиссой, создает совершенно новую ситуацию, ... и, вынуждает нас принимать новые самостоятельные меры». На это А. Дубчек ответил: «Товарищ Брежнев, принимайте все меры, которые ваше Политбюро ЦК считает правильными»³⁷.

Оценивая итоги телефонного разговора, российский историк М. Прозуменщиков пришел к выводу: «Фактически 13 августа Дубчек подписал себе и своей стране приговор»³⁸.

Не желая следовать договоренностям, которые были достигнуты в Чиерне-над-Тисой и Братиславе, А. Дубчек тем самым проявил и политическую незрелость, и недалекость. Выполнение этих договоренностей не вело чехословацких руководителей к отходу от их реформаторского курса. Но этот курс был бы более умеренным, следовательно, более управляемым и предсказуемым, и в стратегическом отношении выиграла бы и сама Чехословакия, и вся социалистическая система.

Однако А. Дубчек, ставший к августу 1968 г. символом «пражской весны», не хотел менять свой имидж либерального реформатора. Он оказался заложником либерально-радикальных сил, немалая часть которых занимала антисоветские позиции и требовала от него либеральных реформ. Они же требовали ослабления связей Чехословакии с СССР, считая его консервативной и тоталитарной страной.

Нужно заметить, что и сам Л.И. Брежнев в той ситуации оказался в очень трудном положении. Его креатура, Александр Дубчек, проводит политику, которая, с точки зрения советского руководства, ведет к ликвидации социалистических завоеваний в ЧССР и выходу страны из Варшавского договора. Так или иначе, Л.И. Брежнев чувствовал свою персональную ответственность за сложившуюся ситуацию. «Генсеку было ясно, — пишет С. Шаттенберг, — что его

---

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 855.

³⁸ Прозуменщиков М. Указ. соч. С. 34.

дни на этом посту (генерального секретаря ЦК КПСС. — М.П.) сочтены, если проводимая им политика в отношении ЧССР окажется несостоятельной»³⁹. Вовсе не случайно Л.И. Брежнев тогда произнес: «Если мы потеряем Чехословакию, я уйду с поста генерального секретаря!»⁴⁰.

Телефонные переговоры 13 августа окончательно убедили Л.И. Брежнева в том, что на «его Сашу» больше положиться невозможно. В Москве с тревогой следили за тем, что происходит в Чехословакии. Договоренности Чиерны и Братиславы не выполнялись, друзей и сторонников СССР третировали, а от критики КПЧ и СССР в печати противники социализма перешли уже к открытым антикоммунистическим демонстрациям в Праге⁴¹.

Ко второй половине августа военные приготовления для ввода войск были завершены. Но политическое решение принимать не торопились. Л.И. Брежнев еще раз попытался политическими методами воздействовать на чехословацкое руководство и разрешить опасную ситуацию. 16 августа Политбюро ЦК КПСС одобрило письмо А. Дубчеку, в котором был поставлен вопрос об удалении «правых» из руководства ЦК КПЧ. «Вы твердо заявили нам, — писал Л.И. Брежнев, — что Вами будут освобождены от обязанностей гг. Кригель, Цисарж, Пеликан... Президиум ЦК КПЧ не проявляет должной инициативы и решимости в выполнении договоренности между нами, тогда как все это является весьма важным для отпора правым антисоциалистическим и контрреволюционным элементам, для защиты КПЧ и завоеваний социализма в Чехословакии»⁴².

К этому времени советское руководство окончательно пришло к выводу о необходимости применения военной силы. 17 августа состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПСС под председательством Л.И. Брежнева, на котором было принято постановление «К вопросу о положении в Чехословакии». В нем отмечалось: «Правые элементы ... поставили под угрозу социалистические завоевания чехословацких трудящихся, судьбу Чехословацкой Социалистической Республики... наступил момент для применения активных мер по защите социализма в ЧССР. Политбюро ЦК КПСС... единодушно решает: оказать Коммунистической

---

³⁹ Шаттенберг С. Указ. соч. С. 455.

⁴⁰ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 149.

⁴¹ Платошкин Н.Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 547.

⁴² «К вопросу о положении в Чехословакии». Постановление Политбюро ЦК КПСС. 16 августа 1968 г. // «Пражская весна» и международный кризис. Документы. С. 210–211.

партии и народу Чехословакии помощь и поддержку вооруженными силами»⁴³.

Вопрос о введении войск советское руководство должно было обсудить с лидерами стран ОВД и принять согласованное решение. 18 августа в Москву были приглашены В. Ульбрихт, В. Гомулка, Т. Живков, Я. Кадар. На этом совещании пять государств окончательно приняли решение о вводе войск в Чехословакию⁴⁴.

Для принятия подобного решения имелись и формальные основания. Представители руководства ЦК КПЧ В. Биляк, Д. Кольдер, О. Швестка, А. Капек, А. Индра подписали письмо с обращением об оказании советской помощи. Оно было передано 3 августа 1968 г. во время братиславской встречи членом чехословацкой делегации В. Биляком члену советской делегации П.Е. Шелесту⁴⁵ и стало известно как «письмо-приглашение».

С военной точки зрения ввод войск пяти стран ОВД в Чехословакию 21 августа 1968 г. был успешным. Но политически операция провалилась в первый же день. Немалая часть чехословацкого общества, в том числе и членов КПЧ, стала рассматривать ввод войск как оккупацию их страны. «Здоровые силы», на которые рассчитывали в СССР и других странах ОВД, оказались в полной изоляции. Ни о каком образовании «революционного правительства», о котором говорилось до ввода войск, теперь и речи не было. Чехословацкие руководители отказались объявлять о создании подобного правительства, более того, не было сделано никаких официальных политических заявлений о поддержке советских войск.

В сложившейся ситуации переговоры пришлось вести с теми, кого собирались отстранить от власти, — с А. Дубчек, О. Черником, Й. Смирковским и другими, все они были доставлены в Москву. В то же время, по согласованию с советским руководством с рабочим визитом в Москву прибыл президент ЧССР Людвиг Свобода. Как вспоминал А. Дубчек, «он прибыл в Москву добровольно. Это было его собственным решением»⁴⁶.

---

⁴³ «К вопросу о положении в Чехословакии». Постановление Политбюро ЦК КПСС. 17 августа 1968 г. // Чехословацкий кризис 1967–1968 гг. в документах ЦК КПСС. С. 184–185.

⁴⁴ См.: Стенограмма совещания в Москве представителей коммунистических и рабочих партий Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики и Союза Советских Социалистических Республик. 18 августа 1968 г. // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. С. 232–253.

⁴⁵ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 401–403; Кто пригласил в Прагу советские танки? Новые документы о событиях августа 68-го // Известия. 1992. 18 июля. С. 1, 7.

⁴⁶ Дубчек А. Указ. соч. С. 217.

Л.И. Брежнев воспринимал А. Дубчек как человека, лично его предавшего. По свидетельству участника московских переговоров Зденека Млынаржа, «Брежнев был искренне возмущен тем, что Дубчек не оправдал его доверия... “Я тебе верил, я тебя защищал перед другими, — упрекал он А. Дубчека. — Я говорил, что наш Саша все-таки хороший товарищ. А ты нас всех так жутко подвел!”»⁴⁷.

Трудные и напряженные трехдневные переговоры в Москве 23–26 августа 1968 г. завершились подписанием секретного протокола и коммюнике для печати. В протоколе указывалось, что в Чехословакии происходил «антисоциалистический переворот»⁴⁸. В коммюнике было зафиксировано, что «... в нынешней обстановке главное состоит в осуществлении принятых в Чиерне-над-Тиссой совместных решений, сформулированных Совещанием в Братиславе положений и принципов...»⁴⁹.

На московских переговорах Брежнев убеждал чехословацкую делегацию: «Именем погибших во второй мировой войне — отдавших свои жизни и за вашу свободу, мы имеем полное право направить в вашу страну войска, чтобы чувствовать себя в безопасности в наших общих границах»⁵⁰. В Кремле не стали принимать решений о смещении лидеров «пражской весны», хотя практически всех их называли до этого «правыми» и утверждали, что их реформы несут угрозу социализму в стране. Все они вернулись в Прагу, сохранив свои прежние посты. Александр Дубчек оставался первым секретарем ЦК КПЧ, Олдржих Черник — премьер-министром ЧССР, Йозеф Смрковский — председателем Национального собрания ЧССР, Людвиг Свобода — президентом ЧССР.

Л.И. Брежнев фактически их же руками стал «гасить» чехословацкие радикальные реформы, что вело к дискредитации этих политиков в глазах чехословацкого общества, особенно его радикальной части. По приезде из Москвы руководители ЧССР выступали по радио и телевидению. Чешский историк И. Вондрова пишет в этой связи: «Первые сообщения о результатах московских переговоров вызвали возмущение общественности. Резкое изменение позиций обозначили выступления четырех политиков — Свободы, Дубчека, Черника, Смырковского. Особое впечатление произвело выступление Дубчека вечером 27 августа. Ему удалось при помощи дезин-

---

⁴⁷ Млынарж Зд. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 266.

⁴⁸ Там же. С. 268–269.

⁴⁹ Коммюнике о советско-чехословацких переговорах // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. С. 325.

⁵⁰ Млынарж Зд. Указ. соч. С. 268.

формации и явно невыполнимых обещаний постепенно успокоить партию»⁵¹.

В период «чехословацкого кризиса», как тогда в СССР называли происходящее в ЧССР, на Л.И. Брежнева как генерального секретаря ЦК КПСС легла огромная ответственность. Из сложившейся ситуации нужно было выйти без серьезных издержек для Советского Союза, Организации Варшавского договора, да и для него самого. Все принципиальные вопросы, связанные с Чехословакией, он стремился решать коллегиально. Постоянно советовался с руководителями стран ОВД, организовывал совместные совещания, где вырабатывалась общая позиция.

В этот период «чехословацкий вопрос» часто обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК КПСС и принимались постановления. Даже телефонные переговоры с А. Дубчеком предварительно обсуждались на Политбюро.

Несмотря на коллективно принимаемые решения, главная ответственность, конечно, ложилась на генерального секретаря. Можно сделать вывод, что чехословацкие события непосредственным образом влияли на политическое будущее Л.И. Брежнева. Выход ЧССР из Варшавского договора означал бы, что при нем СССР не сумел сохранить единство этой организации, что могло бы сказаться на обороноспособности не только СССР, но и других стран ОВД. В этом случае политическое будущее Л.И. Брежнева как генерального секретаря могло бы быть поставлено под вопрос. И он это, несомненно, очень хорошо понимал.

Несмотря на то что Чехословакия была членом ОВД, нужно было найти убедительное объяснение для мировой общественности, в особенности социалистических стран, почему в суверенное государство были введены войска. Уже 26 сентября 1968 г. в «Правде» была опубликована статья «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран». В ней обосновывался тезис о правомерности оказания интернациональной помощи стране, в которой возникла угроза социализму⁵².

Официальная позиция КПСС в этом вопросе была изложена Л.И. Брежневым в Варшаве на V съезде ПОРП 12 ноября 1968 г.: «Когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности

---

⁵¹ Вондрова И. «Пражская весна» 1968 года и гражданское общество // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива). М., 2010. С. 81–82.

⁵² См.: Правда. 1968. 26 сентября. С. 4.

социалистического содружества в целом, — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран»⁵³. Этот принцип использовался советским руководством не только для защиты социализма в той или иной стране социалистического содружества, но и для укрепления геополитического положения СССР.

В западных странах провозглашенную политику персонифицировали с именем советского руководителя, она получила название «доктрина Брежнева».

До сих пор не существует однозначного ответа на вопрос, можно ли было предотвратить ввод войск в ЧССР. Многочисленные документы показывают, что руководство СССР, особенно Л.И. Брежнев, рассматривало это как крайнюю меру и не спешило с принятием подобного решения. От чехословацких руководителей, в первую очередь от А. Дубчека, добивались разумного компромисса, который мог стать реальной альтернативой вводу войск. Однако ни о каком компромиссе там слышать не хотели. А. Дубчек постоянно давал обещания, но не выполнял их.

В Москве не без оснований считали, что в ЧССР может произойти ликвидация социализма и выход ее из Варшавского договора, что для СССР и других стран ОВД было абсолютно неприемлемо. Это могло бы привести к нарушению баланса сил на Европейском континенте в пользу НАТО.

Вполне правомерным будет вывод о том, что ответственность за ввод войск в Чехословакию 21 августа 1968 г. несут не только руководители пяти стран ОВД, но и чехословацкое руководство, в руках которого было много политических возможностей, чтобы его предотвратить.

References

1968 god. "Prazhskaya vesna": 50 let spustya. Ocherki istorii [1968. "The Prague Spring": 50 Years Later. Essays on History] / Ed. by T.V. Volokitina. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 368 p.

Aleksandrov-Agentov A.M. *Ot Kollontay do Gorbacheva* [From Kollontai to Gorbachev]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1994. 304 p.

Pikhoya R.G. *Chekhoslovakiya, 1968 god. Vzglyad iz Moskvy: po dannym TSK KPSS* [Czechoslovakia, 1968. A View from Moscow: According to the Data from the Central Committee of the CPSU] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1995. N 1. P. 3–14; N 6. P. 3–20.

Platoshkin N.N. *Vesna i osen' chekhoslovatskogo sotsializma. Chekhoslovakiya v 1938–1968 gg.* [The Spring and Autumn of Czechoslovak Socialism. Czechoslovakia

---

⁵³ Речь товарища Л.И. Брежнева // Правда. 1968. 13 ноября. С.1–2.

in 1938–1968]. In 2 parts. Part 2. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016. 576 p.

“Prazhskaya vesna” i mezhdunarodnyy krizis 1968 goda: stat’i, issledovaniya, vospominaniya [“The Prague Spring” and the International Crisis of 1968: Articles, Research, Memoirs] / Ed. by N.G. Tomilina, S. Kerner, A.O. Chubar’yan. Moscow: MFD, 2010. 528 p.

Prozumenshchikov M. “... Vy poymite, chto my ne imeli drugogo vykhoda”. *Problemy razrabotki i prinyatiya resheniy vysshim sovetskim rukovodstvom v khode chek-hoslovatskogo krizisa 1968 goda* [“...You Understand That We Had No Other Choice”. Problems of Development and Decision-Making by Top Soviet Leadership during the Crisis in Czechoslovakia in 1968] // “Prazhskaya vesna” i mezhdunarodnyy krizis 1968 goda: stat’i, issledovaniya, vospominaniya [“The Prague Spring” and the International Crisis of 1968: Articles, Research, Memoirs] / Ed. by N.G. Tomilina, S. Kerner, A.O. Chubar’yan. Moscow: MFD, 2010. P. 18–48.

Schattenberg S. *Leonid Brezhnev. Velichiye i tragediya cheloveka i strany* [Leonid Brezhnev. The Greatness and Tragedy of Man and Country]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. 623 p.

Stykalin A.S. “Doktrina ogranichennogo suvereniteta” v vostochnoyevropeyskoy politike SSSR i yeye peresmotr (1956–1989 gg.) [“The Limited Sovereignty Doctrine” in East European Policy of the USSR and its Revision (1956–1989)] // *Novoye proshloye. The New Past*. 2019. N 3. P. 60–79.

Vondrova I. “Prazhskaya vesna” 1968 goda i grazhdanskoye obshchestvo [“Prague Spring” of 1968 and Civil Society] // 1968 god. “Prazhskaya vesna”. *Istoricheskaya retrospektiva: sbornik statey* [1968. “The Prague Spring”. Historical Retrospective: A Collection of Articles] / Ed. by T.V. Volokitina, G.P. Murashko, A.S. Stykalina. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 60–86.

Yazhborovskaya I.S. “Sotsialisticheskoye sodruzhestvo” i “doktrina Brezhneva” [“Socialist Commonwealth” and “Brezhnev Doctrine”] // *Voprosy istorii*. 2013. N 9. P. 3–19.

Поступила в редакцию
4 сентября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-138-164

Д.М. Бондаренко

**ПАМЯТЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ, БОРЬБА
С РАСИЗМОМ И АМЕРИКАНСКАЯ НАЦИЯ:
КОНЕЦ 2010-х — НАЧАЛО 2020-х гг.**

D.M. Bondarenko

**CIVIL WAR MEMORY, ANTI-RACISM,
AND THE AMERICAN NATION:
LATE 2010s — EARLY 2020s**

Аннотация. В основе статьи — материалы, собиравшиеся автором на протяжении многих лет в 28 больших и малых городах 14 штатов США и в столичном округе Колумбия. Ее цель — показать, как историческая (иначе — культурная или социальная) память о Гражданской войне (войне Севера и Юга) 1861–1865 гг. и связанной с ней отмене рабства проявляет себя как фактор антирасистского движения, новая волна которого охватила страну в последние годы. Обращается внимание на трансформации памяти о Гражданской войне, вызванные меняющимися представлениями об истории, сущности и социокультурных границах американской нации. Суть этих изменений — в утверждении взгляда на американскую нацию как на включающую в себя и белых, и черных ее представителей на равных основаниях. За этим стоит и изменение восприятия Гражданской войны как ключевого момента в становлении американской нации: если ранее война Севера и Юга виделась войной между белыми северянами и белыми

Бондаренко Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Африки Российской академии наук, Центр истории и культурной антропологии

Bondarenko Dmitri Mikhaylovich, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Center of History and Cultural Anthropology

dmitrimb@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2020-3553

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00075 «“Черное наследие”: историческая роль африканцев и их потомков в культурной памяти США».

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research under research project no. 20-09-00075, “‘Black Heritage’: The Historical Role of Africans and Their Descendants in the Cultural Memory of the United States”.

южанами, то теперь все чаще подчеркивается активная роль в ней черных американцев. В то же время различия в исторической памяти о Гражданской войне и отмене рабства, сохраняющиеся на Севере и Юге страны, позволяют обосновать положение о том, что социокультурное деление американского общества на северян и южан не исчезло по сей день. Также в статье подчеркивается, что не просто расовая дихотомия, но расовое неравенство было заложено в самую основу американской нации в период ее формирования. Этот факт заставляет задаться вопросом, искореним ли в принципе в США так называемый системный (иначе — структурный, институциональный или социальный) расизм, несмотря на очевидное изменение к лучшему положения черного сообщества в период после победы Движения за гражданские права черных 1954–1968 гг.

Ключевые слова: историческая память, коммеморация, отмена рабства, расизм и антирасизм, африкано-американцы, формирование нации, Север и Юг США.

Abstract. This article is based on materials collected by the author over many years in 28 cities and towns in 14 U.S. states and the District of Columbia. He aims to show how the historical (aka cultural or social) memory of the Civil War (War of the North and the South) from 1861 through 1865, and the corresponding abolition of slavery become a factor in the anti-racist movement that has swept the country again in recent years. Attention is drawn to transformations in the Civil War memory associated with changing perceptions of the history, essence, and sociocultural boundaries of the American nation. The essence of these changes is the affirmation of a view of the U.S. nation as the entity that includes both whites and blacks on an equal footing. It has also changed the perception of the Civil War as a key moment in the formation of the American nation: whereas previously the War of the North and the South was seen as a war between Northern whites and Southern whites, it has increasingly emphasized the active role of black Americans. At the same time, the differences in the historical memory of the Civil War and the abolition of slavery that persist in the North and the South allow the author to argue that the sociocultural division of U.S. society into Northerners and Southerners has not disappeared to this day. The article also highlights that not just racial dichotomies, but racial inequalities were embedded in the very foundation of the American nation at the time of its formation. This fact raises the question of whether so-called systemic (otherwise structural, institutional, or social) racism is in principle eradicable in the United States, despite the obvious change for the better in the black community since the victory of the black civil rights movement of 1954–1968.

Keywords: historical memory, commemoration, abolition of slavery, racism and anti-racism, African-Americans, nation building, U.S. North and South.

* * *

«Патриотизм, который не отражен в прошлом, непочтен, потому что нация, в точности как и индивид, и *есть* его история. ... Каждая ценная идея относительно государства или нации требует

знания и понимания ее истории», — писал Й. Хёйзинга¹. Историческая (иначе — культурная, или социальная) память граждан прямо влияет на их национальную идентичность, и ее «реформативное», изменение содержащихся в ней исторических акцентов и оценок ведет к изменению идентичности нации. Историческая память — не «дословная цитата», не «слепок» и не «фотография» подлинной истории. Конструируемое и реконструируемое разнообразными идеологами, с одной стороны, и с каждым поколением вновь и вновь пропускаемое через фильтр народного, общественного сознания — с другой, прошлое в итоге причудливо преломляется и даже нередко искажается в нем. Ведь суть вопроса не в том, «... как прошлое репрезентируется, ... а как оно принимается, перерабатывается или отрицается»². С точки зрения социального конструктивизма, история есть особая часть мира каждой отдельно взятой социокультурной общности, представляющая собой результат социальных процессов отбора, запоминания и забвения. Поэтому история никогда не бывает «нейтральной». «Использование памяти для [конструирования] идентичности сообщества (от такого маленького, как несколько человек, до такого большого, как нация) высвечивает саму политическую природу истории и памяти»³. Как писал Э.Л. Айерс, «память более политически заряжена, чем почти всё, о чем историки могут сейчас говорить»⁴. Таким образом, историческая память не может не играть роль в формировании и трансформациях нации.

Д. ЛаКапра пишет об «... основывающей, или основополагающей, травме; травме, которая несет мощный аффективный заряд и может быть идеологически трансформирована или переоценена», которая создает тот или иной народ, порождая его «миф о происхождении» и духовно скрепляя его воедино, и остается с ним навсегда, давая о себе знать периодическими обострениями⁵. Если основывающий миф донациональных общностей имел много общего с собственно мифом, можно даже сказать, был его разновидностью (происхождение народов связывалось с деятельностью первопредков, божеств, вымышленных героев, с миграциями, которых на

¹ *Huizinga J.J. Dutch Civilization in the Seventeenth Century and Other Essays.* New York; Evanston, 1968. P. 105–137 (выделено автором. — Д.Б.).

² *Tamm M. Memory // The Routledge Companion to Historical Theory / Ed. by C. van den Akker.* Abingdon; New York, 2022. P. 544.

³ *Tallentire J. Strategies of Memory: History, Social Memory, and the Community // Histoire sociale / Social History.* 2001. Vol. 34. N 67. P. 199.

⁴ *Ayers E.L. Memory and the South // Southern Cultures.* 1995. Vol. 2. N 1. P. 6.

⁵ *LaCapra D. Understanding Others: Peoples, Animals, Pasts.* Ithaca; London, 2018. P. 106.

самом деле не могло быть, и т.п.), то основывающий миф наций — в своей основе исторический. В нем находит выражение осознанное или неосознанное стремление к «детравматизации» — преодолению негативных последствий — травматического исторического опыта⁶, попытка обернуть его на пользу нации, сделав исторической и духовной точкой отсчета ее существования как социокультурной общности. Основывающий миф нации историчен в том смысле, что отталкивается от реальных исторических событий. При этом он упрощает реальную историю, редуцируя многофакторность ее хода до одного фактора — национального⁷. Мифом же его можно называть потому, что эти отобранные общественным сознанием исторические события в нем романтизируются и героизируются. В результате формируется героико-патриотическое истолкование истории народа и его места в истории всемирной в рамках ее национальной (данной нации) концепции. И трактовка исторических фактов по сути действительно оказывается важнее самих фактов. Основывающий миф фиксирует во времени и привязывает к знаменательным событиям момент рождения нации, эксплицирует приписываемые ею себе как целому и как совокупности индивидов черты и ценности, придающие нации единство. Этот миф определяет и вектор социокультурного развития нации после ее сложения. Все нации, в том числе давно сформировавшиеся, должны постоянно во имя сохранения целостности поддерживать и модифицировать, в зависимости от меняющихся местных и глобальных условий, базовые нарративы своих национальных историй, восходящие к основополагающим мифам.

В процессе конструирования и последующих трансформаций нации официальный — освященный государством и инкорпорированный в утверждаемую им идеологию — дискурс исторической памяти приходит во взаимодействие с ее народными дискурсами, которые концептуализируют нацию через свое осмысление прошлого страны — не через усвоение внушаемых всему обществу государством с помощью учебников, СМИ и т.д. образа и содержания национальной истории, а на основе собственной памяти людей, доходящих до них через десятилетия и столетия устных рассказов и т.п. В определении представлений индивида о прошлом его страны, на-

---

⁶ Tense Past: Cultural Essays in Trauma and Memory / Ed. by P. Antze, M. Lambek. New York, 1996; Рюзен И. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 38–62.

⁷ Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. N 1. P. 74–77; *Idem*. Agonistic Democracy and the Politics of Memory // Constellations. 2008. Vol. 15. N 1. P. 151–153.

рода, общества большую роль играет то, к какому социальному слою, этнокультурной группе, поколению он принадлежит. Во многом с этим связана гетерогенность народной социальной памяти. Официальная политика памяти стремится внедрить в сознание людей единую концепцию прошлого народа, страны как априорных целостностей; народное же видение истории многообразно, поскольку неоднородно само общество.

Таким образом, цельная официальная модель исторического прошлого страны взаимодействует со множеством ее народных моделей. Официальная и народные версии истории могут в каких-то ситуациях конфликтовать в сознании людей, требуя сделать выбор в пользу одной из них, а могут сосуществовать в нем, не вызывая у носителей сознания ощущения противоречия, даже если с рациональной точки зрения противоречие между версиями существует (что, конечно, имеет место не всегда). То есть неверно было бы полагать, что в обществе не складывается его собственное коллективное видение своего прошлого, настоящего и будущего (точнее, видения представителей разных групп населения — этнорасовых, социальных и др.), что общество выступает всего лишь пассивным реципиентом национальной идеологии государства: создавая свои нарративы прошлого, общество создает и свои, отличные от официального, образы сегодняшнего и завтрашнего себя как нации. Так «память делает культурное политическим, политическое — культурным; память заставляет нынешние конфликты вращаться вокруг вопросов о прошлом»⁸.

Для американского общества в ситуации нынешнего социокультурного кризиса, «когда идентичность становится сомнительной» и вследствие этого «повышается ценность памяти»⁹, оказалась особенно важна коллективная культурная память об одном из ключевых событий в истории страны, с которым принято связывать рождение американской нации, — о Гражданской войне 1861–1865 гг., иначе именуемой Войной Севера и Юга. «Хотя большинство американцев не могут назвать даты Гражданской войны, не говоря уже о ключевых фигурах или сражениях с какой-либо из сторон, многие ощущают эмоциональную связь с событием, ставшим самым кровопролитным конфликтом, когда-либо произошедшим на американской земле»¹⁰.

---

⁸ Ayers E.L. Op. cit. P. 6.

⁹ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 138; см. также: Megill A. History, Memory, Identity // History of the Human Sciences. 1998. Vol. 11. N 3. P. 37–62.

¹⁰ Owley J., Phelps J. Understanding the Complicated Landscape of Civil War Monuments // Indiana Law Journal. 2018. Vol. 93. N 5. P. 16.

Рождение американской нации в горниле Гражданской войны долгое время рутинно понималось как интеграция в единую нацию не всех американцев — белых и черных, а белых северян и белых же южан. Изменения в исторической памяти о Гражданской войне говорят и об изменении восприятия многими американцами своей нации. Утверждение нации — это процесс определения и сохранения ее границ; не только в буквальном — географическом, международно-правовом, но и в переносном — ментальном, социокультурном смысле слова. Как и любая другая (родственная, этническая, региональная, религиозная и т.д.), национальная «коллективная идентичность» производится социальным конструированием границ¹¹. То есть нация не только объединяет людей в сообщество, но и отделяет их как членов этого сообщества от всего остального человечества. «Существование проблемы национальной идентичности в свою очередь означает существование политики отчуждения»¹². Необходимо подчеркнуть, что это конструирование не волюнтаристично и не произвольно, а осуществляется в контексте истории той или иной общности, в том числе — путем переосмысления ею своего прошлого по мере смены исторических эпох.

Начало изменения восприятия американской нации как исключительно белой пришлось на время Движения за гражданские права 1954–1968 гг.¹³ Однако только в наши дни, в условиях нового колоссального подъема антирасистского движения, неудача попытки внедрить в общественное сознание объединяющий исторический нарратив о Гражданской войне именно потому, что он предполагал конструирование нации как объединения лишь господствовавшей белой части американского социума, привела к глубокому социокультурному национальному кризису, заставляющему немало ученых, обозревателей, общественных и политических деятелей предвещать стране в более или менее близком будущем новую гражданскую войну¹⁴. «Многое в последних событиях вокруг коммеморации Гражданской войны можно объяснить осознанием факта, что в период того конфликта афроамериканцы и другие меньшинства не были включены в американскую нацию, и теперь этот конфликт теряет

¹¹ *Preyer G., Bös M.* Introduction: Borderlines in Time of Globalization // *Proto-Sociology*. 2001. Vol. 15. P. 7.

¹² *Idowu W.O.O.* Citizenship, Alienation and Conflict in Nigeria // *Africa Development*. 1999. Vol. 24. N 1–2. P. 48.

¹³ *Курилла И.И.* Переосмысление Гражданской войны в современном американском обществе // *Американский ежегодник*. 2021 / Под ред. В.В. Согрина. М., 2021. С. 341–342.

¹⁴ См. подробное изложение и рассмотрение этого взгляда в его различных вариантах: *Анон*. Second American Civil War. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Second_American_Civil_War (дата обращения 09.09.2022).

свое значение в качестве создающего нацию события. ... Сосуществование в одной стране двух исторических мифов об одном и том же событии было платой за восстановление гражданского мира после кровопролитной войны. ... Однако у этого компромисса была своя цена: он исключал из общей истории войны черных американцев»¹⁵. Не случайно некоторые белые американцы, придерживающиеся либеральных взглядов, говорили нам, что для них со школьных лет черное наследие ассоциируется в первую очередь с Гражданской войной. В этом проявляется себя формирующийся новый исторический нарратив рождения американской нации как важнейшего итога Гражданской войны — нарратив, в котором на протяжении второй половины XX — первых десятилетий XXI в. находится все более видное место для африкано-американцев и который призван изменить все еще сохраняющуюся ситуацию, когда, по словам белой сотрудницы одного из университетов, «в этой стране тебе всегда предлагается взгляд с позиции белых и не предлагается с позиции черных». Как рассказывали многие наши респонденты, черному наследию ныне уделяется больше внимания в школьных программах, чем несколько десятилетий назад, но и сегодня оно изучается недостаточно. Однако Гражданская война в связи с отменой рабства — одно из немногих исторических событий, связанных с черными американцами, которые проходят обязательно¹⁶. Некоторые собеседники при этом специально подчеркивали, что сведение истории черных американцев к угнетению и борьбе с ним обедняет и искажает ее.

Таким образом, до второй половины XX в. африкано-американцы представляли скорее объектами, нежели субъектами истории Гражданской войны, которая виделась по обе стороны ныне незримой границы между Севером и Югом по-разному, но объединял их взгляд на нее как на войну двух белых сообществ. Процесс изменения этого взгляда охватил период от середины XX в. до наших дней. Так через историческую память оказались взаимосвязанными три ключевых момента борьбы черных американцев, после каждого из которых их права расширялись, а место в обществе становилось более достойным и значимым: Гражданская война, Движение за гражданские права и движение «Черные жизни имеют значение» (BLM). Первый из этих исторических моментов, Гражданская война, был теснейшим образом связан с вопросом о рабстве черных жителей Соединенных Штатов. По мнению некоторых исследователей, именно к ее времени

¹⁵ Журилла И.И. Указ. соч. С. 339, 341.

¹⁶ См. также: Александров Г.В. Законодательное регулирование Critical Race Theory и политика памяти в США // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2022. № 5. С. 156.

восходит столь ярко проявлявшаяся в два последующих момента радикальная традиция борьбы африкано-американцев за свои права¹⁷. С середины же 1990-х гг. в США наблюдается очевидный взлет общественного интереса к истории работорговли и рабства в стране, в том числе среди белых американцев либеральных взглядов, выразившийся в открытии множества новых памятников, мемориалов и музеев, в проведении выставок, появлении целого ряда радио- и телепередач, интернет-сайтов, художественных и научно-популярных книг и т.д. Для самих африкано-американцев же память о рабстве предков — важнейший фактор идентичности, ведь для многих из них «родовая травма» работорговли и рабства — веков унижения, страдания и борьбы — по сей день в огромной степени определяет мироощущение, социальное поведение и отношение к другим этно-расовым сообществам страны¹⁸.

События конца 2010-х — начала 2020-х гг., связанные с новым витком антирасистского движения, показали всю глубину влияния культурной памяти о Гражданской войне и отмене рабства на сегодняшнее американское общество, на политическую жизнь в стране. В ходе этих событий родилась «культура отмены» (*cancel culture*), в основу которой легли принципиальный отказ от рассмотрения истории страны вне нынешнего политического контекста и открытое требование привести коммеморацию прошлого в соответствие с утверждающейся сегодня идеологией. С точки зрения темы данной статьи, утверждение «культуры отмены» означает неудачу осуществлявшейся в США на протяжении более столетия попытки утвердить в обществе объединяющий исторический нарратив о Гражданской войне, потому что создававшее его государство не смогло вовремя и адекватно отреагировать на рост в наши дни общественной роли тех групп населения, которые этот нарратив, направленный в первую очередь на примирение белых северян и южан, не охватывал в должной мере, прежде всего — африкано-американцев¹⁹.

---

¹⁷ Ахметшин Р.И. Радикальные течения в движении афроамериканцев за гражданские права и свободы во второй половине XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. С. 21, 24.

¹⁸ Akbar N. Chains and Images of Psychological Slavery. Jersey City, 1984; Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Cambridge, 2001; Idem. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // Cultural Trauma and Collective Identity / Ed. by J.C. Alexander. Berkeley (CA), 2012. P. 60–111; Бондаренко Д.М. Оттенки черного: культурно-антропологические аспекты взаимовосприятия и взаимоотношений африкано-американцев и мигрантов из стран субсахарской Африки в США. М., 2016.

¹⁹ Белов С.И. Объединяющий нарратив истории Гражданской войны в США как элемент политики памяти // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 11. С. 46–59.

Нерешенность по сей день расовой проблемы и на Севере, и на Юге очевидна даже более полувека спустя после победы Движения за гражданские права 1954–1968 гг., приведшей к отмене законов, обеспечивавших расовую сегрегацию, и к признаваемому практически всеми, в том числе самими африкано-американцами, улучшению положения и расширению социальных возможностей черных граждан страны. О сохранении проблемы расизма и расового неравенства говорят не только научные исследования самого последнего времени²⁰. О том же красноречиво свидетельствуют участвовавшие в последние годы и в северных, и в южных штатах акты расового насилия — убийства белыми полицейскими черных граждан, вооруженные нападения белых расистов на черных американцев. Но расизм проявляет себя не только в таких громких событиях, но и, например, в каждодневной, рутинной дискриминации «людей цвета» (*people of color*), в частности, той же полицией, сотрудники которой, как показывают исследования, склонны останавливать таких людей без реальных оснований гораздо чаще, чем белых, т.е. заведомо считают их более склонными к правонарушениям, в том числе в северном городе Нью-Йорке²¹. В основе этого лежит «расовое профилирование» (*racial profiling*) — стремление защитить себя и окружающих от угрозы, якобы исходящей от человека другой расы (или этничности, религии и т.п.), безотчетная вера в реальность которой основана на расовых (этнических, религиозных и т.д.) стереотипах²².

В США расовая проблема, очевидно, в принципе до конца неискоренима, поскольку с момента, когда первые черные рабы были привезены в Северную Америку в 1619 г., и по сей день американское общество основывается на расовой дихотомии, имеющей

---

²⁰ См., например: *Ojukwu C., Oni E.O.* Multiculturalism, Racialism and the Dilemma of the African-American in the Twenty-First Century // *Afrika: Journal of Politics, Economics and Society*. 2017. Vol. 7. N 1. P. 111–126; *Bonilla-Silva E.* Racism without Racists. Color-Blind Racism and the Persistence of Racial Inequality in America. Lanham (MD), 2018; *Horowitz J.M., Brown A., Cox K.* Race in America 2019 // Pew Research Center. 2019. — URL: <https://www.pewsocialtrends.org/2019/04/09/race-in-america-2019/> (дата обращения 11.04.2019); *Asante M.K.* Radical Insurgencies. New York, 2020. P. 49–68; Special Section: Anthropology of White Supremacy / Ed. by A. Beliso-De Jesús J.P. // *American Anthropologist*. 2020. Vol. 122. № 1. P. 65–162; *Hyatt S.* Black Lives Matter and the Public Rediscovery of Structural Racism // *Anthropology News*. 2021. Vol. 62. N 6. — URL: <https://scholarworks.iupui.edu/bitstream/handle/1805/29881/Hyatt2021BLM-AAM.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения 28.12.2022).

²¹ *Toobin J.* Rights and Wrongs // *The New Yorker*. May 27, 2013. P. 36–43.

²² *Harrison F.V.* Racial Profiling, Security, and Human Rights. — URL: https://www.academia.edu/39047813/Racial_Profiling_Security_and_Human_Rights?auto=download (дата обращения 28.12.2022).

асимметричный характер. Автор данной статьи пришел к этому выводу, исследуя на протяжении многих лет (особенно интенсивно — в 2013–2015, 2018 и 2022 гг.) африкано-американское сообщество и его место в американском социуме в прошлом и настоящем в различных историко-географических регионах США в 28 больших и малых городах 14 штатов — Алабамы, Виргинии, Джорджии, Иллинойса, Калифорнии, Коннектикута, Массачусетса, Миннесоты, Миссури, Нью-Йорка, Пенсильвании, Северной Каролины, Техаса и Южной Каролины — и в округе Колумбия (г. Вашингтоне). «... Мы можем представить себе антагонистическое разграничение — между чернотой (*Blackness*) как социальной смертью вне гражданского общества и не-чернотой (*non-blackness*) как гражданской жизнью внутри гражданского общества. ... Абсолютность этой границы также отражается в том, как она, как предполагается, выдержала любые попытки изменить ее положение или структуру со времени ее проведения как части трансатлантической работорговли»²³. Декларация независимости США основывалась на презумпции, что «все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами...»²⁴. Однако изначально само собой подразумевалось, что создание американской нации на основе принципа *e pluribus unum* («из многих — единое», девиз США) возможно только при господстве и усилиями белых американцев как высшего воплощения идеалов, зафиксированных в Декларации независимости и других официальных и неофициальных документах. Достаточно вспомнить, что рабство черных существовало в США еще почти 90 лет после принятия Декларации независимости — до конца Гражданской войны. Американская нация долго виделась как нация белых, в своей основе — не просто белых, а белых протестантов. Они образовывали ее «центр», определяли системоценностные принципы ее существования. «Периферию» нации составляли другие белые — не-протестанты. Черные американцы же попросту «выводились за скобки» — не воспринимались как члены нации, хотя и участвовали во всех важных событиях и процессах в ее истории.

То есть превосходство белых (*white supremacy*) виделось залогом успеха в построении американского общества, было заложено в его

---

²³ *Gleich P., von. Fugitivity against the Border: Afro-Pessimism, Fugitivity, and the Border to Social Death // Critical Epistemologies of Global Politics / Ed. by M. Woons, S. Weier. Bristol, 2017. P. 206, 207.*

²⁴ Цит. по: Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. М., 1993. С. 25.

концепцию²⁵. Это превосходство и в наши дни продолжает держаться на асимметричной расовой дихотомии — и вопреки антирасистским личным взглядам большей доли сегодняшних граждан страны, и несмотря на избрание и переизбрание в наше время черного президента, и на то, что уже много десятилетий этнокультурный состав населения США никак не сводим к «черно-белой» дихотомии, и сегодня, в частности, африкано-американцы по численности уступают выходцам из Латинской Америки, и на то, что обществу через систему образования и просвещения (например, посредством соответствующей организации музейных экспозиций о населении США и всего мира) пытаются привить представление о том, что, как утверждал еще более 70 лет назад американский культурный антрополог К.К.М. Клякхон (а с середины 1970-х гг. — влиятельная в американских науке и левых общественных кругах, особенно связанных с системой образования, критическая расовая теория, *critical race theory*)²⁶, «раса — современный миф»²⁷, и т.п. Расовое деление, «этот пережиток колониальности, который сохраняется во всех сферах общественной жизни»²⁸, составляет социокультурную основу американского общества, фундамент, на котором оно выросло и который едва ли возможно изменить, не разрушив построенное на нем здание²⁹.

Именно в этом заключается природа явления, получившего название «системного», иначе — «структурного», «институционального», «социального» — расизма, явления далеко не только американского³⁰, но, очевидно, не случайно описанного и концеп-

---

²⁵ *Outlaw L.T.* Racial and Ethnic Complexities in American Life: Implications for African Americans // *Multiculturalism from the Margins: Non-Dominant Voices on Difference and Diversity* / Ed. by D.A. Harris. Westport; London, 1995. P. 40.

²⁶ См., например: *Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement* / Ed. By K. Crenshaw, N. Gotanda, G. Peller, K. Thomas. New York, 1995; *Delgado R., Stefancic J.* Critical Race Theory: An Introduction. New York, 2017; *Fortin J.* Critical Race Theory: A Brief History // *The New York Times*. November 8, 2021. Анализ политических и законодательных дебатов вокруг критической расовой теории непосредственно и рассматриваемый в нашей статье период см.: *Александров Г.В.* Указ. соч.

²⁷ *Kluckhohn C.* Mirror for Man: The Relation of Anthropology to Modern Life. New York; Toronto, 1949. P. 102–144.

²⁸ *Wilson-Fall W.* Black Diversities. 2021. — URL: <https://blackintheafricandiaspora.blog/2021/02/02/black-diversities/> (дата обращения 09.07.2021).

²⁹ *Painter N.I.* Creating Black Americans: African-American History and Its Meanings, 1619 to the Present. Oxford, 2006; *Perry I.* More Beautiful and More Terrible: The Embrace and Transcendence of Racial Inequality in the United States. New York, 2011; *Gleich P., von.* Op. cit.; *Bonilla-Silva E.* Op. cit.; *Jerry A.R.* The First Time I Heard the Word: The “N-word” as a Present and Persistent Racial Epithet // *Transforming Anthropology*. 2018. Vol. 26. N 1. P. 36–49.

³⁰ См., например, о Великобритании: *Майлз Р., Браун М.* Расизм. М., 2008. С. 25–26, 139–141.

туализированного в США еще в 1960-е гг. на волне Движения за гражданские права³¹ и ставшего особенно широко обсуждаемым в связи с событиями последнего времени в этой стране. Смысл антирасизма как общественного движения, в том числе столь ярко проявившийся в США в событиях, последовавших за убийством полицейским Джорджа Флойда 25 мая 2020 г. — в стремлении лишить белых «белизны (*whiteness*) как собственности», как «особо ценной собственности», «сокровища»³². Обладание этой нематериальной собственностью, по убеждению активистов антирасистского движения, и позволяет белым неизменно занимать привилегированное положение в обществе, основанном, согласно их взглядам, на расовом делении, точно так же, как обладание материальной собственностью автоматически создает привилегии для господствующего класса в представлениях тех, для кого основа стратификации современного общества — его деление на классы. Обе точки зрения естественным для себя образом подразумевают, что только отъем собственности может позволить лишить привилегий тех, кто ею обладает, и, в свою очередь, незаконность обладания собственностью оправдывает возможность ее принудительного, насильственного отъема.

В ходе Гражданской войны рабство было отменено законодательно (Прокламацией об освобождении рабов 1862–1863 гг. и Тринадцатой поправкой к Конституции США 1865 г.), а после завершения войны победой северян — также фактически в штатах Юга. Для южан рабовладение было не только основой плантационной экономики, но и краеугольным камнем их идентичности, фундаментом общественного и семейного быта. Для северян же, среди которых аболиционистские взгляды всегда были распространены гораздо шире, чем среди южан, борьба с рабством на Юге пусть и не являлась единственной целью в войне, внесла важный вклад в формирование их самовосприятия как носителей идеи Свободы. Поэтому после окончания войны и вплоть до наших дней историческая память о Гражданской войне, рабстве и его отмене по-разному формировалась и репрезентировалась на Севере и Юге США.

---

³¹ *Carmichael S., Hamilton C.V. Black Power: The Politics of Liberation. New York, 1967.* Благодаря идеям и положениям, высказанным С. Кармайклом и Ч.В. Хэмилтоном в этой получившей широкую известность в общественных и научных кругах книге, «... понятие расизма оказалось расширено в том отношении, что стало включать не только убеждения, но и, главное, все действия, индивидуальные и институциональные, имевшие следствием сохранение и усугубление неравноправного положения «черных»» (*Майлз Р., Браун М. Указ. соч. С. 85*).

³² *Harris C.I. Whiteness as Property // Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement. P. 276–291.*

Более того, после победы Движения за гражданские права в 1968 г. эта культурная граница стала еще значимее, чем прежде: «От «Рождения нации»³³ до «Унесенных ветром»³⁴ белые северяне выражали и практическими, и символическими способами свою симпатию белым южанам, которые окружили себя боевыми знаменами и скульптурами — памятниками благородству своих предков. Но ныне, когда символы белого превосходства дискредитированы Движением за гражданские права, белые южане не получают симпатии или уважения на важной территории национальной памяти; мемориализированному белому Югу было отказано в каком бы то ни было ощущении себя жертвой»³⁵. Черные американцы, пожившие и на Севере, и на Юге, в беседах с нами нередко отмечали, что на Юге им менее комфортно. О расизме на Юге рассказывал нам и латиноамериканец — уроженец Колумбии. Некоторые собеседники прямо говорили, что на Юге больше расизма, чем на Севере. Один из респондентов, выросший на Юге, а ныне живущий на Севере, сформулировал суть проблемы так: «На Севере и Юге одинаково много ненависти к черным, но на Севере они имеют больше свободы в выражении своих взглядов». А пожилая собеседница, наоборот, родившаяся и проведшая значительную часть жизни на Севере, сказала, что когда она переехала на Юг в 2006 г., ей показалось, что она попала в довоенный 1860 г., «потому что [там] черные люди знают свое место. Это значит, что... черные люди все еще остаются в угнетенном положении... И на Севере все еще много сегрегации, но не настолько. На Севере у черных людей нет той робости, которая есть у них на Юге». При этом, конечно, сегодня и на Юге очень и очень многие, особенно среди молодежи и людей среднего возраста, выступают за подлинное расовое равноправие и не приемлют проявлений расизма. В свою очередь, на Севере для многих история США до сих пор есть история прежде всего белых американцев, начинающаяся с прибытием отцов-пилигримов.

Кампания по ликвидации монументов, прославляющих Конфедерацию южных штатов, ее политических и военных деятелей, начавшаяся после того, как 17 июня 2015 г. белый молодой человек Дилан Руф убил девять африкано-американцев в церкви в г. Чарль-

---

³³ *“The Birth of a Nation”*, знаменитый художественный немой фильм 1915 г. режиссера Дэвида Гриффита по произведению Томаса Диксона, проникнутый симпатией к белым расистам-южанам; действие фильма разворачивается в период от кануна Гражданской войны 1861–1865 гг. до последовавшей за ней Реконструкции Юга 1865–1877 гг.

³⁴ *“Gone with the Wind”*, роман Маргарет Митчелл (1936) и одноименный фильм Виктора Флеминга (1939), ставшие классикой литературы и киноискусства, в которых жизнь довоенного Юга и Гражданская война представлены с позиций южан.

³⁵ Ayers E.L. Op. cit. P. 7.

стане (штат Южная Каролина), а после убийства Джорджа Флойда получившая колоссальный новый импульс и более широкий смысл, выразившийся в сносе и осквернении памятников по всей стране людям разных эпох, сочтенных расистами, тем не менее, превратилась в настоящую «войну памятников», потому что у идеи их сноса нашлось много противников. Ведь, по справедливому утверждению Л.П. Репиной, «главная роль в конструировании коллективной идентичности принадлежит памяти о переломных событиях истории, выдающихся личностях, ее героях и антигероях, которые живут в исторической памяти, приобретая тем самым *символическое значение*»³⁶. И выражением этого значения являются формы коммеморации прошлого, в том числе монументы и мемориалы.

Как сказала собеседница, живущая на Юге, социолог, «символы [Конфедерации] повсюду вокруг нас — имена зданий и названия улиц, и эти памятники везде. Но мы в самом деле не думали об этом, мы не знали о них. И, я думаю, слышать о них действительно шокирующе. Но теперь я думаю: почему они (эти символы. — Д.Б.) не были уничтожены раньше?». «Очевидно, что борьба с памятниками — не стихийный акт вандализма, а продолжение движения за гражданские права, попытка стереть из памяти рабское прошлое предков, расизм и бесправие»³⁷. Таким образом, «война памятников» ярко свидетельствует и о неизбежности, помимо прочего, «фундаментально политического импульса, лежащего в основе [культурной] памяти»³⁸, и о силе воздействия на общественное сознание связанных с историей материальных объектов и мест памяти, и о сохранении дуализма типично-северного и типично-южного отражения в исторической памяти Гражданской войны и рабства на Юге США.

Также весьма показательно, что, тогда как памятники и мемориалы, возвеличивающие Конфедерацию и ее защитников, появлялись по всему Югу на протяжении долгого времени после окончания Гражданской войны, память о черных ветеранах так и не нашла там достойного выражения в камне и металле, несмотря на дебаты, идущие по этому вопросу практически с момента ее завершения. И в целом «памятники Конфедерации отдают предпочтение точке зрения и проблемам белых южан, игнорируя, а иногда и искажая реалии раб-

---

³⁶ Репина Л.П. Символы прошлого и «встреча культур» в парадигме истории памяти // Антропология и этнология: современный взгляд / Под ред. А.В. Головнёва, Э.-Б.М. Гучиновой. М., 2021. С. 361.

³⁷ Супоницкая И.М. Закончилась ли Гражданская война в США? // Коллективная память: власть прошлого в социокультурной жизни Америки / Под ред. И.В. Морозовой, В.И. Журавлевой, Х.Б. Фернандеса. М., 2021. С. 187.

³⁸ Ayers E.L. Op. cit. P. 6.

Илл. 1. Памятник «Освобождение рабов».
Скульптор М.В.У. Фуллер. 1913 г. Бостон, Массачусетс.
Фото Д.М. Бондаренко

ства и опыт черных американцев»³⁹. Они несут послыл о «выдающемся положении белости» (*the prominence of whiteness*); через него эти монументы и сегодня оказывают подспудное, но ощутимое влияние на идентичность белых американцев⁴⁰. За десять лет до начала «войны памятников» Дж.Р. Нефф утверждал, что значение памяти о сражавшихся и погибших на Гражданской войне в значительной степени игнорировалось общественным сознанием, а в научной литературе отсутствовал анализ того, как различные формы коммеморации жертв войны Севера и Юга до сих пор служат средствами для выражения и сохранения одной из давних линий раскола в американском социуме⁴¹.

³⁹ O'Connell H.A., Forrest D.L. Confederate Monument Inscriptions: Different Times, Different Places, Different Messages // *Du Bois Review: Social Science Research on Race*. 2020. Vol. 17. N 1. P. 98.

⁴⁰ Talbert R.D., Christie-Mizell C.A. Public Confederate Monuments and Racial Identity among White Americans // *Identities in Action: Developments in Identity Theory / Ed. by P.S. Brenner, J.E. Stets, R.T. Serpe*. Cham, 2021. P. 111–129.

⁴¹ Neff J.R. *Honoring the Civil War Dead: Commemoration and the Problem of Reconciliation*. Lawrence (KS), 2005.

Илл. 2. Памятник «Защитникам суверенитета штата».
Скульптор Л.Д. Чайлдс (?). 1891 г. Форт-Милл, Южная Каролина.
Фото Д.М. Бондаренко

Суть различий между типично-северным и типично-южным восприятием Гражданской войны и отмены рабства прекрасно передают два памятника — в Бостоне и городке Форт-Милл в Южной Каролине, подобных которым по вложенному в них смыслу очень много, соответственно, на Севере и Юге США. На бостонском памятнике «Освобождение рабов» (скульптор — африкано-американка Мета Во Уоррик Фуллер, прославившаяся отражением расовой тематики в своем творчестве), в героических позах запечатлены несколько черных людей (илл. 1). Памятник был создан в гипсе в 1913 г. в ознаменование 50-летия Прокламации об освобождении рабов, а в 1999 г. отлит в бронзе и установлен в мемориальном парке, носящем имя выдающейся черной аболиционистки Гарриет Табмен. В 2013 г., к 150-летию Прокламации, на постаменте появились торжественные слова, посвященные увековеченному монументом событию. На памятнике же в Форт-Милле (1891 г.), также являющемся частью мемориала — Парка Конфедерации, запечатлен в спокойной, исполненной достоинства позе одинокий белый солдат, а надпись на постаменте гласит: «Защитникам суверенитета штата»

(илл. 2). Мемориал включает в себя и установленный в 1895 г. обелиск, как гласит надпись на постаменте, в память о «верных рабах», сохранивших преданность своим хозяевам в годы войны, — не исключено, что единственный памятник им во всей стране. Автором обоих произведений, возможно, является малоизвестный скульптор из соседнего города Честера Лисандер Д. Чайлдс. На датируемой самым началом XX в. табличке при входе в парк написано, что монумент создан с целью «сохранения памяти о тех, кто пожертвовал столь многим в 1861–1865 гг.». Примечательно, что произошедшая в 2020 г. активизация и радикализация движения под лозунгом «Жизни черных имеют значение» не привела к демонтажу памятников и переименованию парка, хотя и вызвала оживленную общественную дискуссию и создание петиций с соответствующими требованиями: городские власти заявили, что не имеют для этого правовых оснований⁴².

Как пишет Э. Блевинс, исследовавший множество памятников, посвященных Гражданской войне и установленных на Севере и Юге в 1860-е — 1920-е гг., в них «Север и Юг разошлись по теме войны. Южане провозглашали конституционные права. Северные монументы подчеркивали сохранение Союза и в некоторых случаях подавление мятежа»⁴³. То есть если на Севере формировалась и поддерживается, в том числе через монументальные репрезентации, историческая память о Гражданской войне как о войне, чей главный смысл заключался в восстановлении нарушенного «мятежниками» единства страны, а отмене рабства в ходе нее посвящались специальные памятники, то на Юге распространилось восприятие Гражданской войны как оборонительной войны во имя сохранения законной независимости отколовшихся от Союза штатов и их права на свой жизненный уклад; войны, в которой вопрос о рабстве не играл первостепенную роль. (Несмотря на то, что этот жизненный уклад, отметим еще раз, подразумевал рабство как его естественную часть). Такая память о Гражданской войне начала складываться на

---

⁴² *Marks J.* Fort Mill's Confederate Monuments Point to Conflict, Heritage. The Debate Goes on. 2020. — URL: <https://www.heraldonline.com/news/local/article245974750.html> (дата обращения 10.11.2020); *Marks J., Derickson C., Dys A.* "History Has a Place": Who should Decide if Confederate Monuments Stand in Fort Mill? 2020. — URL: <https://www.heraldonline.com/news/politics-government/article243598962.html> (дата обращения 10.11.2020); *Rickabaugh G.* Town of Fort Mill on Confederate Park: We Cannot Legally Rename Park or Remove Statues. 2020. — URL: <https://www.fortmillsun.com/2020/06/21/town-of-fort-mill-on-confederate-park-we-cannot-legally-rename-park-or-remove-statues/> (дата обращения 10.11.2020).

⁴³ *Blevins E.E.* Forever in Mourning: Union and Confederate Monuments, 1860–1920 // *Nineteenth Century*. 2019. Vol. 39. N 2. P. 24.

Юге практически сразу после ее завершения и явилась продолжением понимания смысла войны противоборствующими сторонами в ее ходе: солдаты-южане «верили, что были жертвами решимости Севера вмешаться в их институты», а военнослужащие армии Союза видели себя «защищающими демократию в борьбе с частью страны, чья гражданская культура была чужда демократическим принципам Севера»⁴⁴.

Характерно, что непосредственно в годы войны никто не только на Севере, но и на Юге не сомневался в том, что проблема рабства черных стала одной из ее главных причин⁴⁵. «Они знали, что именно должна была защитить их революция (т.е. сецессия. — Д.Б.), пусть некоторые из них позже отрицали это и утверждали, что они сражались за права штатов»⁴⁶. Однако естественный поиск южанами моральной и психологической компенсации за тяжелое поражение очень быстро привел к появлению мифологии и одновременно идеологии «проигранного дела Конфедерации» (*the lost cause of the Confederacy*), или просто «проигранного дела» (*the lost cause*)⁴⁷. Именно в ее основу легли представления о благородном и героическом характере трагически проигранного южанами «дела» и о том, что вопрос о рабстве якобы не был существенной причиной войны. При этом рабство на Юге признавалось оправданным, в том числе морально, ввиду его экономической выгоды, а рабовладельцы представлялись людьми, не угнетавшими рабов, но, напротив, па-

---

⁴⁴ Frank J.A. With Ballot and Bayonet: the Political Socialization of American Civil War Soldiers. Athens (GA), 1998. P. 62.

⁴⁵ McPherson J.M. For Cause and Comrades: Why Men Fought in the Civil War. New York, 1997; *Idem*. What Caused the Civil War? // North and South: The Official Magazine of the Civil War Society. 2000. Vol. 4. N 1. P. 12–22; *Idem*. The Struggle for Equality: Abolitionists and the Negro in the Civil War and Reconstruction. Princeton, 2014; Ален-тьева Т.В. Сецессия глазами южан // Проблемы преподавания и изучения истории зарубежных стран. Вып. 4 / Под ред. И.Н. Селиванова. Курск, 2004. С. 129–164; Она же. Усиление антирабовладельческой республиканской риторики накануне Гражданской войны (1856–1861) // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 4. С. 164–174.

⁴⁶ Woodworth S.E. This Great Struggle: America's Civil War. Lanham (MD), 2011. P. 29; также см. подробно: Faust D.G. The Creation of Confederate Nationalism: Ideology and Identity in the Civil War South. Baton Rouge (LA), 1988. P. 58–81.

⁴⁷ Osterweis R.G. The Myth of the Lost Cause, 1865–1900. Hamden (CT), 1973; Wilson C.R. Baptized in Blood: The Religion of the Lost Cause, 1865–1920. Athens (GA), 1980; Foster G.M. Ghosts of the Confederacy: Defeat, the Lost Cause, and the Emergence of the New South, 1865 to 1913. New York, 1987; The Myth of the Lost Cause and Civil War History / Ed. by G.M. Gallagher, A.T. Nolan. Bloomington (IN), 2000; Blight D.W. Race and Reunion: The Civil War in American Memory. Cambridge; London, 2001; Прокопенков Г.Ю. «Старый Юг» в исторической памяти американцев (1870-е — 1910-е гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 110–118; Domby A.H. The False Cause: Fraud, Fabrication, and White Supremacy in Confederate Memory. Charlottesville (VA), 2020.

терналистски заботившимися о них. Идеология «проигранного дела Конфедерации» начала неофициально, но открыто и широко распространяться на Юге практически сразу после окончания Гражданской войны: уже в 1866 г. вышла книга журналиста из южного штата Виргиния Эдуарда Полларда «Проигранное дело: новая южная история войны конфедератов»⁴⁸, благодаря которой и вошло в обиход само это выражение и в которой уже в полной мере содержались идеализация образа жизни довоенного Юга и героизация его поражения в войне. Идеология «проигранного дела» доминировала в исторической памяти южан о войне с 1890 по 1964 г. — в так называемую эпоху Джима Кроу, т.е. узаконенной расовой сегрегации, став одной из ее ментальных основ. Исследовавшие надписи на 856 памятниках Конфедерации, возведенных на Юге между 1868 и 2016 гг. (в основном в 1890–1915 гг.), Хизер О’Коннелл и Данеква Форрест подсчитали, что прямые отсылки к идеологии «проигранного дела» составляют основное содержание 59% из них⁴⁹.

Сегодня в школьном образовательном стандарте по общественным наукам штата Южная Каролина, который, как сказано в этом документе, «возглавлял сецессию Южных штатов, кульминацией которой стала Гражданская война», прямо написано, что «учащиеся будут сравнивать экономические и политические причины Гражданской войны. Этот показатель был разработан для поощрения изучения того, как споры о рабстве привели к Гражданской войне». Показатель же «[способность] контекстуализировать опыт Южной Каролины во время Гражданской войны ... был разработан для поощрения изучения взаимосвязи между Гражданской войной и опытом женщин, африкано-американцев и класса плантаторов в Южной Каролине»⁵⁰. Но все же, несмотря на перемены в общественном сознании, произошедшие за более чем полвека после победы Движения за гражданские права, идеология «проигранного дела» не умерла. Ее образы «редко появляются в заслуживающих доверия исторических публикациях или в музеях, но они продолжают всплывать в популярных выражениях политики белой расовой идентичности, где негодование по поводу африкано-американской

---

⁴⁸ Pollard E.A. *The Lost Cause: A New Southern History of War of the Confederates*. New York, 1866.

⁴⁹ O’Connell H.A., Forrest D.L. Op. cit. P. 88, 93. См. также: Talbert R.D., Christie-Mizell C.A. Op. cit. P. 111, 126.

⁵⁰ Spearman M.M. *South Carolina Social Studies College- and Career-Ready Standards*. P. 73, 35, 36. — URL: <https://static1.squarespace.com/static/5c1d35191137a65972107b0f/t/608b25615f1f6a1670a5731f/1619731813360/2019-SCSSCCRStandards-Final+with+appendices.pdf> (дата обращения 13.12.2022).

истории и чувство находящейся в осаде белости продолжают пронизывать дискуссии»⁵¹.

Совершенно не случайно в последнее время либеральная пресса все чаще пишет об идеологии «проигранного дела», с одной стороны, как об одном из явлений, неискорененность которых породила всплеск антирасистских акций во второй половине 2010-х — начале 2020-х гг., а с другой — как об аналоге и одновременно истоке идеологии трампизма⁵². Утверждения же Д. Трампа о том, что у него «украли» выборы 2020 г., она стала прямо называть «новым проигранным делом», тем самым акцентируя внимание читателя как на лживости этих заявлений, так и на их способности, несмотря на это, превратиться в миф, который сможет долгие годы вдохновлять сторонников бывшего президента и провоцировать идеологический и системоценностный раскол в американском обществе⁵³. Как сказала наша собеседница, ученый и университетский преподаватель, «на Юге идеология проигранного дела жива: утратив свое название, она трансформировалась в идеологию праворадикальных республиканцев, консерваторов в целом». Связь трампизма с этой идеологией уже стала и предметом научного анализа⁵⁴.

В наши дни коннотации с «проигранным делом» всплывают и непосредственно в связи с борьбой с расизмом, особенно в тех ее аспектах, которые связаны с культурной памятью, с коммеморацией исторических событий и личностей. В сохранении по сей день памятников деятелям Конфедерации, их имен в названиях улиц и прочих объектов противникам этого видится «долгое наследие проигранного дела», а в сносе монументов и переименованиях улиц и т.п. — условие «смерти проигранного дела»⁵⁵. К примеру, когда в

---

⁵¹ *Graham C.A. Lost Cause Myth // The Inclusive Historian's Handbook. May 13, 2020. — URL: <https://inclusivehistorian.com/lost-cause-myth/> (дата обращения 28.11.2021).*

⁵² См., например: *Janney C.E. The next Lost Cause? // The Washington Post. July 31, 2020; Cox K.L. Five Myths about the Lost Cause // The Washington Post. January 14, 2021; Smith C. Why Confederate Lies Live On // The Atlantic. May 10, 2021.*

⁵³ См., например: *Smith J. Trump's Lost Cause // Rolling Stone. December 31, 2020; Cox K.L. What Trump Shares With the "Lost Cause" of the Confederacy // The New York Times. January 8, 2021; Stanton Z. How Trumpism Is Becoming America's New "Lost Cause" // Politico Magazine. January 21, 2021; Black E. Trumpism as a "Lethal Lost Cause" // MinnPost. August 2, 2021; Graham D.A. The New Lost Cause // The Atlantic. October 19, 2021; Truscott, IV L.K. Trump's Big Lie is the New Lost Cause — and It May Poison the Country for Decades // Salon. October 23, 2021.*

⁵⁴ *Ore E. The Lost Cause, Trump Time, and the Necessity of Impatience // Rhetoric Society Quarterly. 2021. Vol. 51. № 3. P. 237–239.*

⁵⁵ *Paradis M. The Lost Cause's Long Legacy // The Atlantic. June 26, 2020; Blight D.W. Europe in 1989, America in 2020, and the Death of the Lost Cause // The New Yorker. July 1, 2020.*

ноябре 2021 г. генеральный прокурор штата Алабама республиканец Стив Маршалл потребовал от городского совета столицы штата Монтгомери либо отменить свое недавнее решение переименовать проспект Джеффа Дэвиса, президента Конфедерации, в проспект Фреда Д. Грэй, африкано-американского юриста, защищавшего в судах Розу Паркс и других активистов Движения за гражданские права, либо заплатить штраф в 25 тысяч долларов, инициатор переименования проспекта, мэр Монтгомери Стивен Рид, первый африкано-американец, занявший этот пост, ответил ему такими словами: «Мы хотим чествовать тех героев, которые боролись за то, чтобы сделать этот союз (Соединенные Штаты. — Д.Б.) настолько совершенным, насколько он может быть. Когда я вижу множество символов Конфедерации, которые есть у нас в городе, это сигнализирует, что мы сконцентрированы на проигранном деле в противоположность тем вещам, которые объединяют нас под Звездами и Полосами (т.е. под флагом США. — Д.Б.)»⁵⁶.

Митч Ландрэ, инициатор сноса памятников президенту Конфедерации Дж. Дэвису и знаменитым генералам ее армии Р.Э. Ли и П.Г. Богарду в Новом Орлеане, в 2017 г. в бытность мэром этого города в Луизиане обосновывал борьбу с монументами необходимостью развенчать «культ проигранного дела»⁵⁷. Дэвид Уильямс пишет даже о «религии проигранного дела» со своими мифами, символами и ритуалами⁵⁸. Скотт Картер, называя нарратив «проигранного дела» «ложью», в то же время отмечает, что на его основе в США и в XXI в. существует «культ Конфедерации»⁵⁹. Наши интервью также свидетельствуют о том, что в то время как одна часть американцев, как отмечалось выше, ассоциирует с Гражданской войной «черное наследие», другая их часть не видит в вопросе о рабстве черных важного истока Гражданской войны. И если вести речь о Юге, то трудно

---

⁵⁶ *Helmre E.* Alabama City Told to Keep Confederate Street Name or Face \$25,000 Fine // *The Guardian*. November 25, 2021.

⁵⁷ См., например: *Landrieu M.* “We Can’t Walk Away From This Truth” // *The Atlantic*. May 23, 2017; *Idem.* Full Speech: Mitch Landrieu Addresses Removal of Confederate Statues // *The Washington Post*. May 31, 2017; *Idem.* How I Learned About the “Cult of the Lost Cause” // *Smithsonian Magazine*. March 12, 2018. Анализ и критику выступлений М. Ландрэ см.: *Pippenger N.* Opposition to the Lost Cause Is Still Political // *Democracy: A Journal of Ideas*. May 30, 2017; *Carr M.K.* “Lost Cause” Memories and Cultural Amnesias: Mayor Mitch Landrieu’s Tragicomic Speech on Confederate Monument Removals // *Social Science Quarterly*. 2021. Vol. 102. N 3. P. 1032–1043.

⁵⁸ *Williams D.* Lost Cause Religion // *New Georgia Encyclopedia*. 2017. — URL: <https://www.georgiaencyclopedia.org/articles/arts-culture/lost-cause-religion/> (дата обращения 26.11.2021).

⁵⁹ *Carter S.* The Cult of the Confederacy in 21st Century America. — URL: https://www.researchgate.net/publication/350055134_The_Cult_of_the_Confederacy_in_21st_Century_America (дата обращения 28.10.2021).

сказать, какая из этих частей общества больше. Действительно, несмотря на волну акций по сносу памятников, превозносящих южан в их борьбе с северянами, подобные памятники по-прежнему весьма многочисленны, и «наличие памятников Конфедерации утверждает особую форму белости, которая одновременно прославляет “проигранное дело” и отрицает существование расизма»⁶⁰. Новейшие переиздания книг Полларда датируются 2010-ми гг. В XXI в. публикуются работы современных ученых, отказывающихся признавать проблему рабства важнейшей причиной войны и даже прямо возлагающих ответственность за ее начало на северян в лице А. Линкольна и возглавляемых им партии и правительства, которые, по мнению таких авторов, преследовали узкопартийные и корпоративные цели, далекие от задачи не только освобождения рабов, но даже сохранения целостности Союза⁶¹. Когда мы спросили пожилую белую уроженку Юга, хранительницу архива Уайтов и Спрингсов — породнившихся столетия назад в Форт-Милле семейств тогда еще рабовладельцев и промышленников, жива ли сегодня идея «проигранного дела», она ответила: «Это непростой вопрос. Для многих людей на Юге она связана с памятью о предках и отношением к ним. Но “проигранное дело” — наследие несправедливости, а с несправедливостью надо бороться. Сегодня это так уже не называется, но сама проблема никуда не делась». И добавила характерную фразу: «Не знаю, есть ли этот вопрос на Севере».

Таким образом, память о Гражданской войне и месте черных американцев в обществе того времени различалась на Севере и Юге с самого начала. И эти различия сохраняются по сей день. В материальных формах они ярко проявляются в памятниках, мемориалах, в том, как содержатся старинные африкано-американские кладбища, в организации музейных экспозиций, в том числе ныне превращенных в музеи-усадебные бывших рабовладельческих плантаций⁶². Ведущаяся по их поводу общественная борьба служит наглядным подтверждением сложного процесса переосмысления себя как нации через переоценку прошлого в американском обществе.

События последних лет наглядно демонстрируют очередное обострение никогда не исчезающего, но периодически «уходящего

---

⁶⁰ Talbert R.D., Christie-Mizell C.A. Op. cit. P. 126.

⁶¹ См., например: *Broadwater R.P. Did Lincoln and the Republican Party Create the Civil War?: An Argument.* Jefferson (MO), 2008; *Mitcham Jr. S.W. It Wasn't About Slavery: Exposing the Great Lie of the Civil War.* Washington, 2020.

⁶² Подробно см.: *Бондаренко Д.М. Борьба с расизмом и память о Гражданской войне и об отмене рабства в США в конце 2010-х — начале 2020-х гг. // Современный расизм: идеология и практика / Под ред. В.А. Шнирельмана. М., 2022. С. 273–309.*

в ремиссию» раскола в коллективной идентичности американской нации. Изложенный в настоящей статье материал показывает на примере сложности и конфликтности исторической памяти о Гражданской войне, рабстве и его отмене в США, как через коллективную культурную память история не просто вторгается в современность, — она присутствует в ней, в том числе в виде мемориалов и памятников, и в огромной степени определяет ее. Культурная память об упразднении рабства африкано-американцев более полутора веков назад стала важным фактором в борьбе с расизмом в наши дни. Изменения же в оценке прошлого влекут за собой изменения в восприятии настоящего, в представлениях о желательном будущем, они не только заставляют людей направлять усилия на достижение иных, чем прежде, общественных целей, но и изменять видение своей нации. Именно это происходило и происходит в конце 2010-х — начале 2020-х гг. в Соединенных Штатах Америки.

References

Akbar N. *Chains and Images of Psychological Slavery*. Jersey City: New Mind Productions, 1984. 61 p.

Akhmetshin R.I. *Radikal'nyye techeniya v dvizhenii afroamerikantsev za grazhdanskiye prava i svobody vo vtoroy polovine XX v.: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kanidata istoricheskikh nauk* [Radical Currents in the Movement of African Americans for Civil Rights and Freedoms in the Second Half of the 20th Century: Abstract of the PhD Candidate Diss. in History]. Kazan': Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet, 2017. 28 p.

Aleksandrov G.V. *Zakonodatel'noye regulirovaniye Critical Race Theory i politika pamyati v SShA* [Critical Race Theory Legislation and Memory Politics in the USA] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2022. N 5. P. 141–158.

Alent'yeva T.V. *Setssiya glazami yuzhan* [Secession through the Eyes of the Southerners] // *Problemy prepodavaniya i izucheniya istorii zarubezhnykh stran* [Issues of Teaching and Studying History of Foreign Countries.]. Issue 4 / Ed. by I.N. Selivanov. Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. P. 129–164.

Alent'yeva T.V. *Usileniye antirabovladel'cheskoy respublikanskoj ritoriki nakanune Grazhdanskoy vojny (1856–1861)* [Strengthening of Anti-Slavery Republican Rhetoric on the Eve of the Civil War (1856–1861)] // *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. N 4. P. 164–174.

Asante M.K. *Radical Insurgencies*. New York: Universal Write Publications LLC, 2020. 170 p.

Ayers E.L. *Memory and the South // Southern Cultures*. 1995. Vol. 2. N 1. P. 5–8.

Bell D. *Agonistic Democracy and the Politics of Memory // Constellations*. 2008. Vol. 15. N 1. P. 148–166.

Bell D. *Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54. N 1. P. 63–81.

Belov S.I. *Ob'yedinyayushchiy narrativ istorii Grazhdanskoy voyny v SShA kak element politiki pamyati* [Unifying Narrative of the History of the Civil War in the United States as an Element of Memory Politics] // *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 2018. N 11. P. 46–59.

Blevins E.E. *Forever in Mourning: Union and Confederate Monuments, 1860–1920 // Nineteenth Century*. 2019. Vol. 39. N 2. P. 19–27.

Blight D.W. *Race and Reunion: The Civil War in American Memory*. Cambridge; London: Harvard University Press, 2001. 528 p.

Bondarenko D.M. *Bor'ba s rasizmom i pamyat' o Grazhdanskoy voyne i ob otmene rabstva v SShA v kontse 2010-kh — nachale 2020-kh gg.* [Fighting Racism and Memory of the Civil War and of the Abolition of Slavery in the United States in the Late 2010s and Early 2020s] // *Sovremennyy rasizm: ideologiya i praktika* [Modern Racism: Ideology and Practice] / Ed. by V.A. Shnirel'man. Moscow: Izdatel'stvo "Dashkov i K", 2022. P. 273–309.

Bondarenko D.M. *Ottenki chernogo: kul'turno-antropologicheskiye aspekty vzaimovospriyatiya i vzaimootnosheniy afrikano-amerikantsev i migrantov iz stran subsaharskoy Afriki v SShA* [Shades of Black: Cultural and Anthropological Aspects of Mutual Perception and Relationships of African Americans and Migrants from Sub-Saharan Africa in the United States]. Moscow: Fond razvitiya fundamental'nykh lingvisticheskikh issledovaniy, 2016. 216 p.

Bonilla-Silva E. *Racism without Racists. Color-Blind Racism and the Persistence of Racial Inequality in America*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. 376 p.

Broadwater R.P. *Did Lincoln and the Republican Party Create the Civil War? An Argument*. Jefferson: McFarland & Company, 2008. 247 p.

Carmichael S., Hamilton C.V. *Black Power: The Politics of Liberation*. New York: Random House, 1967. 256 p.

Carr M.K. "Lost Cause" Memories and Cultural Amnias: Mayor Mitch Landrieu's Tragicomic Speech on Confederate Monument Removals // *Social Science Quarterly*. 2021. Vol. 102. N 3. P. 1032–1043.

Carter S. *The Cult of the Confederacy in 21st Century America*. — URL: https://www.researchgate.net/publication/350055134_The_Cult_of_the_Confederacy_in_21st_Century_America

Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement / Ed. by K. Crenshaw, N. Gotanda, G. Peller, K. Thomas. New York: The New Press, 1995. 528 p.

Delgado R., Stefancic J. *Critical Race Theory: An Introduction*. New York: New York University Press, 2017. 224 p.

Domby A.H. *The False Cause: Fraud, Fabrication, and White Supremacy in Confederate Memory*. Charlottesville: University of Virginia Press, 2020. 272 p.

Eyerman R. *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 316 p.

Eyerman R. *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // Cultural Trauma and Collective Identity* / Ed. by J.C. Alexander. Berkeley: University of California Press, 2012. P. 60–111.

Faust D.G. *The Creation of Confederate Nationalism: Ideology and Identity in the Civil War South*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1988. 110 p.

Fortin J. *Critical Race Theory: A Brief History // The New York Times*. November 8, 2021.

Foster G.M. *Ghosts of the Confederacy: Defeat, the Lost Cause, and the Emergence of the New South, 1865 to 1913*. New York: Oxford University Press, 1987. 306 p.

Frank J.A. *With Ballot and Bayonet: the Political Socialization of American Civil War Soldiers*. Athens: University of Georgia Press, 1998. 320 p.

Gleich P., von. *Fugitivity against the Border: Afro-Pessimism, Fugitivity, and the Border to Social Death // Critical Epistemologies of Global Politics* / Ed. by M. Woons, S. Weier. Bristol: E-International Relations Publishing, 2017. P. 203–215.

Graham C.A. *Lost Cause Myth // The Inclusive Historian's Handbook*. May 13, 2020 — URL: <https://inclusivehistorian.com/lost-cause-myth/>

Harris C.I. *Whiteness as Property // Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement* / Ed. by K. Crenshaw, N. Gotanda, G. Peller, K. Thomas. New York: The New Press, 1995. P. 276–291.

Harrison F.V. *Racial Profiling, Security, and Human Rights*. — URL: https://www.academia.edu/39047813/Racial_Profiling_Security_and_Human_Rights?auto=download

Huizinga J.J. *Dutch Civilization in the Seventeenth Century and Other Essays*. New York; Evanston: Harper & Row, 1968. 162 p.

Hyatt S. *Black Lives Matter and the Public Rediscovery of Structural Racism // Anthropology News*. 2021. Vol. 62. — URL: <https://scholarworks.iupui.edu/bitstream/handle/1805/29881/Hyatt2021BLM-AAM.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

Idowu W.O.O. *Citizenship, Alienation and Conflict in Nigeria // Africa Development*. 1999. Vol. 24. N 1–2. P. 31–55.

Jerry A.R. *The First Time I Heard the Word: The “N-Word” as a Present and Persistent Racial Epithet // Transforming Anthropology*. 2018. Vol. 26. N 1. P. 36–49.

Kluckhohn C. *Mirror for Man: The Relation of Anthropology to Modern Life*. New York; Toronto: Whittlesey House, 1949. 214 p.

Kurilla I.I. *Pereosmysleniye Grazhdanskoy voyny v sovremennom amerikanskom obshchestve* [Reconsidering the Civil War in Modern American Society] // *Amerikanskiy yezhegodnik*. 2021 / Ed. by V.V. Sogrin. Moscow: Ves' Mir, 2021. P. 337–350.

LaCapra D. *Understanding Others: Peoples, Animals, Pasts*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2018. 204 p.

McPherson J.M. *For Cause and Comrades: Why Men Fought in the Civil War*. New York: Oxford University Press, 1997. 237 p.

McPherson J.M. *The Struggle for Equality: Abolitionists and the Negro in the Civil War and Reconstruction*. Princeton: Princeton University Press, 2014. 496 p.

McPherson J.M. *What Caused the Civil War? // North and South: The Official Magazine of the Civil War Society*. 2000. Vol. 4. N 1. P. 12–22.

Megill A. *History, Memory, Identity // History of the Human Sciences*. 1998. Vol. 11. N 3. P. 37–62.

Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice]. Moscow: Kanon+, 2007. 480 p.

Miles R., Brown M. *Rasizm* [Racism]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 240 p.

Mitcham S.W., Jr. *It Wasn't About Slavery: Exposing the Great Lie of the Civil War*. Washington: Regnery History, 2020. 240 p.

The Myth of the Lost Cause and Civil War History / Ed by G.M. Gallagher, A.T. Nolan. Bloomington: Indiana University Press 2000. 240 p.

- Neff J.R. *Honoring the Civil War Dead: Commemoration and the Problem of Reconciliation*. Lawrence: University Press of Kansas, 2005. 342 p.
- O'Connell H.A., Forrest D.L. *Confederate Monument Inscriptions: Different Times, Different Places, Different Messages // Du Bois Review: Social Science Research on Race*. 2020. Vol. 17. N 1. P. 81–103.
- Ojukwu C., Oni E.O. Multiculturalism, Racialism and the Dilemma of the African-American in the Twenty-First Century // *Affrika: Journal of Politics, Economics and Society*. 2017. Vol. 7. N 1. P. 111–126.
- Ore E. *The Lost Cause, Trump Time, and the Necessity of Impatience // Rhetoric Society Quarterly*. 2021. Vol. 51. N 3. P. 237–239.
- Osterweis R.G. *The Myth of the Lost Cause, 1865–1900*. Hamden: Archon Books, 1973. 188 p.
- Outlaw L.T. *Racial and Ethnic Complexities in American Life: Implications for African Americans // Multiculturalism from the Margins: Non-Dominant Voices on Difference and Diversity / Ed. by D.A. Harris*. Westport; London: Bergin & Garvey, 1995. P. 39–53.
- Owley J., Phelps J. *Understanding the Complicated Landscape of Civil War Monuments // Indiana Law Journal*. 2018. Vol. 93. N 5. P. 15–33.
- Painter N.I. *Creating Black Americans: African-American History and Its Meanings, 1619 to the Present*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 496 p.
- Perry I. *More Beautiful and More Terrible: The Embrace and Transcendence of Racial Inequality in the United States*. New York: New York University Press, 2011. 263 p.
- Pippenger N. *Opposition to the Lost Cause Is Still Political // Democracy: A Journal of Ideas*. May 30, 2017. — URL: <https://democracyjournal.org/arguments/opposition-to-the-lost-cause-is-still-political/>
- Pollard E.A. *The Lost Cause: A New Southern History of War of the Confederates*. New York: E.B. Treat & Co, 1866. 752 p.
- Preyer G., Bös M. *Introduction: Borderlines in Time of Globalization // ProtoSociology*. 2001. Vol. 15. P. 4–14.
- Prokopenkov G. Yu. “Staryy Yug” v istoricheskoy pamyati amerikantsev (1870-ye – 1910-ye gg.): diss. ... kanidata istoricheskikh nauk [“Old South” in the Historical Memory of Americans (1870s–1910s): PhD Candidate Diss. in History]. Moscow: RGGU, 2017. 255 p.
- Repina L.P. *Simvoly proshlogo i “vstrecha kul'tur” v paradigme istorii pamyati [Symbols of the Past and the “Meeting of Cultures” in the Paradigm of Memory History] // Antropologiya i etnologiya: sovremennyy vzglyad [Anthropology and Ethnology: A Modern View] / Ed. by A.V. Golovnev, E.-B.M. Guchinova*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021. P. 361–373.
- Rüsen J. *Krizis, travma i identichnost' [Crisis, Trauma, and Identity] // Tsep' vremen: problemy istoricheskogo soznaniya [The Chain of Times: Issues of Historical Consciousness] / Ed. by L.P. Repina*. Moscow: IVI RAN, 2005. P. 38–62.
- Soyedinennyye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'stvo [The United States of America: Constitution and Law] / Ed. by O.A. Zhidkov*. Moscow: Progress; Univers, 1993. 766 p.
- Special Section: Anthropology of White Supremacy / Ed. by Beliso-De Jesús A., Pierre J. // American Anthropologist*. 2020. Vol. 122. N 1. P. 65–162.

Suponitskaya I.M. *Zakonchilas' li Grazhdanskaya vojna v SShA?* [Is the Civil War in the United States Over?] // *Kollektivnaya pamyat': vlast' proshlogo v sotsiokul'turnoy zhizni Ameriki* [Collective Memory: The Power of the Past in the Social and Cultural Life of America] / Ed. by I.V. Morozova, V.I. Zhuravleva, Kh.B. Fernandes. Moscow: RGGU, 2021. P. 185–193.

Talbert R.D., Christie-Mizell C.A. *Public Confederate Monuments and Racial Identity among White Americans* // *Identities in Action: Developments in Identity Theory* / Ed. by P.S. Brenner, J.E. Stets, R.T. Serpe. Cham: Springer, 2021. P. 111–129.

Tallentire J. *Strategies of Memory: History, Social Memory, and the Community* // *Histoire sociale / Social History*. 2001. Vol. 34. N 67. P. 197–212.

Tamm M. *Memory* // *The Routledge Companion to Historical Theory* / Ed. by C. van den Akker. Abingdon; New York: Routledge, 2022. P. 544–557.

Tense Past: Cultural Essays in Trauma and Memory / Ed by P. Antze, M. Lambek. New York: Routledge, 1996. 304 p.

Williams D. *Lost Cause Religion* // *New Georgia Encyclopedia*. 2017. — URL: <https://www.georgiaencyclopedia.org/articles/arts-culture/lost-cause-religion/>

Wilson C.R. *Baptized in Blood: The Religion of the Lost Cause, 1865–1920*. Athens: University of Georgia Press, 1980. 264 p.

Wilson-Fall W. *Black Diversities*. 2021. — URL: <https://blackintheafricandiaspora.blog/2021/02/02/black-diversities/>

Woodworth S.E. *This Great Struggle: America's Civil War*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2011. 424 p.

Поступила в редакцию
12 октября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-165-177

С.В. Орлов

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
КОНТРОЛЬНО-СЧЕТНОЙ ПАЛАТЫ МОСКВЫ
(1994–2014 гг.)**

S.V. Orlov

**HISTORICAL ASPECTS OF INFORMATIZATION OF THE
CONTROL AND ACCOUNTING CHAMBER OF MOSCOW
(1994–2014)**

Аннотация. Использование информационных ресурсов является перспективным направлением деятельности государственных контрольно-счетных органов. В современных условиях невозможно осуществление эффективного бюджетного контроля, а также анализа социально-экономического развития региона без специальных инструментариев, сокращающих затраты времени на обработку данных. В статье рассматриваются исторические аспекты информатизации деятельности Контрольно-счетной палаты Москвы, в том числе анализируется опыт формирования ее информационно-аналитической системы как реализованного примера автоматизации деятельности государственного органа по исполнению полномочий внешнего финансового контроля. Рассмотрены данные ежегодных отчетов о деятельности Палаты в 1997–2014 гг. Также использовались сведения, содержащиеся в локальных актах и иных документах Палаты, отражающие процесс автоматизации ее контрольной деятельности. Изучение названных документов, а также федерального и московского законодательства, нормативных правовых актов правительства и мэра Москвы, Московской городской Думы позволило выявить особенности процессов информатизации Палаты в 1994–2014 гг., в том числе основные этапы формирования инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий Палаты, состав и основные функции созданной информационно-аналитической системы Палаты как модели для взаимодействия с органами исполнитель-

---

Орлов Степан Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Orlov Stepan Vladimirovich, PhD Candidate in Economics, Associate Professor, Head, Department of the History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

s712000@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7117-5447

ной власти Москвы и иными государственными органами. Ранее проблемы истории информатизации Палаты специально не исследовались, в то время как без специальной фокусировки на них невозможно составить целостную картину развития новых технологий управления, вводимых в практику исполнительной и законодательной властей Москвы с конца XX в. и до настоящего времени. Рассмотрение данного аспекта развития контрольно-счетных функций в столице России в постсоветское время позволит дополнить имеющиеся на сегодняшний день представления об истории такой деятельности в прошлом, а также будет способствовать выявлению традиций и новаций в отечественных управленческих практиках, а значит — прослеживанию преемственных приемов, воспроизводимых в оптимизированном виде на каждом новом этапе развития страны и общества.

Ключевые слова: Контрольно-счетная палата Москвы, Счетная палата Российской Федерации, Московская городская Дума, история государственного контроля в России, информатизация, информационно-коммуникационные технологии.

Abstract. The use of information resources is a promising area of activity of state control and accounting bodies. Nowadays an effective budget control and analysis of socio-economic development of the region are impossible without special tools to reduce the time spent on data processing. The article deals with historical aspects of informatization of the Control and Accounting Chamber of Moscow and examines the formation of its information and analytical system as an example of automation of the activity of the external financial control institution. The author analyzes the Chamber's annual reports in 1997–2014. He employs its local acts and other documents reflecting the process of automation of control practice. The study of these documents, as well as federal and Moscow legislation, normative legal acts of the Government and mayor of Moscow, and the Moscow City Duma made it possible to identify the features of the Chamber's informatization processes from 1994 to 2014, including the main stages in the creation of the Chamber's information and communication technology infrastructure, composition and main functions of the Chamber's information and analytical system as a model for interaction with Moscow public authorities and governmental agencies. Previously the issues of the history of the Chamber's informatization had not been specifically examined, while a comprehensive picture of the development of new management technologies, which have been introduced in the practice of the executive and legislative authorities of Moscow since the end of the twentieth century, cannot be provided without a special focus on these topics. Consideration of this aspect of development of control and counting functions in the capital of Russia in the post-Soviet period will supplement the currently available knowledge about the history of such activity in the past and also will help to identify traditions and innovations in the domestic management practices and thus trace techniques, which are reintroduced in an optimized form at each new stage of development of country and society.

Keywords: Control and Accounting Chamber of Moscow, Accounting Chamber of the Russian Federation, Moscow City Duma, history of state control in Russia, informatization, information and communication technologies.

Изучение истории контрольно-счетной деятельности государственных органов различных уровней в современной России еще только начинается. Фактически этим занимаются пока что преимущественно юристы и экономисты¹. В то же самое время данная проблематика исключительно важна и для рассмотрения процессов становления новой российской государственности и социально-политических процессов в постсоветском обществе. Поэтому анализ соответствующего опыта Москвы с 1990-х гг. и до настоящего времени может, с одной стороны, увязать картину становления контрольно-счетных функций на уровне управления столицей с вехами ее развития и превращения в наиболее динамично развивающийся субъект страны, а с другой стороны, стать репрезентативной моделью для исследования аналогичных процессов на уровне других регионов или государства в целом.

Контрольно-счетная палата (далее — КСП) Москвы была создана первой в новой России, почти на год раньше, чем аналогичные структуры в других субъектах Российской Федерации. Постановлением Московской городской Думы (МГД) от 19 января 1994 г. № 10 «О прогнозе социально-экономического развития и структуре бюджета г. Москвы на 1994 год» предусматривались разработка проекта Положения о КСП, а также отнесение расходов на содержание аппарата Палаты к смете расходов Московской городской Думы². Закон Москвы № 8-39 «О Контрольно-счетной палате Московской городской Думы» был принят 18 мая 1994 г. Законом было определено, что КСП Московской городской Думы состоит из председателя, заместителей председателя, экспертов КСП и работников ее аппарата³. Постановлением Московской городской Думы от 18 мая 1994 г. № 40 «Об утверждении председателя Контрольно-счетной палаты» первым председателем КСП Московской городской Думы был назначен С.О. Шохин, который руководил Палатой до 1999 г.

---

¹ Пенчук А.В. Государственный финансовый контроль в Российской Федерации и направления его совершенствования // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2014. № 7. С. 21–25; Попова И.Е., Савельев И.И. Государственный финансовый контроль: принципы, условия и проблемы организации // Новая экономика и региональная наука. 2016. № 3 (6). С. 371–375; Сименко И.В., Переверзева Т.В. Сущность, принципы и субъекты государственного финансового контроля расходов бюджета на финансирование социальной сферы // Фотинские чтения. 2018. № 1 (9). С. 313–318.

² Постановлением Московской городской Думы от 19 января 1994 г. № 10 «О прогнозе социально-экономического развития и структуре бюджета г. Москвы на 1994 год».

³ Закон Москвы от 18 мая 1994 г. № 8-39 «О Контрольно-счетной палате Московской городской Думы».

В структуре КСП Московской городской Думы были созданы отделы во главе с экспертами. Каждому эксперту подчинялся сектор, в который входила группа контролеров по соответствующим направлениям⁴. В конце 1994 г. в КСП насчитывалось 18 сотрудников, а сама Палата размещалась в здании Московской городской Думы.

Специфика функций, задач и полномочий КСП Московской городской Думы, а также отсутствие на тот момент в России аналогичных структур потребовали выработки собственных методик проведения контрольных и иных мероприятий.

На первом этапе своей деятельности Палата выполняла поручения Московской городской Думы, в основном осуществляя проверки финансово-хозяйственной деятельности органов городского управления и организаций-бюджетополучателей⁵.

В связи с образованием 11 января 1995 г. Счетной палаты Российской Федерации Московская городская Дума приняла решение о реорганизации своей КСП, изменении ее статуса и полномочий по аналогии со статусом и полномочиями Счетной палаты РФ. 1 ноября 1995 г. КСП Московской городской Думы была преобразована в КСП Москвы, и ей — в соответствии с международным опытом и руководящими принципами финансового контроля — были поставлены задачи по осуществлению предварительного, текущего и последующего контроля⁶.

Вместе с введением новых полномочий КСП Москвы изменились ее структура, статус должностей и штатная численность. Должность эксперта заменялась должностью аудитора, было определено их общее количество — восемь человек.

Основными подразделениями Палаты стали инспекции, в состав которых входили главные и ведущие инспекторы, а также специалисты 1-й и 2-й категорий. Для осуществления контрольной деятельности предусматривалось, что подразделениями КСП Москвы проводятся необходимые обеспечивающие мероприятия: информационно-технологические, кадровые, материально-технические и иные.

Таким образом, в отличие от других органов, осуществляющих государственный финансовый контроль в городе и проверяющих

---

⁴ Постановление Московской городской Думы от 25 февраля 1994 г. № 14 «О структуре Московской городской Думы».

⁵ Постановление Московской городской Думы от 13 июля 1994 г. № 59 «О материально-техническом обеспечении деятельности Контрольно-счетной палаты Московской городской Думы».

⁶ Закон Москвы от 1 ноября 1995 г. № 23-73 «О Контрольно-счетной палате Москвы» (с изменениями и дополнениями).

правильность и законность расходования бюджетных средств конкретными бюджетополучателями, КСП Москвы должна была осуществлять контроль бюджета города на всех стадиях бюджетного процесса.

27 марта 1996 г. был назначен первый состав аудиторов: ими стали Н.Ф. Боброва, Н.А. Демьянец, Д.Е. Лялин, М.В. Рожкова, О.П. Семенова, О.М. Силантьева, В.Г. Цепелев, С.А. Морозов⁷. К концу 1998 г. количество сотрудников Палаты достигло 120 человек.

С мая 1999 г., когда исполнилось пять лет с момента создания Палаты, был организован ее доступ к городской информационной сети и ее ресурсам, а с 1 июля 1999 г. к работе приступил Бюджетно-финансовый ситуационный центр при Контрольно-счетной палате Москвы⁸ для обеспечения и развития экспертно-аналитической и информационной функций Палаты.

16 февраля 2000 г. постановлением Московской городской Думы председателем КСП Москвы впервые был назначен В.А. Двуреченских, который впоследствии (18 февраля 2004 г., 27 февраля 2008 г., 29 февраля 2012 г., 1 марта 2017 г., 23 марта 2022 г.) переназначался Московской городской Думой на эту должность на новые сроки.

В период с 2000 по 2004 г. были проведены необходимые организационные и технические мероприятия, позволившие Палате переехать в здание Мэрии Москвы на Новом Арбате.

Введение в эксплуатацию локальной вычислительной сети Палаты позволило создать высокоскоростную единую информационную сеть, наладить взаимодействие с информационно-технологическим центром правительства Москвы и информационным отделом аппарата Московской городской Думы по доступу к информационно-справочным и нормативным базам данных.

В частности, в этот период были модернизированы и введены в эксплуатацию программно-аппаратный комплекс и информационно-справочная система анализа бюджетных показателей (корпоративный сервер с результатами мониторинга бюджетных показателей). Их основу составили соответствующие информационные ресурсы: законы о бюджете Москвы, сводные бюджетные росписи, а также результаты аналитической обработки данных, поступающих в Палату из различных источников (УМНС по Москве, Департамента финансов Москвы и др.).

---

⁷ Постановление Московской городской Думы 27 марта 1996 г. № 25 «О назначении аудиторов Контрольно-счетной палаты Москвы».

⁸ Создан в соответствии с распоряжением Мэра Москвы от 26 февраля 1998 г. № 182-РМ «О Бюджетно-финансовом ситуационном центре».

С 2003 г. был обеспечен доступ к серверу для сотрудников всех инспекций и аудиторских направлений Палаты, а также внешний доступ для депутатов Московской городской Думы с использованием Интернета.

Кроме того, были разработаны, введены в эксплуатацию специальные инструментари, позволявшие обеспечивать сбор большого массива информации из различных источников, ее первичную обработку. Начала работу новая версия веб-сайта КСП Москвы, освещавшего деятельность Палаты.

В указанный период информационно-технологическое обеспечение Палаты было направлено прежде всего на эффективное решение задач контрольной деятельности. Одновременно разрабатывались и внедрялись новые процедуры ввода и обработки информации, а также мероприятия по ее защите.

Также продолжались модернизация программно-аппаратного комплекса анализа бюджетных показателей, создание новых информационных ресурсов. Были реализованы три типа основанных на математических методах моделей, использующих микроэкономические, макроэкономические, а также другие качественные данные, характеризующие динамику социально-экономического развития Москвы.

С 2006 г. введен в эксплуатацию новый веб-сайт Палаты, пресс-релизы Палаты стали размещаться также на веб-сайтах Московской городской Думы и правительства Москвы.

С 2007 г. в Палату начала поступать в электронном виде отчетность главных распорядителей бюджетных средств (ГРБС) и муниципальных образований Москвы. По этим данным в программно-аппаратном комплексе анализа бюджетных показателей формировались новые информационные ресурсы для обеспечения контрольных мероприятий и анализа исполнения бюджета города.

Существенным в организации работы Палаты является ввод с 1 января 2007 г. в опытную эксплуатацию разработанной в Палате автоматизированной информационной системы учета результатов контрольных мероприятий КСП Москвы — АИС «Контроль». Это позволило повысить качество аналитических материалов Палаты на основе полного и точного учета результатов всех контрольных мероприятий.

В ходе очередной модернизации инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий Палаты также была внедрена автоматизированная система «Документооборот и делопроизводство» на основе программного обеспечения IBM LOTUS DOMINO ENTERPRISE.

С 2009 г. контрольная деятельность структурных подразделений Палаты осуществляется на постоянной основе с использованием программно-аппаратного комплекса анализа бюджетных показателей. На основе информации, получаемой в результате межведомственного информационного взаимодействия с Московской городской Думой, органами исполнительной власти и различными организациями, происходит регулярное формирование новых информационных ресурсов и представлений программно-аппаратного комплекса.

В 2010 г. был завершен первый этап создания информационной инфраструктуры Палаты. В том же году правительством Москвы за ГБУ «Горфинтехсервис» были закреплены функции по обслуживанию информационной системы КСП⁹.

Таким образом, в период с 2004 по 2010 г. была создана действующая инфраструктура информационно-коммуникационной технологии Палаты (далее ИИКТ КСП Москвы), обеспеченная современными аппаратными средствами и основанная на современных технологиях управления вычислительными ресурсами. Также была осуществлена разработка необходимого программного обеспечения и решений для организации управления, технической поддержки и эксплуатации информационной системы.

Начиная с 2010 г. ИИКТ КСП Москвы в автоматическом режиме обеспечивает выполнение следующих функций:

- сбор и хранение для дальнейшего анализа системных сообщений активного сетевого оборудования (АСО);
- сбор и хранение конфигураций и операционных систем АСО;
- сбор информации о загрузке линий связи и проведение мониторинга критически важных соединений;
- аутентифицированный удаленный доступ на АСО;
- резервирование и восстановление из резервных копий данных общесистемного и прикладного программного обеспечения, серверного оборудования;
- автоматическое обновление операционных систем с использованием сервера распространения обновлений;
- удаленное управление серверным оборудованием;
- централизованное управление учетными записями пользователей, общими ресурсами, очередями печати, политикой безопасности, серверным оборудованием и автоматизированными рабочими местами;
- прокси-сервер;

---

⁹ Постановление Правительства Москвы от 10 августа 2010 г. №704-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы №1295-ПП».

- антивирусная защита серверного оборудования и автоматизированных рабочих мест;
- хранение данных на формационном веб-ресурсе ИКТ-инфраструктуры КСП Москвы;
- отправка и получение мгновенных сообщений по протоколу XMPP.

В 2010–2014 гг. продолжалась разработка специального прикладного инструментария для выполнения поставленных перед КСП Москвы задач. Активно проводилась работа по созданию инструментария для оценки плана социально-экономического развития Москвы и проекта городского бюджета в части налоговых доходов.

30 июня 2010 г. Московской городской Думой был принят Закон № 30 «О Контрольно-счетной палате Москвы», в котором нашли отражение новые функции, полномочия и задачи Палаты, в том числе связанные с внедрением в практику ее деятельности стандартов государственного аудита, а также международного стандарта менеджмента качества ISO 9001:2008.

В 2011 г. были заключены соглашения о передаче Палате полномочий по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля со 125 внутригородскими муниципальными образованиями Москвы. Правовую основу для заключения соглашений создало принятие Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». В том же году был оборудован Центр мониторинга информации КСП Москвы.

В 2011 г. в ИКТ-инфраструктуру Палаты был включен Центр мониторинга для проведения совещаний, семинаров, вебинаров, обучения работников, демонстрации презентаций.

С 31 декабря 2011 г. стала доступной новая версия официального сайта КСП Москвы, а в 2012 г. был расширен перечень взаимодействующих с информационными ресурсами КСП Москвы общегородских, а также ведомственных информационных систем и ресурсов.

Был обеспечен удаленный доступ к:

- Технологическому portalу Департамента информационных технологий города Москвы;
- Единой автоматизированной информационной системе торгов города Москвы (ЕАИСТ);
- Единой интегрированной системе информационного обеспечения Комплекса градостроительной политики и строительства города Москвы («ИСИО-Портал») с заключением соглашения об обмене информацией.

С 2014 г. в соответствии с соглашениями о взаимодействии, заключенными со 125 внутригородскими муниципальными образованиями Москвы и 19 присоединенными поселениями, в отношении органов местного самоуправления КСП Москвы реализуются полномочия по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля.

С этого момента информационное обеспечение деятельности Палаты было направлено на поддержание информационного обмена с органами исполнительной власти, внутригородскими муниципальными образованиями и территориальными управлениями федеральных органов исполнительной власти на основе соглашений об информационном взаимодействии и регламентов информационного обмена. Были определены регламенты информационного обмена с Департаментом финансов Москвы и другими заинтересованными сторонами информационного обмена – поставщиками данных¹⁰.

Также был разработан ряд прикладных программ, позволяющих унифицировать в автоматическом режиме проведение внешней проверки внутригородских муниципальных образований, осуществлять проверки контрольных соотношений по полученным формам бюджетной отчетности, обеспечивать своевременную подготовку заключений на проекты бюджетов, вносимых в них изменений, отчетов об исполнении бюджетов, а также осуществлять мониторинг социально-экономической ситуации.

С этого времени в КСП Москвы поступает в автоматизированном режиме и загружается в ИАС КСП-М:

- ежемесячная оперативная информация Департамента финансов Москвы об исполнении бюджета, данные лицевого счетов распорядителей и получателей бюджетных средств, данные лицевых счетов получателей субсидий на государственное задание и целевых субсидий, данные реестров бюджетных обязательств и платежных поручений;
- ежеквартальная бюджетная отчетность ГРБС и Департамента финансов Москвы.

Был обеспечен удаленный доступ работников КСП Москвы к системе Адресной инвестиционной программы «Строительные

---

¹⁰ См.: Регламент передачи информации из Департамента культуры города Москвы в Контрольно-счетную палату Москвы от 6 октября 2015 г.; Регламент информационного взаимодействия между Департаментом финансов города Москвы и Контрольно-счетной палатой Москвы от 23 декабря 2014 г.; Регламент передачи информации из Московского городского фонда обязательного медицинского страхования в Контрольно-счетную палату Москвы от 3 июня 2014 г.; Регламент передачи информации из Департамента здравоохранения города Москвы в Контрольно-счетную палату Москвы от 19 мая 2014 г.

инвестиции» (АИС «Строительные инвестиции») Департамента экономической политики и развития, Автоматизированной системе управления городскими финансами (АСУ ГФ) Департамента финансов, информационно-аналитической системе Федерального казначейства в части мониторинга в сфере закупок и мониторинга исполнения бюджета.

Была реализована возможность систематизации электронных документов, содержащих информацию о результатах государственных закупок, в целях реализации полномочий КСП Москвы как органа аудита в этой сфере.

Благодаря внедрению системы «Сводная отчетность» в КСП Москвы были реализованы задачи оперативного формирования, верификации, автоматизированного контроля полноты и достоверности бюджетной, бухгалтерской и управленческой отчетности Департамента финансов, главных администраторов бюджетных средств и внутригородских муниципальных образований.

В 2014 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Счетной палатой Российской Федерации и КСП Москвы¹¹.

Таким образом, к концу 2014 г. в основном была завершена разработка Информационно-аналитической системы КСП Москвы (ИАС КСП-М), обеспечивающей комплексную автоматизацию деятельности КСП Москвы по финансовому контролю.

На тот момент в контур ИАС КСП-М вошли две системы.

Во-первых, Информационно-аналитическая система КСП Москвы (ИАС КСП М)¹², введенная в промышленную эксплуатацию (приказ от 19 января 2016 г. № 1/01-05). С 2015 г. система обеспечивает исполнение задач по автоматизации основных управленческих процессов, внутреннего делопроизводства, взаимодействия с внешними информационными системами и ресурсами (ИСИР), накопления, обработки и представления данных о бюджете Москвы, бюджетах внутригородских муниципальных образований, государственных программах, Адресной инвестиционной программе Москвы, закупках для нужд Москвы и иных данных.

В состав ИАС КСП М входят основные и обеспечивающие подсистемы:

---

¹¹ Соглашение о сотрудничестве между Счетной палатой Российской Федерации и Контрольно-счетной палатой Москвы от 15 июля 2014 г.

¹² Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ от 25 апреля 2016 г. № 2016614480; Свидетельство о государственной регистрации базы данных для ЭВМ (БД ИАС КСП-М) от 10 мая 2016 г. № 2016620577. Зарегистрирована в Едином реестре информационных систем и ресурсов города Москвы 29 ноября 2016 г. за № 1000893.

– подсистема «Корпоративный портал» (обеспечивает единую точку доступа к сервисам системы, автоматизацию задач управления деятельностью Палаты, включая сервисы информационной поддержки организационного, кадрового и хозяйственного обеспечения КСП Москвы, работы с обращениями физических и юридических лиц);

– подсистема планирования и исполнения (обеспечивает учет распределения предметов ведения между членами Коллегии КСП Москвы, формирование и актуализацию годовых планов работы КСП Москвы, учет результатов контрольных и экспертно-аналитических мероприятий);

– подсистема «Сводная отчетность» (обеспечивает загрузку, верификацию и предоставление пользователям системы сведений поступающей бюджетной, бухгалтерской и управленческой отчетности, дает возможности сравнительного и ретроспективного анализа показателей отчетности);

– аналитическая подсистема (обеспечивает сбор и анализ ретроспективных данных о закупках для государственных (муниципальных) нужд, показателей исполнения (планирования) бюджета Москвы и бюджетов внутригородских муниципальных образований, предоставляет средства визуализации и анализа результатов контрольной и экспертно-аналитической деятельности Палаты);

– подсистема электронного документооборота (обеспечивает ведение делопроизводства, регистрацию, хранение, разработку и согласование входящих, исходящих и внутренних документов КСП Москвы, работу с поручениями и заданиями, работу с электронными копиями документов, удаленный доступ к документам и поручениям, ведение необходимых справочников, рубрикаторов и классификаторов).

Документационное обеспечение деятельности КСП Москвы осуществляется с использованием подсистемы электронного документооборота (ПСЭД) ИАС КСП-М с 2016 г.

К обеспечивающим подсистемам ИАС КСП-М также относятся:

– работа с нормативно-справочной информацией;

– осуществление навигации и поиска;

– обеспечение информационного взаимодействия;

– функции администрирования и управления;

– поддержание информационной безопасности.

Во-вторых, официальный сайт КСП Москвы¹³, который функционирует в штатном режиме круглосуточно.

---

¹³ Введен в промышленную эксплуатацию с 1 января 2016 г. (приказ от 10 декабря 2015 г. № 98/01-05). Свидетельство о государственной регистрации базы данных от 25 апреля 2016 г. № 2016620520. Зарегистрирован в Едином реестре ин-

В 2016 г. с учетом требований Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» были завершены мероприятия по государственной регистрации прав города Москвы на созданную ИАС КСП-М и официальный сайт КСП Москвы.

Результаты проведенного исследования исторических аспектов информатизации КСП Москвы позволяют выявить особенности, а также выделить следующие периоды формирования информационно-технологического обеспечения ее контрольной и экспертно-аналитической деятельности.

Первый период — 1994–2004 гг.: создание методологической базы контрольной и экспертно-аналитической деятельности на основе проведенных научно-исследовательских работ (информационно-аналитическое управление деятельностью КСП Москвы).

Второй период — 2004–2010 гг.: разработка и внедрение бизнес-процессов контрольной и экспертно-аналитической деятельности (начало автоматизации деятельности КСП Москвы).

Третий период — 2010–2014 гг.: создание первых аппаратно-программных комплексов в части сбора и анализа бюджетных показателей, внедрение в деятельность Палаты федеральных и городских информационных систем (формирование ИКТ-инфраструктуры КСП Москвы).

В мае 2016 г. была проведена государственная регистрация прав Москвы на созданную Информационно-аналитическую систему КСП Москвы и официальный сайт Палаты.

В 2020 г. была введена в действие (в промышленную эксплуатацию) система защиты информации ИАС КСП-М (СЗИ ИАС КСП-М) в составе подсистемы информационной безопасности ИАС КСП-М. Тогда же ИАС КСП-М получила аттестацию на соответствие требованиям по защите информации.

Так завершилось формирование информационной инфраструктуры КСП Москвы и были созданы условия для ее полноценной цифровой трансформации. Москва, первой из российских городов приступившая к созданию общегородской информационной системы, смогла выработать подходы к реализации модели построения информационного города с учетом российской специфики. Информатизация деятельности КСП Москвы стала одним из результатов

формационных систем и ресурсов города Москвы 29 ноября 2016 за № 1000894. Положение об официальном сайте Контрольно-счетной палаты Москвы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет утверждено приказом от 23 сентября 2019 г. № 54/01-05.

реализации общегородской политики по обеспечению движения Москвы к информационному обществу, который позволил обеспечить интеграцию контрольной власти города в общегородскую информационную систему, создать условия для последующей цифровой трансформации КСП Москвы. Создание информационно-коммуникационной инфраструктуры КСП Москвы может рассматриваться как успешный реализованный пример автоматизации деятельности государственного органа по осуществлению внешнего финансового контроля, который несет в себе большой потенциал для совершенствования устройства государства.

References

Penchuk A.V. *Gosudarstvennyy finansovyy kontrol' v Rossiyskoy Federatsii i napravleniya yego sovershenstvovaniya* [State Financial Control in the Russian Federation and Directions of Its Improvement] // *Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal*. 2014. N 7. P. 21–25.

Popova I.E., Savel'yev I.I. *Gosudarstvennyy finansovyy kontrol': printsipy, usloviya i problemy organizatsii* [State Financial Control: Principles, Conditions and Problems of Organization] // *Novaya ekonomika i regional'naya nauka*. 2016. N 3 (6). P. 371–375.

Simenko I.V., Pereverzeva T.V. *Sushchnost', printsipy i sub'yekty gosudarstvennogo finansovogo kontrolya raskhodov byudzheta na finansirovaniye sotsial'noy sfery* [Essence, Principles and Subjects of State Financial Control of Budget Expenditures for Financing the Social Sphere] // *Fotinskiye chteniya*. 2018. N 1 (9). P. 313–318.

Поступила в редакцию
15 ноября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-178-194

Ю.А. Сычева

**ДВА ЛИСТА С ВЕТХОЗАВЕТНЫМИ КОМПОЗИЦИЯМИ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗЦА И КОПИРОВАНИЯ
В ИСКУССТВЕ РЕЙНСКО-МААССКОГО РЕГИОНА В XII в.**

Yu.A. Sycheva

**TWO LEAVES WITH THE OLD TESTAMENT SCENES
IN THE CONTEXT OF CURRENT STUDIES OF MODELS
AND COPYING PROCESSES IN RHENO-MOSAN ART
OF THE 12th CENTURY**

Аннотация. В Библиотеке Льежского университета (Université de Liège. Bibliothèque, Ms. 2613) и в Музее Виктории и Альберта (Victoria and Albert Museum, Ms. 413) хранятся два листа, созданных ок. 1150–1170 гг. и происходящих из маасского региона. Хотя вопрос о назначении листов является дискуссионным, двум этим памятникам романской книжной миниатюры не было посвящено специального исследования. Листы имеют схожую структуру: с двух сторон помещены по две композиции на сюжеты из Книги Бытия, надписи или библейские цитаты отсутствуют. Ветхозаветные эпизоды, входящие в изобразительную программу листов, не формируют последовательного нарративного цикла. Так, за сценами жертвоприношения Каина и Авеля и убийства Каином Авеля в листе из Музея Виктории и Альберта следует эпизод встречи Авраама и Мелхиседека, лист из Льежа начинается сценой принесения в жертву Исаака. В цикл не включен ряд сцен, имеющих достаточно устойчивую иконографическую традицию (например, история Ноя). Подобная повествовательная неоднородность может быть интерпретирована через призму назначения изобразительного ряда. Жертвоприношение Авеля, Дары Мелхиседека и Жертвоприношение Авраамом Исаака упоминаются в Евхаристическом каноне Сакраментария папы Геласия I и уже с эпохи раннего христианства используются в иконографических программах как основные литургические прообразы. Оборот листа из Библиотеки Льежского университета

Сычева Юлия Андреевна, аспирант кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Sycheva Yulia Andreevna, Postgraduate Student, Department of General Art History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

yuliya.sycheva13@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7835-4576

содержит еще один сюжет, отсылающий к типологическому параллелизму Заветов, — Благословение Иаковом Ефрема и Манассии. Обозначенные сюжеты могут быть обнаружены в ряде современных листам памятников декоративно-прикладного искусства и книжной миниатюры рейнско-маасского региона, которые объединены на основании типологической логики в организации сюжетов. Выбор сюжетов, а также стилистический и иконографический анализ круга памятников с типологической иконографией дают возможность предположить, что листы могли быть фрагментами книги моделей и выполнять функцию образцов в процессе распространения композиционных и иконографических приемов, характерных для памятников рейнско-маасского региона.

Ключевые слова: средневековая миниатюра, христианская иконография, типологический принцип, ветхозаветные прообразы, согласование Заветов, рейнско-маасское искусство, книги образцов.

Abstract. The Library of the University of Liege (Université de Liège. Bibliothèque, Ms. 2613) and the Victoria and Albert Museum in London (Victoria and Albert Museum, Ms. 413) have two leaves created c. 1150–1170 and produced in the Meuse region. Although the question of the purpose of the leaves is under discussion, these two oeuvres of Romanesque book illumination have not yet received special scholarly attention. The leaves have a similar layout: each side contains two compositions based on stories from the Book of Genesis, and there are no inscriptions or biblical quotations. The Old Testament episodes included in the pictorial program of the leaves do not form a consistent narrative cycle. Thus, the scenes of the sacrifice by Cain and Abel and the murder of Abel by Cain in the leaf from the Victoria and Albert Museum are followed by an episode of the meeting of Abraham and Melchizedek. The leaf from Liège begins with the scene of the sacrifice of Isaac. The cycle does not contain a number of scenes with a fairly consistent iconographic tradition (for example, the story of Noah). Such narrative heterogeneity can be interpreted through the prism of the purpose of the pictorial series. The Sacrifice of Abel, the Gifts of Melchizedek and the Sacrifice of Isaac by Abraham are mentioned in the Eucharistic Canon of the Sacramentary of Pope Gelasius I and have been used in iconographic programs since the era of early Christianity as the main liturgical prototypes. The back of the leaf from the Library of the University of Liege contains another subject which alludes to the typological parallelism of the Testaments – the Blessing of Ephraim and Manasseh by Jacob. The designated subjects can be found in a number of contemporaneous works of decorative and applied arts and book miniatures of the Rhine-Meuse region, which are compiled on the basis of typological logic in the arrangement of stories. The selection of stories, as well as the stylistic and iconographic analysis of the range of oeuvres with typological iconography, suggests that the leaves could have been fragments of a model book and probably served as models in the process of the spreading of the compositional and iconographic techniques which were characteristic of the Rhine-Meuse region.

Keywords: medieval book illumination, Christian iconography, typology, Old Testament prefigurations, Harmony of the Testaments, Rheno-Mosan art, medieval model books.

Среди иконографических тенденций, характерных для памятников рейнско-маасского региона в XII в., можно выделить развитие и усложнение иконографических программ, в основе которых лежит типологический принцип библейской экзегезы. Акцент на прообразовательной роли эпизодов ветхозаветной истории в изобразительных циклах можно зафиксировать уже в раннехристианском искусстве¹, однако именно на примере памятников XII в. можно говорить о качественных и количественных изменениях в рамках этой иконографической традиции. Типологические программы этого периода (по сравнению с памятниками IV–XI вв.) более многочисленны, а параллелизм Заветов как основополагающий принцип организации сюжетов более артикулирован (за счет устойчивого круга прообразов и системы их размещения в изобразительном цикле). К XII в. также относится создание ряда текстов, которые можно рассматривать как гипотетические текстовые источники для типологических программ². Также на примере иконографических программ XII в. можно говорить о проблеме формирования типологического цикла, в основе которого лежит несколько ключевых событий новозаветной истории, сопоставляемых с их ветхозаветными прообразами. Помимо возрастания количества сюжетов-префигураций в иконографии, это время отмечено поисками в области композиции, пригодной для визуализации типологической программы (особенно ярко это проявляется в памятниках книжной миниатюры)³.

Все описанные выше процессы характерны для произведений декоративно-прикладного искусства и книжной миниатюры, созданных в рейнско-маасском регионе⁴. Памятники с «типологической иконографией», созданные в этой области, образуют достаточно репрезентативную группу: несмотря на отсутствие (среди полностью

¹ Классифицировать иконографические программы IV–XI вв., отражающие типологический метод интерпретации, достаточно сложно: большое количество памятников этого времени обладают индивидуальной программой. Кроме того, существует ряд памятников, иконографическую программу которых невозможно интерпретировать однозначно в типологическом ключе (Брешианская липсанотека, двери церкви Санта-Сабина в Риме, Хильдесхаймские врата и др.).

² Речь идет не только о богословских и экзегетических текстах (это, например, сочинения Руперта Дойцкого), но и о проповеднических текстах (так, типологические параллели использовал в своих проповедях Гонорий Августодунский), литургических секвенциях и гимнах (например, секвенции Адама Сен-Викторского).

³ О. Пэхт отмечает, что именно книжная миниатюра наиболее пригодна для визуализации дидактических постулатов. См.: *Pächt O. Book Illumination in the Middle Ages*. London; New York, 1986. P. 155.

⁴ *Morgan N.J. The iconography of twelfth century mosan enamels // Rhein und Maas. Kunst und Kultur 800–1400. Pt. 2. Köln, 1972–1973. S. 263–279.*

сохраненных или реконструируемых памятников) двух абсолютно идентичных иконографических программ, в рамках обозначенной группы выделяются общие иконографические и композиционные принципы. Эти сближения заставляют обратиться к вопросу о путях распространения иконографических приемов. Этот вопрос, в свою очередь, тесно связан с более широкой проблемой образца и копирования в романском искусстве.

В контексте данной проблемы целесообразно рассмотреть два листа с ветхозаветными композициями, происходящих из рейнско-маасского региона. В актуальных публикациях эти памятники относят к группе рукописей «Флорефф-Авербод», связанной с заказами обителей премонстрантов (монастыри Авербода, Флорефф и Арнштайна)⁵.

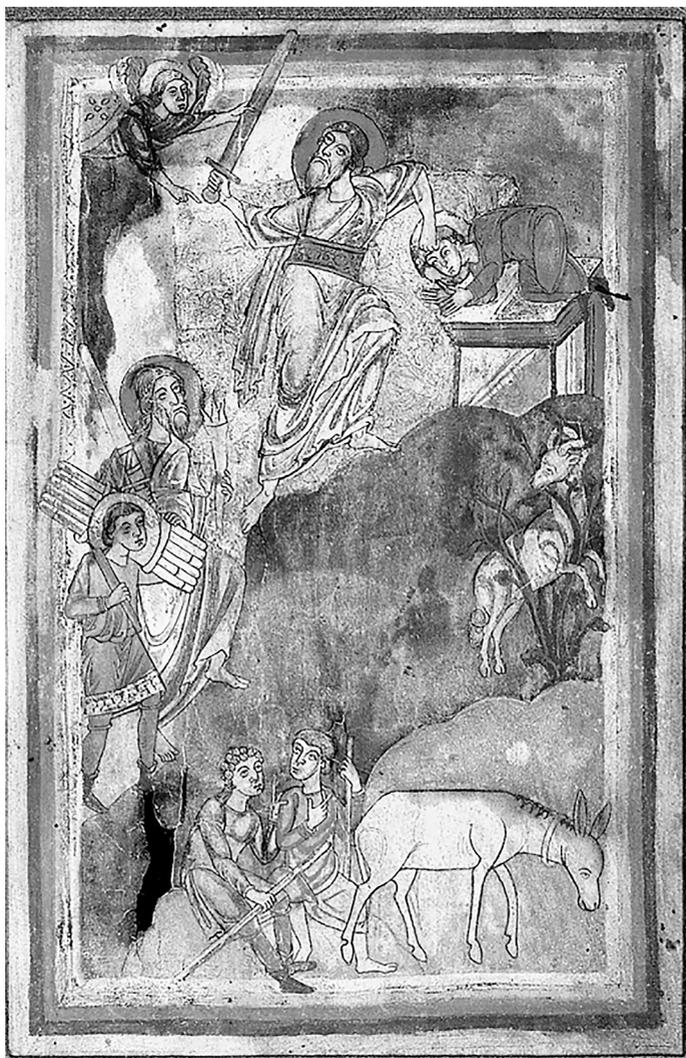
С этой группой исследователями связываются восемь рукописей, имеющих стилистические и, в некоторых случаях, иконографические сближения: Библия Флорефф (British Library, Add Mss. 17737-38), Евангелиарий из Авербода (Université de Liège, Bibliothèque, Ms. 363), Евангелиарий из Флорефф (Bruxelles, Bibliothèque royale, Ms. 10527), Диалоги Григория Великого (Bruxelles, Bibliothèque royale, Mss. 9916-17), фрагмент Псалтири («Псевдо-псалтирь») из Берлинского гравюрного кабинета (Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz, Kupferstichkabinett, inv. No. 78 A 6), листы из Библиотеки Льежского Университета (Feuillet Wittert, Université de Liège. Bibliothèque, Ms. 2613) и Музея Виктории и Альберта (Victoria and Albert Museum, Ms. 413) и Библия из Арнштайна (British Library, Harley Ms. 2798)⁶. Отметим, что в иконографическом составе манускриптов этой группы (Евангелиария из Авербода и Библии Флорефф) прослеживается влияние типологического параллелизма⁷. Связь с этой иконографической тенденцией может быть продемонстрирована и на примере двух листов с ветхозаветными композициями.

Первый из листов хранится в Библиотеке Льежского университета и происходит из коллекции барона Адриана Виттерта. С двух сторон на листе помещены полностраничные миниатюры. С одной стороны в двух регистрах изображено Жертвоприношение Авраама [Быт. 42], с другой — Благословение Иаковом Ефрема и Манассии (верхний регистр) [Быт. 48] и Благословение сыновей Иакова (ниж-

⁵ Balace S. *Historiographie de l'art mosan*. Thèse soutenue à l'université de Liège. Liège, 2009. P. 550.

⁶ Leclercq-Marx J. *Autour de la Bible de Floreffe (région mosane, c. 1160): questions d'iconographie // Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire*. Vol. 85/86. Bruxelles, 2019. P. 71.

⁷ Macarenko A. *L'Évangélaire d'Averbode*. Herent, 2020.

Илл. 1. Лист Виггерт, ок. 1150–1170 гг. Библиотека университета, Льеж, Ms. 2613 (<http://hdl.handle.net/2268.1/4796>)

ний регистр) [Быт. 49] (илл. 1, 2). Отметим, что Жертвоприношение Авраама и Благословение Иакова — одни из самых частых прообразов Распятия в памятниках рейнско-маасского региона⁸. Выбор именно такой последовательности сцен заставляет предположить возможность типологической логики в подборе сюжетов, этот тезис подробнее будет рассмотрен далее.

Второй памятник, лист из Музея Виктории и Альберта, имеет такую же организацию, как и лист из Льежа. С одной стороны он содержит Жертвоприношения Каина и Авеля (верхний регистр) и Убийство Каином Авеля (нижний регистр) [Быт. 4], с другой стороны — Встречу Авраама и Мелхиседека (верхний регистр) [Быт. 14] и Пленение Лота (нижний регистр) [Быт. 14] (илл. 3, 4). Следует отметить, что верхние сцены, вместе с Жертвоприношением Авраама из Листа Виттерт, являются основными евхаристическими прообразами Крестной жертвы.

История изучения этих листов насчитывает более 100 лет, однако им не было посвящено ни одного специального исследования. Между тем уже в 1930-е гг. был намечен один из ключевых аспектов рассмотрения данных памятников — назначение листов. Карл Узенер в 1933 г. выдвинул предположение, что лист из Льежа является фрагментом манускрипта, хранящегося в Гравюрном кабинете Государственных Музеев Берлина (Ms. Ns. 78 A6)⁹. Тогда же Сюзанн Коллон-Гевар обратила внимание на близость листов из Льежа и Лондона и манускрипта из Берлина и предположила, что они были созданы одним мастером¹⁰.

Манускрипт Ns. 78 A6 из Гравюрного кабинета содержит десять листов с полностраничными миниатюрами. Они разделены, как и

⁸ Речь идет о круге памятников рейнско-маасского происхождения, в основу иконографической программы которых положен типологический параллелизм ветхо- и новозаветных композиций. В данную группу включаются произведения декоративно-прикладного искусства (переносные алтари, кресты, филактерии и т.д.) и книжной миниатюры. На основании сравнительного анализа иконографических программ сохранившихся или реконструируемых памятников можно сделать определенные выводы о частоте использования тех или иных сюжетов. Так, Жертвоприношение Авраама в качестве префигурации Крестной жертвы появляется в преобладающем количестве памятников — чаще этого сюжета встречается лишь эпизод с Медным Змием [Числ. 21:9]. Отметим, что выбор сюжетов зависит от нескольких факторов: широта цикла, форма предмета и его богослужебная или иная функция. Так, сцена с Благословением Иаковом Ефрема и Манассии не только встречается значительно реже упомянутых выше Жертвоприношения Авраама и Медного Змия, но и характерна, в первую очередь, для определенной подгруппы памятников — крестов (мотив скрещенных рук Иакова прообразует тему креста и Крестной жертвы).

⁹ Rhein und Maas. Kunst und Kultur 800–1400, I. Köln, 1972–1973. S. 296.

¹⁰ Collon-Gevaert S. Quelques miniatures mosanes du XIIe siècle // Revue belge d'archéologie et d'histoire de l'art. T. 5. Bruxelles, 1935. P. 17–25.

Илл. 2. Лист Вигерт, ок. 1150–1170 гг. Библиотека университета,
Льез, Ms. 2613 (<http://hdl.handle.net/2268.1/4796/>)

листы из Льежа и Лондона, на два регистра (за исключением fol. 4v), часть страниц полностью композиционно и колористически закончены, часть — лишь фрагментарно, в нескольких миниатюрах изображение представлено только в одном регистре, другой не заполнен, сцены сопровождаются надписями (в отличие от Лондонского и Льежского листов). В миниатюрах представлены 17 сцен из книги Бытия, а также сцены из жизни Христа¹¹.

В историографии существует две основных версии о назначении рукописи. В фундаментальном исследовании А. Грабара и К. Норденфалка о романской живописи (1958) листы из Льежа, Лондона и Берлина упомянуты как фрагменты одной или двух Псалтирей¹². Предположение о том, что берлинская рукопись представляет собой цикл иллюстраций к Псалтири, в 1970-е гг. поддерживали Элизабет Клемм и Ханс Сварценский, отметившие ряд сближений между композициями рукописи и маасскими памятниками книжной миниатюры и декоративно-прикладного искусства¹³.

Сторонники другой версии склонны видеть в манускрипте «театр модели», которой могли пользоваться мастера, создающие манускрипты и произведения декоративно-прикладного искусства¹⁴. Такая точка зрения в исследованиях последних лет представляется доминирующей, а сама рукопись именуется «Псевдо-псалтирью»¹⁵.

Отметим, что две версии назначения рукописи не являются взаимоисключающими: изобразительный цикл перед Псалтирью как тип иллюстрации мог не только быть самостоятельным циклом, но и выполнять роль своеобразного «учебника иконографических схем»¹⁶. По мнению некоторых исследователей данного типа иллюстрации, такие рукописи с предваряющим циклом миниатюр могли передаваться из одного скриптория в другой в качестве образцовой книги и полностью или фрагментарно копироваться¹⁷.

¹¹ Scheller R. W. *Exemplum: Model-Book Drawings and the Practice of Artistic Transmission in the Middle Ages* (Ca. 900–Ca. 1470). Amsterdam, 2000. P. 123.

¹² Grabar A., Nordenfalk C. *Romanesque Painting from the Eleventh to the Thirteenth Century*. Geneva, 1958. P. 172.

¹³ Klemm E. *Ein romanischer Miniaturenzyklus aus dem Maasgebiet*. Vienna, 1973; Swarzenski H. *Mosaner Psalter-Fragment*. Graz, 1974.

¹⁴ Chapman G. *Jacob Blessing the Sons of Joseph: A Mosan Enamel in the Walters Art Gallery // The Journal of the Walters Art Gallery*. 1980. Vol. 38. P. 34–59; Scheller R. *W. Op. cit.* P. 123.

¹⁵ Balace S. *Op. cit.* P. 511.

¹⁶ Пожидаева А. В. *Цикл Творения в западноевропейском искусстве XI — начала XIII вв.: опыт иконографической генеалогии*. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2008. С. 15.

¹⁷ Schapiro M. *An illuminated English Psalter of the Early Thirteenth century // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1960. Vol. 23. P. 179.

Илл. 3. Лист с сюжетными композициями, ок. 1150–1170 гг.
Музей Виктории и Альберта, Лондон, Ms. 413
(<https://collections.vam.ac.uk/item/O125624/manuscript-cutting-unknown/>)

В таком случае манускрипт служит явным свидетельством, позволяющим анализировать процессы распространения рейнско-маасской иконографической традиции и ее непосредственного влияния на памятники обозначенной области и других регионов¹⁸. Среди примеров, которые связывались в исследованиях с манускриптом «Псевдо-псалтири», можно назвать такие ключевые памятники маасского искусства, как переносной алтарь из Ставло, триптих из Библиотеки Пьерпонт Морган, ретабль Св. Ремакля, реликварий Св. Креста из Тонгерена и др.¹⁹ Реконструкция гипотетических путей распространения композиций из берлинского манускрипта основывается на сравнительном стилистическом и иконографическом анализе памятников, которые могут быть связаны с маасским кругом. Эта тема представляется достаточно актуальной, в том числе в контексте исследования распространения и трансформации иконографических программ.

Э. Клемм и Х. Сварценский также отмечали близость композиций из «Псевдо-псалтири» с более ранним памятником — купелью из Льежа. По мнению Э. Клемм, композиции манускрипта и купели могут рассматриваться как дериваты одной модели²⁰.

Вернемся к проблеме связи листов из Льежа и Лондона с «Псевдо-псалтирью» из Берлина. Несколько черт позволяют сблизить листы между собой, но отдалить их от возможности вхождения в состав цикла Берлинской рукописи. Оба листа не содержат подписей, сцены не делятся на регистры жесткими рамками, что отличает их от системы иллюстрации «берлинского фрагмента». Еще один убедительный довод в пользу того, что листы не были частью берлинского цикла, приводит Г. Чапман: сцена встречи Авраама и Мелхиседека присутствует и в листе из Лондона, и в рукописи из Гравюрного кабинета²¹.

С 1980-х гг. в литературе наметилась тенденция отказа от версии о вхождении берлинского, льежского и лондонского фрагментов в состав Псалтири. В статье 1980 г. Г. Чапман предположила, что листы из Лондона и Льежа были частью ветхозаветного цикла, выполняющего роль «тетради моделей»²².

Дискуссионными являются также время и место создания берлинской рукописи и отдельных листов из Льежа и Лондона. Относи-

---

¹⁸ *Stratford N.* Three English Romanesque Enamelled Ciboria // *The Burlington Magazine*. 1984. Vol. 126, N 973. P. 213.

¹⁹ *Rhein und Maas.* Kunst und Kultur 800–1400, I. S. 297.

²⁰ *Klemm E.* Ein romanischer Miniaturenzyklus aus dem Maasgebiet. Vienna, 1973. P. 21.

²¹ *Chapman G.* Op. cit. P. 41.

²² *Ibid.* P. 37.

Илл. 4. Лист с сюжетными композициями, ок. 1150-1170 гг.
Музей Виктории и Альберта, Лондон, Ms. 413
(<https://collections.vam.ac.uk/item/O125624/manuscript-cutting-unknown/>)

тельно даты высказывались предположения от 1130-х до 1170-х гг.²³ Такое разнообразие возможных датировок в целом характерно для обозначенной группы манускриптов (Флорефф-Авербод). Точно реконструировать пути развития книжной миниатюры в маасском регионе достаточно сложно: между известными рукописями конца XI в. (Лоббской Библией и Библией из Ставло) и расцветом книжной миниатюры в середине — третьей четверти XII в. располагается полувековой период, в котором сложно найти прямые источники иконографических и стилистических приемов, использованных в рукописях группы «Флорефф-Авербод» или скриптория в Сен-Трон, еще одного важного центра книжной миниатюры третьей четверти XII в. Предположение о создании манускрипта из Берлинского графюрного кабинета в 1130-е гг. позволяет уменьшить разрыв между памятниками конца XI в. и рукописями третьей четверти XII в. Однако более распространенной следует признать датировку ок. 1150 г. или 116-ми гг.²⁴

Маасское происхождение рукописи из Берлина и листов из Лондона и Льежа на данный момент не оспаривается, однако различны варианты более узкой локализации: среди возможных вариантов назывались Льеж, Ставло и Маастрихт²⁵.

Несмотря на интерес к памятникам со стороны исследователей, подобного стилистического или иконографического анализа композиций листов из Льежа и Лондона в сравнении с памятниками рейнско-маасского круга не было проведено, что делает актуальными дальнейшие исследования этой проблемы.

Обращаясь к вопросу о возможной роли листов как фрагментов «тетрадей образцов», следует рассмотреть подробнее возможные связи между листами и композициями, сохранившимися в произведениях декоративно-прикладного искусства и книжной миниатюры.

Первый эпизод на листе из музея Виктории и Альберта представляет собой сцену приношения даров Каином и Авелем. Каин изображен спиной к зрителю, его голова показана в профиль, тогда как лицо Авеля — в три четверти. В верхней части композиции изображена Десница Господня, Авель традиционно помещен по правую сторону от Десницы.

Характеризуя значение этого сюжета в типологических циклах иконографических программ памятников рейнско-маасского региона, следует отметить, что эпизод включается в изобразительную программу различных типов памятников (кресты, переносные алтари,

²³ Scheller R. W. Op. cit. P. 126.

²⁴ Rhein und Maas. Kunst und Kultur 800–1400, I. S. 296.

²⁵ Scheller R. W. Op. cit. P. 123–130.

триптихи), однако семантическая роль эпизода не всегда идентична. Так, в иконографических программах крестов (которые можно выделить в отдельную подгруппу среди памятников рейнско-маасского региона с типологической иконографией) в силу формы объекта эпизод с Авелем помещается напротив сцены Жертвоприношения Каина в боковые сегменты креста, формируя бинарную оппозицию. В качестве примера можно привести не только памятники, по-видимому, близкие по времени создания рассматриваемым листам, такие как Крест из Брюсселя²⁶ и крест, реконструируемый на основании пластин из Парижа, Нанта, Кельна и Штутгарта²⁷, но и один из самых ранних сохранившийся примеров такого решения — крест из Церкви Девы Марии в Люскирхене²⁸. Отметим, что среди введенных в научный оборот памятников нет ни одного креста XII в. с типологической программой, в которой сцена Жертвоприношения Авеля не противопоставлялась бы эпизоду с Жертвоприношением Каина.

Гипотезу о взаимосвязи иконографической программы с формой и функцией предмета подтверждает тот факт, что в другой подгруппе памятников (переносные алтари, триптихи) сюжет с Каином, наоборот, не встречается: акцент делается в первую очередь на евхаристической прообразовательной роли Жертвоприношения Авеля. В такой группе памятников этот сюжет совмещается с Жертвоприношением Авраама и Дарами Мелхиседека. Примером могут служить переносные алтари рейнско-маасского региона: алтарь из Ставло²⁹ и алтарь из Мёнхенгладбаха³⁰.

Упомянутый в ряду литургических прообразов эпизод с Дарами Мелхиседека помещен в верхней части оборотной стороны листа из коллекции Музея Виктории и Альберта. Отметим, что частота включения этого сюжета в типологические циклы различна для разных подгрупп памятников. Типологический параллелизм с акцентом на литургическую тему, по-видимому, особенно характерен для изобразительных программ переносных алтарей. В силу того, что сохранных памятников рассматриваемой группы насчитывается не

---

²⁶ Создание креста относится к 1160–1170 гг. Памятник хранится в Королевских музеях искусства и истории в Брюсселе (Inv. 2293).

²⁷ Пластины, на основании которых реконструируется двусторонний крест, датируются ок. 1160–1170 гг. и происходят из следующих собраний: Лувр (Париж), Музей Добре (Нант), Государственный музей Вюртемберга (Штутгарт), Музей Шнютгена (Кельн).

²⁸ Процесссионный крест, происходящий из сокровищницы Церкви Девы Марии в Люскирхене датируется рубежом XI–XII вв.

²⁹ Ок. 1150–1158 или ок. 1160 г. Королевские музеи искусства и истории, Брюссель.

³⁰ Ок. 1160 г. Собор Св. Вита, Мёнхенгладбах.

так много, невозможно опираться лишь на количественный анализ сюжетов. Однако отметим, что среди рейнско-маасских произведений декоративно-прикладного искусства, в иконографии которых с очевидностью можно говорить о прообразовательном цикле, переносных алтарей на данный момент известно три, и все они содержат сюжет со встречей Авраама Мелхиседеком.

Иную тенденцию иллюстрирует подгруппа крестов. Для иконографии этой подгруппы памятников использование сюжета с Мелхиседеком нельзя назвать характерным, более частыми являются сюжеты, прообразующие тему Креста (Знак Тау на домах праведных иудеев, Иаков благословляет Ефрема и Манассию, Моисей и Медный Змий). Обычно такие циклы включают в себя четыре или пять прообразов, что обусловлено формой предмета (сюжеты помещаются в рукава креста и средокрестие). Исключением является реконструируемый исследователями двусторонний крест, фрагменты которого хранятся в музеях Лувра, Нанта, Кельна и Штутгарта. Расширенный цикл этого памятника включает в себя двадцать сюжетов, из которых восемь представляют собой ветхозаветные прообразы (в том числе и Дары Мелхиседека).

Иконографические сближения с программами произведений декоративно-прикладного искусства можно обнаружить и в сюжетах, помещенных на листе Виттерт. Сюжет с Жертвоприношением Авраама на одной из сторон листа разделен на два эпизода: в левой части композиции, которая начинается в нижней части листа, представлены Исаак и Авраам, поднимающиеся на гору: Исаак несет дрова для всесожжения. Показательно, что выделение сюжетного мотива с Исааком, несущим дрова, в отдельную композицию характерно для произведений декоративно-прикладного искусства, созданных в рейнско-маасском регионе. В качестве примера можно привести соответствующую миниатюру из Евангелиария из Авербода, эмалевую пластину, входящую в состав опоры креста из аббатства Сен-Бертан³¹, фрагмент креста из коллекции Музея прикладного искусства в Вене³².

На оборотной стороне листа в верхнем сегменте помещена сцена Благословения Иаковом Ефрема и Манассии. Акцент на этом эпизоде, который следует за сценой Жертвоприношения Исаака на другой стороне листа, является еще одним аргументом в пользу связи листа

---

³¹ Памятник датируется 1160–1170 гг. и хранится в Городском музее Сент-Омера.

³² Четыре эмалевых пластины (Inv. EM 400-1) из Музея прикладного искусства в Вене датируются третьей четвертью XII в. и атрибутируются как фрагменты креста.

с типологической иконографией. Это подтверждает не только отсутствие большей части нарративного цикла (истории Исаака, Иакова, Иосифа), но и тот факт, что сюжет Благословения Иакова появляется в достаточно ограниченном круге памятников XII в. Этот круг, как отмечает Г. Чапман, связан с маасской областью (или с зоной влияния этой художественной традиции)³³. В памятниках этой группы сюжет выступает визуальным прообразом Распятия: эпизод включается в прообразовательные циклы крестов и опор крестов. В данном случае визуальная переключка с формой объекта также имеет значение. Если сюжет с Дарами Мелхиседека практически не встречается в крестах (что было продемонстрировано выше), то композиция с Благословением Иакова, наоборот, не характерна для переносных алтарей, но появляется в нескольких крестах, а также отдельных эмалевых пластинах (по размерам которых можно предполагать, что они были частью креста)³⁴.

Рассматриваемый сюжет встречается в памятниках рейнско-маасской группы в нескольких иконографических вариантах. Так, Иаков может быть представлен полулежащим или сидящим на ложе или восседающим на троне³⁵. Композиция из листа Виттерт относится к первому типу. Среди визуальных параллелей в рассматриваемой группе памятников ближе всего к этой композиции следует расположить полукруглую пластину из сокровищницы собора в Трире. Создатель пластины вынужден был учитывать полукруглый формат и трансформировать под него композицию, образцом для которой могла служить неизвестная нам книга моделей (близкая по составу и композициям листам из Библиотеки Льежского университета и Музея Виктории и Альберта). В целом, композиционное решение этой пластины очень близко соответствующему эпизоду листа Виттерт.

К другому иконографическому типу относятся композиции, входящие в иконографическую программу креста из Британского музея³⁶, креста и Музея Виктории и Альберта³⁷, опоры креста из

---

³³ *Chapman G. Op. cit. P. 36.*

³⁴ Самым спорным с точки зрения первоначального назначения объектом, входящим в эту группу, является полукруглая пластина из сокровищницы собора в Трире. Эта пластина могла быть частью филактерия, реликвария, переносного алтаря или большого креста. См. подробнее: *Descatoire Ch. Un ensemble d'émaux de la seconde moitié du XIIe siècle: les plaques de la cathédrale de Troyes, influences et spécificités // L'oeuvre de Meuse II: Orfèvrerie septentrionale XIIe et XIIIe siècles / Ed. par Ph. George. Liège, 2018. P. 54.*

³⁵ *Chapman G. Op. cit. P. 36.*

³⁶ Ок. 1160–1170 гг. Британский музей, Лондон, N. 1856, 0718.1.

³⁷ Ок. 1160–1170 гг. Музей Виктории и Альберта, Лондон, N. 7234-1860.

монастыря Сен-Бертан. Здесь Иаков представлен сидящим фронтально. Но, несмотря на существующие между иконографическими типами отличия, важно отметить, что общие композиционные принципы схожи: и в Листе Виттерт, и в обозначенных примерах эмалевых пластин жест Иакова помещен в геометрический центр композиции, таким образом, и на визуальном, и на семантическом уровне подчеркивается типологическая роль сюжета.

Итак, выше был рассмотрен ряд иконографических и композиционных аналогий, позволяющих сблизить композиции на листах из Библиотеки Льежского университета и Музея Виктории и Альберта с изобразительными циклами в произведениях декоративно-прикладного искусства и книжной миниатюры. Отмеченные параллели позволяют сделать некоторые предположения о роли листов из Льежа и Лондона в процессе распространения типологической иконографии, востребованной в рейнско-маасском регионе. На основании рассмотренных примеров можно с большими основаниями выдвигать гипотезу о том, что два листа с ветхозаветными композициями относятся к категории листов-образцов или фрагментов «тетрадей моделей», которые могли использоваться как художниками, так и мастерами-эмальерами, и, таким образом, выступать важным звеном в процессе трансляции иконографических и композиционных приемов.

References

- Balace S. *Historiographie de l'art mosan. Thèse soutenue à l'université de Liège*. Liège: L'université de Liège, 2009. 937 p.
- Chapman G. *Jacob Blessing the Sons of Joseph: A Mosan Enamel in the Walters Art Gallery // The Journal of the Walters Art Gallery*. 1980. Vol. 38. P. 34–59.
- Collon-Gevaert S. *Quelques miniatures mosanes du XIIe siècle // Revue belge d'archéologie et d'histoire de l'art*. Bruxelles: l'Académie royale d'archéologie de Belgique, 1935. T. 5. P. 17–25.
- Descatoire Ch. *Un ensemble d'émaux de la seconde moitié du XIIe siècle: les plaques de la cathédrale de Troyes, influences et spécificités // L'oeuvre de Meuse II: Orfèvrerie septentrionale XIIe et XIIIe siècles / Ed. par Ph. George*. Liège: Institut du Patrimoine Wallon, 2018. P. 49–65.
- Grabar A., Nordenfalk C. *Romanesque Painting from the Eleventh to the Thirteenth Century*. Geneva: Skira, 1958. 230 p.
- Klemm E. *Ein romanischer Miniaturenzyklus aus dem Maasgebiet*. Vienna: Adolf Holzhausens, 1973. 104 S.
- Leclercq-Marx J. *Autour de la Bible de Floreffe (région mosane, c. 1160): questions d'iconographie // Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire*. Bruxelles. Vol. 85/86. 2019. P. 71–84.
- Macarenko A. *L'Évangélaire d'Averbode*. Herent: Peeters, 2020. 60 p.
- Mosaner Psalter-Fragment / Komm. H. Swarzenski*. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1974. 20 S. Päch O. *Book Illumination in the Middle Ages*. London: H. Miller Publishers; New York: Oxford University Press, 1986. 221 p.

Pozhidayeva A.V. *Tsikl Tvoreniya v zapadnoyevropeyskom iskusstve XI — nachala XIII vv.: opyt ikonograficheskoy genealogii: avtoreferat diss. ... kandidata iskusstvovedeniya* [The Cycle of Creation in Western European Art from the 11th through Early 13th Century: A Case of Iconographic Genealogy: Abstract of the Diss. for the Degree of Candidate of Art History and Criticism]. Moscow: MGU, 2008. 35 p.

Rhein und Maas. Kunst und Kultur 800–1400. Eine Ausstellung des Schnütgen-Museums der Stadt Köln und der belgischen Ministerien für französische und niederländische Kultur. Band 1. Köln: Schnütgen-Museum, 1972. 425 S. Band 2. Köln: Schnütgen-Museum, 1973. 510 S. Schapiro M. *An Illuminated English Psalter of the Early Thirteenth Century* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1960. Vol. 23. P. 179–189.

Scheller R.W. *Exemplum: Model-Book Drawings and the Practice of Artistic Transmission in the Middle Ages (Ca. 900 – Ca. 1470)*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2000. 434 p.

Stratford N. *Three English Romanesque Enamelled Ciboria* // *The Burlington Magazine*. 1984. Vol. 126. N 973. P. 204–217.

Поступила в редакцию
6 мая 2022 г.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

- текстовый редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом.

Текст представляется в редакцию по электронной почте (scobo_chka2@mail.ru) или на usb-накопителе без компьютерных вирусов. Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников. Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — в отдельных файлах.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом не менее 250 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, адрес электронной почты автора, ORCID;
- список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью аспирантам и преподавателям исторического факультета МГУ нужно сопроводить выпиской из протокола заседания кафедры с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) – доктор исторических наук, академик РАО, профессор; АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович (заместитель главного редактора) – кандидат исторических наук; БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич (заместитель главного редактора) – кандидат исторических наук; БОРИСОВ Николай Сергеевич – доктор исторических наук, профессор; БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич (ответственный секретарь) – доктор исторических наук, профессор; БОРОДКИН Леонид Иосифович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; ВАНЕЯН Степан Сергеевич – доктор искусствоведения; ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич (заместитель главного редактора) – доктор исторических наук, профессор; ДЕВЯТОВ Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор; КАНТОНОВИЧ Анатолий Робертович – доктор исторических наук; КАРЕВ Андрей Александрович – доктор искусствоведения, профессор; КАРПОВ Сергей Павлович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор; КОШЕЛЕВА Галина Владимировна (редактор); КОШМАН Лидия Васильевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник; ЛИТВИНА Наталья Викторовна – старший научный сотрудник; МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович – доктор исторических наук, профессор; МИРОНЕНКО Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор; ОРЛОВ Степан Владимирович – кандидат экономических наук; ПИВОВАР Ефим Иосифович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; ПОДОСИНОВ Александр Васильевич – доктор исторических наук; РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор; РОГУЛЕВ Юрий Николаевич – кандидат исторических наук; САПРЫКИН Сергей Юрьевич – доктор исторических наук; СЕДОВ Владимир Валентинович – доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; СИМОНОВ Вениамин Владимирович – доктор экономических наук, профессор; СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна – кандидат исторических наук; ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна – кандидат исторических наук; ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 20.03.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 11,71. Тираж 120 экз. Изд. № 12306. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>